

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП

6 И Ю Н Ъ
1 9 3 8

И з д а т е л ь с т в о Г л а в с е в м о р п у т и

151815

СОДЕРЖАНИЕ

Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.	3
О высшей школе. (Речь тов. В. М. Молотова на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая с. г.)	5
По-большевистски провести навигацию	17
Г. Сысоев. Исправить ошибки в работе комсомола	23
Н. Комов. Метеонаблюдения станции „Северный полюс“	29
 <i>НА СЕВЕРНЫХ МОРЯХ И РЕКАХ</i>	
В. Назаров. Трасса Северного морского пути	33
В. Березин. Речной транспорт в навигацию 1938 года	41
А. Вольский. О Подтесовском затоне	45
 <i>НАШИ ПРОМЫСЛЫ</i>	
В. Васильев. О промысле на Ямале	47
А. Тюлин. Науку — песцовому хозяйству	49
Б. Бакланов. Создать новый тип промыслового ружья	50
Е. Бурмакин. Гыданские рыбные промыслы	51
 <i>ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ</i>	
С. Нагорный. Стойкость, смелость, настойчивость	55
Я. Либин, А. Погосов. Папанинцы	65
Н. Подорольский. Евгений Федоров	74
И. Спирин. Опять к полюсу	79
 <i>НА ЗИМОВКАХ</i>	
Как мы живем и работаем	84
Ветро двигатели в Арктике	89
 <i>ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ</i>	
Ал. Вольский. Макаров и ледокол „Ермак“	91
 <i>НАМ ПИШУТ</i>	
Т. Караваева. Проблема питания в Арктике	102
Н. Георгиевский. Борьба со снежными заносами в Арктике	103
Н. Рихтер. Незадуваемый фонарь „Пурга“	105
Г. Алексеев. Радиосвязь самолета	106
 <i>ОБЗОР ПЕЧАТИ</i>	
Л. Филатов. Газета, оторванная от жизни	107
М. Державин. Театры в Арктике	109

РЕЧЬ тов. СТАЛИНА

на приеме в Кремле работников высшей школы
17 мая 1938 г.

Товарищи!

Разрешите провозгласить тост за науку, за ее процветание, за здоровье людей науки.

За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой (*аплодисменты*).

За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всеислие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки (*аплодисменты*).

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (*аплодисменты*).

Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (*аплодисменты*). Вспомните 1917 год. На основа-

нии научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждая, что Ленин находится „в бреду“. Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что „Ленин сошел съума“, что его следовало бы упрятать куда-нибудь подальше. Против Ленина были тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил (*аплодисменты*).

Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки.

Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Папанин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. Но кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?

Вот какие еще бывают „чудеса“ в науке.

Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется передовой наукой.

За процветание нашей передовой науки!

За здоровье людей передовой науки!

За здоровье Ленина и ленинизма!

За здоровье Стаханова и стахановцев!

За здоровье Папанина и папанинцев! (*аплодисменты*).

О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

(Речь тов. В. М. МОЛОТОВА на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая с. г.)

Товарищи, разрешите передать вам, Первому всесоюзному совещанию работников высшей школы и в вашем лице всем работникам высшей школы и советскому студенчеству, большевистский привет Центрального Комитета Партии и Совета Народных Комиссаров Союза. *(Бурные аплодисменты. Раздаются возгласы: „Да здравствует наш великий учитель товарищ Сталин, ура! Да здравствует большевистская партия! Да здравствует верный соратник товарища Сталина товарищ Молотов!“ Бурные аплодисменты).*

І. Развитие высшего образования в СССР

Товарищи, наша высшая школа прошла к настоящему времени очень важный период своего развития. Прошло двадцать учебных лет высшей школы при советской власти. Прошло последнее десятилетие, в течение которого мы произвели коренную перестройку высшей школы.

В 1928 году вопрос о высшей школе встал перед нами, как одна из крупнейших политических задач. Это стало ясно после разоблачения шахтинских вредителей из лагеря буржуазных специалистов. Тогда обнаружилось с особой силой, как еще вообще слаба советская страна техническими силами, как еще живуче буржуазное влияние и как раскинута работа иностранной агентуры в среде старых специалистов и как мы были тогда бедны кадрами новых, действительно советских специалистов.

Как и в других важных делах, тов. Сталин был главным инициатором реорганизации вузов и втузов на протяжении 1928—1929 гг.

Центральный Комитет большевистской партии должен был вплотную заняться данным вопросом. В результате этого сеть наших вузов и количество учащихся в них значительно увеличились. Технические и другие вузы были переданы наркоматам, непосредственно заинтересованным в подготовке кадров. Состав учащихся в вузах значительно обновился, в первую очередь, за счет детей рабочего класса. Удельный вес

высшей школы в общественной жизни страны значительно поднялся. Высшая школа стала на ноги в соответствии с новыми требованиями советского государства.

Ваше совещание собралось в момент, когда мы уже можем сказать, что реорганизация вузов в основном закончена. Вузы в нашей стране построены. Дело не только в количестве вузов и в количестве учащихся в них, дело не только в обновленных учебных программах, планах и т. п. Реорганизация вузов в основном завершена, завершена в том смысле, что они построены теперь применительно к потребностям государства, строящего социализм.

Это не значит, что мы вполне удовлетворены положением в области высшего образования, что у нас нет крупных недостатков в этом деле. Напротив, об этих недостатках нам еще придется говорить. Но теперешние вузы это уже не те вузы, которые мы имели в первые годы советской власти и даже десять лет тому назад. Если взять в целом наше высшее образование, наши высшие школы, технические и военные, педагогические и медицинские, а также другие, то мы уже имеем такую организацию этого дела, которая в основном отвечает всем важнейшим потребностям советского государства. Не трудно указать на многие недостатки и, если хотите, на целые провалы в некоторых отраслях нашего высшего образования. Для того и создано Всесоюзное совещание работников высшей школы, чтобы оно помогло развернуть борьбу с этими недостатками по-настоящему, со всей энергией и организованностью. Ваша задача облегчена тем, что сеть основных вузов построена, что все дело высшего образования получило уже достойный Советского Союза размах и у нас имеется все необходимое для дальнейшего развития высшей школы, для расцвета высшего образования.

Сравните положение нашей высшей школы с высшей школой капиталистических государств и вы увидите колоссальную разницу в пользу СССР. Судьбы высшей школы в капиталистических государствах и в Советском Союзе, как и всякое другое крупное общественное явление, отражают коренное различие в развитии двух миров — капиталистического и социалистического. В странах капитализма высшая школа переживает тяжелую пору кризиса, упадка. Другое дело в СССР. У нас обратная картина.

Возьмем имеющиеся в печати последние данные о высшей школе в капиталистических странах. Получаем такую картину о числе учащихся в вузах: во Франции и в Германии по 74 тыс., в Италии — 73 тыс., в Великобритании (по метрополии) — 51 тыс. У всех четырех так называемых „великих держав“ Европы, вместе взятых, количество учащихся в вузах достигает 270 тысяч. Добавим к этому, что количество учащихся в вузах Японии составляет 146 тысяч. Таким образом, у Германии, Италии, Англии, Франции и Японии, вместе взятых, количество учащихся в вузах составляет несколько больше 400 тысяч. Сравните с положением в СССР. Один Советский Союз, с его 550 тыс. учащихся в высшей школе, имеет студентов больше, чем все вузы великих держав Европы вместе с Японией. (*Аплодисменты*). Мы имеем право гордиться таким положением. Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция Советского Союза могут гордиться тем, что наша высшая школа стоит на высоком уровне развития, что рабоче-крестьянское государство проявляет к этому делу такую заботу, которая не по плечу почтенным буржуазным государствам. (*Аплодисменты*).

Вы знаете также, что для ряда буржуазных государств характерно, что за последние годы количество вузов и учащихся в них не только не увеличивается, а сокращается. Высшая школа в буржуазных странах не только недоступна трудящимся, но она во многих случаях переживает упадок по сравнению даже с прежними годами.

Несмотря на это, во всех буржуазных странах растет безработица среди ученых профессий. Это относится не только к Европе, но и к Америке. Есть уже такие отрасли интеллигентного труда, где половина специалистов с высшим образованием остается без работы, а зачастую и без обеспеченного куска хлеба. Поищите-ка у нас безработного ученого, безработного специалиста! Если бы кто-нибудь нашел у нас безработного ученого, мы бы ему дали премию! (*Аплодисменты. Смех*). У нас обратное положение. Советская высшая школа выпускает теперь уже ежегодно до ста тысяч специалистов, а у нас все еще большой недостаток в специалистах во многих отраслях работы. В наших условиях такие вещи, как „безработица ученых профессий“, звучат просто дико.

Говорят и так, что люди ученых профессий в капиталистических странах наказаны тяжелой безработицей за то, что многие из них слишком долго проявляют неспособность понять реакционность и гнилость современного капитализма. В этом замечании есть зерно правды. Ученые люди и специалисты буржуазного общества — выходцы из имущих слоев, из буржуазных и мелко-буржуазных классов. От этого общества сейчас нельзя ждать хорошего, передового общественного воспитания. Поэтому буржуазные и мелко-буржуазные интеллигенты нередко отличаются неспособностью понять, что капиталистический строй уже отжил свой век. Многие из них продолжают цепляться за этот строй, а он жестоко отплачивает им ростом безработицы среди ученых профессий. Но если рабочие и многие крестьяне в буржуазных странах все больше проникаются революционным отрицанием капитализма, то по этому пути неизбежно должна пойти и все большая часть интеллигенции, в первую очередь из ее демократических слоев.

Капитализм уже во многих странах, можно сказать, добился того, что в рабочем классе он имеет своего непримиримого врага. Количество недовольных растет не только среди рабочих, но и среди крестьян, среди мелких служащих, среди кустарей. Количество недовольных растет и среди интеллигентных профессий — учителей, врачей, инженеров, агрономов, профессоров, писателей, ученых. Все большее количество людей в буржуазных странах, в том числе и среди выходцев из привилегированных слоев общества, из ученых профессий, из интеллигенции, убеждается в том, что капитализм уже не способен обеспечить развитие культуры, развитие науки, не способен служить делу прогресса. Эти люди обращают свои взоры в нашу сторону. Но мало убедиться в неспособности капитализма служить делу прогресса, мало и того, чтобы понять опасность фашизма, который порождается современным гниющим на корню капитализмом. Надо еще найти дорогу из капитализма к новому строю. И вот это вызывает интерес к Советскому Союзу, к нашей работе, к нашему культурному строительству, к развитию техники и науки в СССР. Нас изучают, на нашем примере проверяют свою критику капитализма и пути построения нового общества. Все это накладывает на нас ответственность не только перед общественным мнением нашей страны, но и перед общественным мнением всего прогрессивного человечества. (*Бурные аплодисменты*).

II. Решающая задача высшей школы в наши дни

На вашем совещании много говорилось о недостатках нашей высшей школы. И это правильно. Этих недостатков не мало. Вместе с ростом наших требований к высшей школе эти недостатки нам становятся яснее, а эти требования растут и будут расти и дальше.

Построив мощную сеть вузов в соответствии с гигантскими требованиями государства, мы еще далеко не навели должного порядка в этом деле. За какую бы отрасль высшей школы мы ни взялись, мы это чувствуем на каждом шагу.

Возьмите планирование в строительстве вузов. У нас есть значительные отрасли народного хозяйства и культуры, которые плохо обеспечены подготовкой кадров специалистов. Состояние подготовки национальных кадров специалистов в ряде республик также неудовлетворительно. Многие еще недоделано в этой области.

Вопросам учебных планов и программ в высшей школе ваше совещание уделило большое внимание. Это было необходимо. Нужно покончить с частыми изменениями учебных планов и программ, внести устойчивость в это дело. Разобраться во всем этом, установив соответствующие современным требованиям учебные программы и покончив с излишней, затрудняющей учебу многопредметностью, значит — ликвидировать ряд вредительских безобразий, серьезно мешающих развитию высшей школы.

Теперь возьмите вопрос о руководящих кадрах вузов. Подбору директоров и профессорско-преподавательских кадров уделялось в последнее время немало внимания. Но и в этой области много слабых мест. Мало подобрать, надо еще руководить этими кадрами. Между тем ГУУЗ'ы нередко работают очень слабо. Да и Комитету высшей школы надо еще много поработать над подбором руководящих кадров вузов и над правильным проведением штатно-окладной системы.

Сравнительно мало здесь говорилось о студенческих организациях. Между тем в высшей школе они играют важную роль. От их работы многое зависит в создании благоприятных условий для учебы, в обеспечении сознательной дисциплины среди студенчества, в общественном воспитании молодежи. Нельзя не отметить сказанную на этом совещании речь студентки Макаровой. Своим выступлением, в частности насчет безразличного отношения руководителей вузов к вновь вступающим в высшую школу, тов. Макарова подчеркнула, насколько еще у нас силен бюрократизм, бездушное отношение к учащейся молодежи. Она справедливо также защитила свой библиотечный вуз, потому что в нашей стране, где в народе развились такие громадные потребности в книге, в знаниях, библиотечное дело приобрело большое государственное значение. Надо, чтобы студенческие организации больше давали о себе знать в нужных случаях.

Работа Комитета высшей школы должна сказаться еще и в строительстве вузов, и в заботе о технической базе высшей школы, и в дальнейшем улучшении бытовых условий студенчества, и во многом другом. Сильнее должны почувствовать помощь со стороны Комитета и наши наркоматы. Но уже теперь можно сказать, что по сравнению с первым периодом работы Комитета, когда к руководству пробрались буржуазные перерожденцы-вредители, Комитет заработал по-новому. *(Аплодисменты).*

Можно и должно говорить о многих недостатках в высшей школе. Их действительно много. В докладах и речах на этом совещании гово-

рили об этом. Но сейчас необходимо сосредоточить внимание на главном. Следует признать, что среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является недостаток хороших учебников. Это признают и профессора и студенты. О недостатке учебников здесь говорилось немало. Но следует этот вопрос поставить не на ряду с прочими, а в качестве вопроса первостепенной важности.

У нас не мало учебников. Есть старые неплохие учебники, есть и обновленные хорошие учебники. Подготавливается издание новых и новых. На 1938 год намечен большой план издания учебников. Но это вовсе не значит, что указанный план издания учебников сколько-нибудь серьезно подготовлен. Этот план надо подвергнуть проверке, не сводя дело к формальному утверждению. Справедливо также указание на то, что даже подготовленные учебники не всегда обеспечиваются своевременным изданием. Но главный вопрос лежит не в издательской области. Ударение необходимо поставить на подготовке, на составлении учебников. Насколько серьезен вопрос об учебниках, соответствующих нашим теперешним требованиям, вы знаете по примеру издания одного учебника для средней школы. Составленный профессором Шестаковым и его группой учебник истории СССР получил, как известно, не первую, а вторую премию. Но чтобы получить этот учебник, над ним немало пришлось поработать и Центральному Комитету ВКП (большевиков). (*Аплодисменты*).

Чтобы по-настоящему обеспечить издание хороших учебников, надо проделать очень большую работу. Надо прежде всего умело собрать необходимые для этого научно-преподавательские силы. Надо много, настойчиво и серьезно поработать над их организацией по соответствующим отраслям. Осуществить правильное руководство этим делом, значит — провести действительно серьезную и очень умную работу.

Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем готовить учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи. Высшая школа должна иметь и будет иметь хороший советский учебник. (*Аплодисменты*).

Что студенты в этом нуждаются — нечего доказывать. Достаточно сказать, что не найдется таких вузов, которые были бы по-настоящему обеспечены хорошими учебниками. Студенты жаждут получить хороший советский учебник. Они заждались его. Такой учебник облегчит и всю работу профессуры вузов. Без соответствующих учебников даже хорошее преподавание частично обесценивается, а с этим нельзя мириться. Стоит вопрос и об издании учебников по таким темам, как Сталинская Конституция, колхозное строительство, социалистическое планирование, народно-хозяйственный учет и др.

Мы можем теперь по-серьезному поставить вопрос об учебниках для высшей школы. У нас есть научно-преподавательские кадры, которые с честью справятся с этой большой задачей. Профессора и преподаватели, старые ученые и молодые научные работники, должны взяться за это дело, как за одну из важнейших и неотложных государственных задач. Мы обязаны создать для этого необходимые организационные предпосылки, облегчить работу соответствующих авторов и авторских групп.

Тут найдется работа для многих, работа интересная и исключительно ценная для советского государства. Можно не сомневаться, что эта работа приведет к более серьезной критической проверке наших учебных программ и планов и поставит ряд новых вопросов в высшей школе, да и в области науки.

Пока мы организуем издание этих учебников, нам придется еще много переиздавать старых учебников. Даже тех, которые нас уже далеко не удовлетворяют. Надо признать, что высшая школа нуждается в новых учебниках, в таких советских учебниках, которые дадут ей прочную базу для дальнейшего развития. Если в прошлом большевикам много приходилось заниматься агитационными брошюрами и резолюциями, то теперь наши задачи посложнее, и пусть лучше будет поменьше резолюций, но побольше хороших советских учебников. *(Аплодисменты)*.

Если в этом вопросе ваше совещание даст должный толчок, оно сделает большое дело. Нельзя забывать о многих недостатках в высшей школе, но надо отдать отчет, в чем здесь заключается главный недостаток. Тогда нам будет ясно, что здесь решающая задача заключается в том, чтобы обеспечить высшую школу хорошими учебниками, достойными нашего великого дела, дела социализма. Тогда мы безусловно поднимем нашу высшую школу на новую, более высокую ступень, и она еще лучше заблестит своими новыми успехами. *(Аплодисменты)*.

III. Значение идейно-политического воспитания

Почему мы, большевики, придаем такое большое значение идейно-политическому воспитанию? Почему? Потому что размах нашего дела, размах дела социализма, требует этого. Размах нашего дела настолько велик, проводимое советской властью переустройство жизни вносит такие коренные изменения, что в наших условиях нельзя замыкаться только в повседневные дела и текущие нужды, а необходимо сознательно относиться к генеральному пути нашего развития, к историческим событиям, участниками которых мы являемся. Мы, большевики, считаем, что верным компасом в исторических событиях может служить ленинизм, раскрывающий их действительную сущность. Овладеть ленинизмом — в этом важнейшая задача работников высшей школы, в этом важнейшая задача советского студенчества.

Чтобы пояснить свою мысль, я остановлюсь на том, как ленинизм понимает задачу перехода от капитализма к социализму. Ленинизм учит, что социализм можно построить только из того материала, который оставил нам капитализм, что социализм можно построить руками не каких-то там искусственно выращенных, вне капиталистического общества воспитанных, „чистеньких“, праведников-социалистов, которых в жизни нет и не может существовать, а руками тех людей, которые существуют, с их действительными недостатками и достоинствами, которые выросли и воспитывались в недрах самого капиталистического общества. О великом значении этих ленинских мыслей нам говорят все новые и новые факты нашего времени. Поэтому я процитирую здесь одно из замечательных высказываний В. И. Ленина по этому вопросу. Беру статью Ленина „Успехи и трудности Советской власти“, написанную в марте 1919 года. Вот что писал здесь Ленин:

„Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным мирозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях,— и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя — все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов.

Если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взяли власть, когда мы получили советский аппарат!

Это одна половина задачи, и это большая половина задачи. Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах.

Так поставлена задача во всех областях — задача противоречивая, как противоречив весь капитализм, труднейшая, но выполнимая. Не потому, что мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без пятна и упрёка; нет, извините, нам надо все устроить теперь,

не через двадцать лет, а через два месяца, чтобы бороться против буржуазии, против буржуазной науки и техники всего мира. Тут мы должны победить. Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам — трудно, но можно; и если мы это сделаем, мы победим“.

Вы видите, что Ленин с самого начала совершенно определенно ставил вопрос о том, как именно, из какого именно материала можно построить социализм, и вы видите, как мы уже далеко продвинулись по этому пути. Он жестоко высмеивал рассуждения на тему о том, что для строительства социализма сначала нужно воспитать „хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей“, „людей, которые в парниках будут приготовлены“. Опрокидывая эти рассуждения едкой насмешкой, он говорил: „Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе“. Он указывал на то, что в капиталистическом обществе наряду с буржуазией и другими господами положения существуют пролетарии, из которых капитализм выковывает героическую армию борцов за социализм и которые при умелой тактике могут повести за собой миллионы крестьян и мелкого городского люда. Но он указывал также и на то, что этого недостаточно, что необходимо включить в дело строительства социализма, идущего на смену капиталистическому обществу, инженеров, учителей, агрономов и других интеллигентов, которые вышли из имущих классов, воспитаны в буржуазном духе. Ленин указывал, что без привлечения буржуазных специалистов нельзя приступить к строительству социализма. Он уже тогда говорил: „У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов“. Ленин без обиняков говорил: „Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем“. Ленин указал путь, каким создать новое из старого, как использовать старый материал в интересах нового общества. Мы шли по этому пути, по пути ленинизма, и вы видите: социализм победил. (*Бурные аплодисменты*).

Но, чтобы строить из этого материала новое общество, надо ясно видеть цель и пути ее осуществления. Ограничив свой кругозор привычными в буржуазном обществе понятиями и повседневными мелкими заботами, нельзя понять поставленной историей перед людьми нашей эпохи коренной задачи, задачи переустройства и обновления общества. Без усвоения такого учения, как марксизм-ленинизм, освещающего генеральный путь исторического развития, раскрывающего смысл современных событий, нельзя быть сознательным участником исторических событий нашего времени.

Это не значит, что достаточно записаться в коммунисты, наклеив на себя соответствующий ярлык, и этим получишь право на имя передового человека нашей эпохи. Мы теперь хорошо знаем, что под коммунистов, под защитников ленинизма, подкрашиваются и злейшие наши враги. Кое-кого из таких людей события даже на время захватывают и поднимают высоко. Но фальшь рано или поздно все равно обнаружится. В больших событиях нашей эпохи иногда на поверхность

выплывают, играя известную роль, и разные ловкие люди, набрасывающие на себя маску сочувствия социализму, а на самом деле не верящие в то, что можно жить без подачек от господ с тугой мошной, без прислужничества буржуазии.

После событий последнего времени мы хорошо знаем, что среди этих примазавшихся к советской власти и большевистской партии людей было немало старых и новых платных агентов буржуазии, агентов белогвардейщины и иностранных разведок. Надо признать, что мы проявили недопустимую доверчивость ко многим из них, что мы, даже борясь с ними, слишком долго считали их идейными людьми, представляющими политическое течение. На самом деле все эти троцкисты, бухаринцы и им подобные давно уже превратились в банду шпииков и убийц, вредителей и диверсантов. В этой среде оказалось немало матерых агентов царской охранки, растленных провокаторов и предателей, за жалкую мзду выполнявших гнуснейшие поручения белогвардейских и иностранных разведок, усердно ползавших перед ними на брюхе. Этим господам пришлось изловчаться в двурушничестве, пришлось по-змеиному изворачиваться в предательстве. Все эти господа, имена которых вам известны по последним судебным процессам, показаны теперь перед всем миром в их подлинном виде, без масок, и вы знаете, что более отвратительного зрелища, чем этот человеческий хлам, кажется, нельзя представить.

Да, ведь, это и есть те люди, которых старое общество, господствующие классы капитализма хотели бы иметь в нашей среде, чтобы разлагать наше дело, чтобы подрывать его успехи. Это люди, через которых буржуазия еще стремилась и стремится вернуться снова к власти, расчистить снова место для своего господства. Вся эта орава убийц, шпииков и вредителей была последней ставкой буржуазии. На их подрывную и разлагающую двурушническую работу рассчитывали белогвардейцы и меньшевики, эсеры и иностранные шпионы-разведчики. Ничего идейно более высокого, морально более прочного у старого общества для борьбы с социализмом не осталось. Все эти троцкисты и бухаринцы вместе с их подручными всякого рода — ничто иное как отребье буржуазного общества, его агентура, представляют идейный и моральный облик этого общества, если еще позволительно здесь говорить о каких-либо идеях, о какой-либо морали. Мы хорошо знаем теперь, кто эти люди, протитуированные до конца. Они в своем отвратительном оголенном облике отражают идейно-моральный облик гниющих, доживающих свой век буржуазных классов. Мы и отправили их туда, куда история в не таком отдаленном будущем отправит, должно быть, и само капиталистическое общество. *Бурные аплодисменты*).

Ленин указывал на то, что построение социализма из материала, оставленного капитализмом, задача противоречивая. Старое не уступает дорогу новому без боя, без упорной борьбы. С другой стороны, новое, а значит и новые люди, могут вырасти и закалиться только в борьбе с этим старым, смело расчищая дорогу социализму. Чтобы обеспечить возможность разобраться в этих противоречиях, найти правильный путь и идти вместе с передовыми людьми нашего времени, нужна постоянная работа по идейно-политическому воспитанию масс, по идейно-политическому воспитанию молодежи, а также самих руководящих кадров и специалистов всех отраслей. Тогда не придется долго ждать того момента, когда мы разгромим до конца всех и всяких буржуазных

перерожденцев, как бы они ни двурушничали, ни изловчались, ни изворачивались. (*Аплодисменты*). У нас быстро растет и крепнет опора нашего дела в народных массах. Опора нашего дела — наши стахановцы и ударники заводов, фабрик и колхозов, герои труда, техники и науки, герои военного дела, авиации и Арктики, растущая в своих знаниях и общественном опыте советская молодежь. (*Аплодисменты*). Перед неуклонным ростом этих сил потуги наших врагов бессильны. Желание сознательно участвовать в рядах строителей нового общества и честно служить до конца своей родине все больше захватывает людей всех поколений нашей страны.

Уроки последних политически разоблачительных судебных процессов весьма существенны. Теперь мы особенно хорошо запомнили указание товарища Сталина о том, как опасна в наше время политическая беспечность. Пополнились и наши представления в вопросе о государстве, в вопросе о государстве вообще и о социалистическом государстве, находящемся во внешне капиталистическом окружении, в частности. Больше чем когда бы то ни было мы поняли политическую роль шпионских разведок иностранных государств и вместе с тем необходимость своей собственной хорошей разведки. Наши представления в вопросе о государстве стали еще конкретнее, и это облегчит нам более правильное использование аппарата государства в деле строительства нового, коммунистического общества.

Из борьбы с врагами народа мы вышли отнюдь не ослабленными. Напротив, мы еще больше окрепли и еще больше уверены в полной победе нашего дела. (*Аплодисменты*).

Как отразились эти события на нашей практической работе, можно судить хотя бы по такому примеру. Я имею в виду работу промышленности в этом году. За 1937 год, в результате разоблачения вредительства, нам пришлось произвести значительную смену кадров в промышленности. Вместо многих, чрезмерно кичившихся своим долгим опытом, а на деле политически переродившихся и запутавшихся во вредительстве „коммунистов“ и инженеров-специалистов, нам пришлось за последние месяцы выдвинуть много новых людей, главным образом, из невидных ранее практиков и молодых специалистов. В некоторых отраслях промышленности пришлось заменять целый слой политических прогнивших работников. Теперь можно уже судить о первых результатах этого обновления руководящих кадров в промышленности.

Как известно, 30 ноября 1937 года была опубликована производственная программа промышленности на 1938 год. Эта программа предусматривала рост продукции промышленности в этом году на 15,3% против прошлого года. При теперешних масштабах нашей промышленности такой рост промышленной продукции за один год представляет громадную величину, не говоря уже о том, что это ярко подчеркивает преимущества социалистического строя перед капиталистическим, где опять развертывается глубокий экономический кризис. Справляются ли с поставленной задачей наши теперешние хозяйственные кадры?

Сравним производственную продукцию января этого года с январем прошлого года. Оказывается, в январе мы имели увеличение продукции против января 1937 года на 5,5%. Мы пошли вперед, но увеличение против прошлого года было еще сравнительно небольшое. Февраль этого года дал увеличение промышленной продукции на 9% против февраля прошлого года. Этим был сделан дальнейший шаг вперед. Март против марта прошлого года дал увеличение промышленной

продукции уже на 12%. Нарастание темпов роста промышленности здесь достаточно видно. Теперь мы имеем данные и об апреле месяце. Апрель дал увеличение промышленной продукции против апреля прошлого года на 15%. (*Бурные аплодисменты*).

Как видите, наша промышленность вошла уже в русло выполнения годового плана. Это не значит, что у нас нет отсталых и плохо работающих отраслей промышленности. Ни о каком успокоении на достигнутом уровне не может быть и речи. Но вам понятно, что такой подъем и такое нарастание темпов роста промышленности может происходить только на здоровой основе. На наших глазах новые кадры овладевают руководством промышленностью. Смена политически провалившихся руководителей, расчистка хозяйственного аппарата от врагов-вредителей отнюдь не ослабила промышленность. Новые кадры уже подбирают к рукам порученное дело, успешно справляясь с ним. Это показатель того, как выросли наши хозяйственные кадры, какими резервами мы уже располагаем и как уверенно мы можем двигаться вперед, организуя правильное выдвижение новых сил, правильное воспитание и руководство ими. Подобные успехи стали возможны благодаря тому, что весь рабочий класс и вся масса трудящихся нашей страны быстро растет в своей общественной сознательности и в своем умении организовать труд. У нас все дети охвачены начальной школой, и быстро растет среднее образование. То, что средняя школа стала доступна для миллионов юношей и девушек, имеет громадное значение. То, что высшая школа сделала за последние годы в подготовке новых кадров специалистов, уже начинает давать свои серьезные плоды. Мы должны дорожить каждым старым специалистом, и беречь их, но главной силой среди квалифицированных специалистов стали уже специалисты нового поколения, число которых растет с каждым днем.

Насколько в культурном отношении выросли уже народы Советского Союза, насколько выросли и кадры наших специалистов, мы видим на каждом шагу по фактам, относящимся к нашему хозяйственному фронту. Мы всячески стремились и стремимся продлить период мирной передышки — на это всегда были направлены усилия советской власти и большевистской партии, усилия нашего великого руководителя и вождя народов товарища Сталина. (*Бурные продолжительные аплодисменты. Все встают*).

Мы не даром прожили эти годы мирной передышки. Уже немало сделано в деле подготовки новых советских кадров специалистов. В этой области теперь решает дело идейно-политическое воспитание. Еще год тому назад тов. Сталин говорил:

„Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет“.

Чтобы двигаться уверенно вперед, чтобы обеспечить расцвет сил нашей родины, мы должны помнить об этих указаниях тов. Сталина, помнить о значении идейно-политического воспитания в наше время.

Когда-то про победу немцев во франко-прусской войне 70—71 г.г. говорили, что в этой победе решающую роль сыграла школа, учитель. Действительно, в тот период Германия сделала немало, чтобы поднять образование в своей стране. И это, наряду с другими моментами, сыграло очень крупную роль в победе немцев над французами. В нашей стране за последние годы проведена невиданная по размерам и зна-

чению работа по поднятию культуры, по развитию народного образования, по созданию кадров высоко-квалифицированных специалистов. Наша страна уже не та, какой она была в первых боях против иностранных интервентов в 1918—20 г.г. И если даже тогда, полуразрушенная войной, культурно отсталая и истощенная страна справилась с широко организованным внешним нападением, то теперь, когда материальный и культурный уровень народа значительно поднялся, когда политически и морально народы Советского Союза небывало сплочены под нашим большевистским знаменем, для полного успеха нашего дела достаточно того, чтобы каждый гражданин Советского Союза выполнил свой долг, долг честного сына своего народа. (*Бурные аплодисменты*).

Как надо понимать политические задачи настоящего момента, об этом недавно снова напомнил товарищ Сталин в письме к комсомольцу Иванову. Он писал:

„Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая „случайность“ и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...“.

Чтобы выполнить эту задачу, наша интеллигенция, работники высшей школы, студенты и студентки должны помнить о стоящей перед ними задаче: овладеть ленинизмом, сделаться в большевистском смысле сознательными участниками великого дела строительства социализма. Вам, работникам высшей школы, дано передовое место не только в рядах культурных работников, но и во всех отраслях работы нашего государства. Вам много дано, и поэтому велика ваша ответственность перед народом. (*Аплодисменты*).

Всей вашей работе и работе каждого из вас в отдельности обеспечена мощная поддержка государства. Вы найдете сильное и высокое чувство удовлетворения в своей работе, идя в ногу со своим народом, большевистское знамя которого высоко развевалось на недавних выборах в Верховный Совет Союза и снова реет в высоте на выборах в Верховные Советы советских республик! (*Бурные аплодисменты, возгласы в честь вождя народов, любимого друга ученых, студентов, профессоров и преподавателей — товарища Сталина и в честь товарища Молотова*).

ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ ПРОВЕСТИ НАВИГАЦИЮ

Поздние сроки открытия навигации и раннее наступление холодов на морях Ледовитого океана создают исключительную напряженность в нашей работе. Непродолжительная по срокам навигация на Севере обязывает к высокой организованности и слаженности всего механизма Главсевморпути.

Итоги навигации 1937 года показали, что как раз эта организованность в работе Главсевморпути, в первую очередь — в руководстве морскими операциями, отсутствовала, что привело к тяжелому провалу (как указано было в постановлении СНК СССР от 28 марта 1938 года) всей навигации, когда половина транспортных судов и почти весь ледокольный флот зазимовали и дрейфуют во льдах, находясь под угрозой гибели. В постановлении СНК СССР не только указан самый факт позорного срыва навигации, но и вскрыты причины этого. В первую очередь причиной тяжелых ошибок в навигации 1937 года, в руководстве всеми морскими операциями является „плохая организованность в работе Главсевморпути“. Руководство Главсевморпути не сумело наладить сложный механизм системы, допустило самотек и проявило неумение по-государственному ставить и решать хозяйственные и политические задачи.

Ошибки руководства Главсевморпути являются в то же время и ошибками всей парторганизации, которая не смогла преодолеть неорганизованности. Парторганизация должна помочь руководству проанализировать, разобрать все ошибки, вытекающие из уроков навигации 1937 года, разобрать, в чем конкретно была неорганизованность в работе Главсевморпути, на которую указывает постановление Совнаркома.

Разве можно считать организованностью в подготовке навигации, когда важнейшее условие нормального кораблевождения в условиях Арктики — ледовая разведка — было сорвано? Вместо работы двух самолетов в Карском море, двух самолетов в море Лаптевых, трех самолетов в Восточносибирском и Чукотском морях и самолетов на ледокольных кораблях „Ермак“, „Садко“ и др. работал только один самолет известного полярного летчика т. Махоткина.

Срыву воздушной ледовой разведки нет никакого оправдания, его не объяснишь так называемыми „объективными причинами“ — занятостью значительной части воздушных кораблей в экспедициях. Наша страна, имеющая передовую и самую мощную в мире авиацию, в любое время может дать любое количество самолетов и любое количество летчиков.

Теперь известно, что благоприятные ледовые условия, сложившиеся в начале навигации, в силу отсутствия ледовой разведки не были ис-

пользованы. Имелись некоторые данные, говорящие о том, что, когда был забит льдами пролив Вилькицкого, пролив Шокальского и его районы были свободны от льда. Имелись предположения, что благоприятная обстановка для плавания была и в северной части Новосибирских островов. Но это все только предположения, а прямых доказательств из-за отсутствия ледовой разведки не было. Корабли толклись на месте, ждали изменения ледовой обстановки, когда безусловно была возможность свободного плавания в другом районе.

Не были подготовлены своевременно транспортные суда и ледоколы, и еще задолго до открытия навигации появились очень крупные затруднения, свидетельствующие о плохой организованности в подготовке к навигации. Деловое решение вопроса о выделении подходящих для плавания в ледовых условиях транспортных судов подменилось никому ненужными ведомственными спорами между организацией Главсевморпути и Наркомводом. Так, например, переговоры о выделении судов начались в декабре 1936 года, а закончились только в мае 1937 года подписанием „генерального“ соглашения, без указания названий выделенных судов, которые должны работать на трассе Северного морского пути.

Едва ли можно считать, что подобные ведомственные споры носят случайный характер. Бюрократическая волокита и переписка завершились тем, что наряду с хорошими судами были выделены и суда, явно негодные для плавания в ледовых условиях; отдельные корабли, как, например, „Унжа“, „Десна“, „Ванцетти“, требовали срочного ремонта буквально за несколько дней до выхода их в море. При крайне напряженных сроках навигации, когда в условиях Северного Ледовитого океана успех навигации решается иногда буквально днями, транспортные суда и ледоколы выходят с большим опозданием. Так, ледоколы „Литке“ и „Красин“ опоздали с выходом в море — первый на 10, второй на 25 суток. А парторганизации, особенно Архангельский, Владивостокский и Мурманский политотделы, не сделали всего необходимого, чтобы со всей решительностью поставить вопрос о ликвидации отставания и неорганизованности в подготовке к навигации.

Большое значение в успешном проведении навигации имеют ледовые прогнозы, но и здесь была допущена такая же неорганизованность: служба ледовых прогнозов, разбросанная по управлениям, не дает необходимых результатов. Существовавшая междуведомственная комиссия, так называемое „Бюро ледовых прогнозов“, подменяет собой подлинное руководство ледовыми прогнозами и часто дезориентирует Главсевморпуть. Так, например, в 1937 году в Бюро ледовых прогнозов обсуждалось состояние льдов в морях Северного Ледовитого океана, причем очень большие споры были не по существу ледовой обстановки, а ставился вопрос о защите „чести мундира“ — кому принадлежит формулировка оценки „удовлетворительной“ или „весьма удовлетворительной“ ледовой обстановки в 1937 году. На деле никемный „ученый спор“ привел к тому, что было принято решение, оказавшееся прямо противоположным тому, какое следовало бы принять в связи с реально сложившейся ледовой обстановкой. Ожидалась тяжелая ледовая обстановка на востоке и благоприятная — в Карском море. Оказалось наоборот, крайне тяжелые ледовые условия, особенно во второй половине навигации, были в Карском море. Надо полагать, что наша наука о льдах после уроков прошлого года и решения СНК СССР также сделает для себя соответствующие выводы.

Исключительно безобразно дело обстояло и с планом завоза угля. Оказалось, что транспортные суда и ледоколы в самое решающее время остались безугленными, ибо главная база на трассе Северного морского пути — порт Тикси — осталась без угля. Ни Политуправление, ни политотделы, ни парторганизация не вскрыли вредительской практики при планировании и организации снабжения топливом северного флота.

Здесь показаны только отдельные ошибки, связанные с подготовкой, которые были очевидными и безусловно могли быть своевременно предупреждены, если бы политическая бдительность отдельных руководителей парторганизаций, политотделов и Политуправления была на высоте.

Совершенно правильно указано в постановлении СНК СССР, что это могло быть только при наличии самоуспокоенности и зазнайства. Наше советское правительство и народ по достоинству оценили успехи советских полярников в деле завоевания Арктики и борьбы с ее суровой стихией, успехи, которые известны далеко и за пределами нашей страны. Успехи советских полярников особенно красочно показаны в организации дрейфующей полярной станции „Северный полюс“, в проведении огромной научной работы героической четверкой — Папаниным, Кренкем, Федоровым и Ширшовым. В Арктике выросли десятки героев, высоко поднявших знамя нашей советской родины. Однако не все понимали, что все эти замечательные успехи советских полярников есть в то же время успехи всего советского государства и его героического народа, которые создали условия для воспитания героев и совершения героических подвигов. Зазнайство успехами, отсутствие большевистской самокритики и самоуспокоенность вскружили головы многим руководителям. Нельзя было не видеть, что вместе с героической работой имеются и теневые стороны в работе советских полярников и работников Главсевморпути.

Разве не было сигналов о серьезных недостатках работы? Безусловно были. Были серьезные сигналы о неблагополучии на отдельных участках работы Главсевморпути, особенно в области морских операций. Еще в 1936 году на пароходе „Десна“ в открытом море произошел пожар, и только случайность спасла жизнь сотен людей. В 1936 году, из-за исключительной беспечности и отсутствия всякой дисциплины, с гидрографического судна „Торос“ в открытое море отправилась на шлюпке значительная часть команды и погибла. Все помнят серьезную аварию в Карских Воротах ледокольного корабля „Сибиряков“; немало было очень тревожных сигналов, связанных с планом завоза, в котором не было никакой организованности. Пропаж и порча грузов, перезавоз в одном районе и недозавоз в другом — обычные явления в работе организаций Главсевморпути. К сожалению, ограничивались при этом тем, что созывали совещания, принимали решения, которые предавались забвению, а неорганизованность в работе Главсевморпути, наличие самоуспокоенности и зазнайства продолжали оставаться. Разве случайны такие явления, когда факту зимовки и дрейфа ледокольных кораблей „Садко“, „Малыгин“ и „Русанов“ не придавалось серьезного значения?

Неумение сочетать большую героическую работу воздушных экспедиций, работу отдельных кораблей с развертыванием большой хозяйственной работы на всех участках — один из серьезных недостатков системы Главсевморпути. Этому способствовала и совершенно неудовлетворительная постановка подбора работников. Годами накопленный опыт работы в морях Северного Ледовитого океана отдельных капи-

танов игнорировался, и дело руководства морскими операциями передоверялось людям, которые к морю не имели никакого отношения.

На руководство морскими операциями назначались люди, недостаточно проверенные; большую роль в назначении играли соображения далеко не делового порядка. Подхалимство и угодничество часто были критерием оценки работников, которым давались ответственные задания. Так, руководителями морских операций назначались управляющие делами, работники снабжения и т. д. Парторганизации и политотделы не проявили необходимой большевистской настойчивости и сами оказались в плену неделовой обстановки.

Ярким примером может служить в этом отношении работа помполита ледокола „Ермак“ — Васильченко. Как известно, операции ледокола „Ермак“ в навигацию 1937 года были исключительно неудовлетворительными, и это совершенно не случайно. Целый ряд операций, проведенных „Ермаком“, был неправильным. Так, например, совершенно ничем не оправдывались действия „Ермака“, когда он бросил попытки пробраться к каравану „Литке“ и ушел для вывода парохода „Володарский“ (стоявшего в совершенно безопасном месте), потеряв на эту операцию 5—6 дней. За время всей операции с пароходом „Володарский“ ледовая обстановка еще более ухудшилась, и в результате караван „Литке“ вынужден был остаться на зимовку. На запросы Политуправления помполиту Васильченко осветить по существу действия „Ермака“ (тем более, что к этому времени руководство западным сектором, находившееся на ледоколе „Ермак“, было снято, как вызывающее политическое сомнение), он, вместо того чтобы ответить по существу, прислал телеграмму руководству, в которой давал клятву от имени коллектива, что „задание будет выполнено, корабли будут выведены с большевистской настойчивостью под руководством испытанных большевиков“ и т. д. Вместо вскрытия недостатков, предупреждения могущих быть тяжелых последствий, вместо большевистской мобилизации — сплошная аллилуйщина и безделье помполита.

Помполит ледокола „Ленин“ Виханов, несмотря на тяжелую обстановку, вместо того чтобы правильно информировать руководство, в десятках телеграмм хвастливо сообщал о борьбе со стихией Арктики, большой работе, проделанной парторганизацией, мобилизованности и т. д. Однако лучше было бы, если бы помполит ледокола „Ленин“ сообщил, почему они простояли в бездействии почти месяц у острова Диксона, почему на корабле была исключительная запущенность политической работы, отсутствие трудовой дисциплины, антисанитарное состояние помещений ледокола. Было бы куда полезнее вместо хвастливых заявлений ликвидировать собственные недостатки.

Помполит ледокольного корабля „Георгий Седов“ Литвинчук совершенно игнорировал опыт работы старых зимовщиков, не умел сплотить коллектив, в результате чего потерял всякий авторитет.

Можно привести целый ряд и других примеров, говорящих о потере политической бдительности, неумении разобраться в обстановке и своевременно вскрыть вражеские действия вредителей.

Парторганизация и Политуправление несут большую ответственность за то, что не была своевременно вскрыта и ликвидирована благоприятная обстановка для преступной, антисоветской деятельности вредителей в ряде органов Главсевморпути.

Нельзя также сказать, что политотделы и парторганизации в целом сделали для себя все необходимые выводы из уроков навигации 1937 года,

вредительской практики планирования и завоза, в руководстве навигацией в целом. Уже после постановления правительства о работе Главсевморпути за 1937 год, когда вскрыты были тяжелые ошибки в работе и этим самым сделано серьезное предупреждение, не делается всего, что необходимо для обеспечения навигации в 1938 году.

За это время надо было не только анализировать причины тяжелых ошибок навигации 1937 года, но и перестроить всю работу, по-большевистски подготовиться и провести всю навигацию.

В Главсевморпути имеются отдельные корабли, образцово работающие и отлично организовавшие команды на выполнение поставленных заданий. Так, например, помполит ледокольного корабля „Русанов“ т. Стрекаловский сумел за время зимовки спаять коллектив. Здоровый коллектив „Русанова“ обеспечил положительное политическое влияние и на команду других зимующих транспортных кораблей („Пролетарий“ и „Рошаль“).

На „Русанове“, как и на других кораблях („Пролетарий“ и „Рошаль“), развернута сеть партийного просвещения, регулярно работают партийные школы, комсомольские школы, проводится семинар пропагандистов. Помполит т. Стрекаловский сумел организовать прием по радио важнейших решений партии и правительства. На корабле серьезно готовятся к проведению партийных собраний, коммунисты знают повестку дня за 3—4 дня до собрания, и собрания проходят при большой активности. Выполнения решений партсобраний проверяются и докладываются всему коллективу. Регулярно выпускается стенная газета, и особенно важно, что наряду с этим выпускается бюллетень „Последних известий“ ТАСС, к которому зимовщики, оторванные от непосредственной жизни Большой земли, проявляют исключительный интерес; все зимовщики живут активной политической жизнью. За период плавания в навигации 1937 года зимовщики и команда просмотрели около 40 кинофильмов. Несомненно, что развертывание партийно-политической работы на корабле „Русанов“ будет способствовать и готовности корабля и всего каравана к навигации и выполнению поставленных перед ними задач.

Имеем другой пример правильной большевистской организации масс на комсомольском ледоколе „Красин“, находящемся также на вынужденной зимовке в заливе Кожевникова. Весь коллектив корабля и команда „Красина“ под руководством капитана т. Белоусова и помполита т. Кульпина, имеющего большой опыт работы на зимовках, деятельно готовится к навигации 1938 года. Как известно, корабль остался безугленным. Пользуясь тем, что в бухте Кожевникова на поверхность выходят залежи каменного угля, руководство корабля вместе с экспедицией Нордвикстроя организовало добычу угля и бункеровку корабля. Весь партийный, комсомольский коллектив и беспартийные, сплотившись вокруг парторганизации, сознают исключительную ответственность операции ледокола „Красин“ в предстоящую навигацию: „Красин“ должен в первую очередь оказать помощь дрейфующему каравану „Ленина“. Несмотря на всю загруженность работников по добыче угля и бункеровке корабля в исключительно трудных условиях, при отсутствии всякой механизации, помполит ледокола „Красин“ т. Кульпин сумел организовать массовую политическую работу так, что она обеспечивает еще больший производственный подъем. И на партийных и на комсомольских собраниях обсуждаются наиболее актуальные для зимовщиков вопросы, регулярно работает сеть партий-

ного просвещения, выпускается стенгазета, зимовщики в курсе всех событий политической жизни страны. Зимовщики оказывают положительное культурно-политическое влияние и на весь Хатангский район и работу среди местного национального населения.

Положительный опыт работы отдельных кораблей в свете поставленных решением правительства задач должен быть учтен и другими кораблями, в связи с подготовкой к навигации.

На партийных собраниях каждый помполит обязан обеспечить обсуждение вопросов, связанных с подготовкой к навигации, с тем, чтобы избежать ошибок в ходе навигации. Развертывание массовой политической работы должно сочетаться с выполнением решений партии и правительства. Организовать работу так, чтобы команда корабля принимала самое активное участие во всей политической жизни страны.

Особенно важными являются теперь подготовка и активное участие в выборах Верховного Совета РСФСР. Развертывание стахановского движения и ударничества также должно способствовать общему производственному подъему и мобилизации на выполнение программы работ в навигацию.

Парторганизация в целом — и особенно транспортники — должна тщательно разобрать решение правительства и совершенно конкретно проверить степень готовности к навигации: что сделано к тому, чтобы своевременно были заключены договоры на фрахтование транспортных кораблей, все ли они приспособлены к навигации в ледовых условиях, подготовлен ли уголь, удовлетворяет ли его качество, что на сегодня делается полярной авиацией в подготовке самолетов и летчиков для нормального ведения ледовой разведки? Как организуется весь коллектив работников для выполнения особо сложных в этом году мероприятий по проведению навигации и выводу зимующих кораблей? Все это должно решительно способствовать ликвидации тяжелых ошибок, допущенных в навигацию 1937 года.

Партийные организации должны содействовать боевой мобилизации всех коммунистов на реализацию постановления СНК, на разоблачение и выкорчевывание троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок, пытающихся срывать нашу большую положительную работу в Арктике и на Крайнем Севере. Развертывая жесткую критику и самокритику, парторганизации обязаны широко разъяснить политическое значение решений Совнаркома СССР, признавшего деятельность Главсевморпути за 1937 год неудовлетворительной, решительно улучшить партийно-политическую работу и этим самым еще больше способствовать выполнению поставленных перед нами партией и правительством задач.

ИСПРАВИТЬ ОШИБКИ В РАБОТЕ КОМСОМОЛА

I

Постановление V Пленума ЦК ВЛКСМ „Об ошибках, допущенных комсомольскими организациями при исключении из комсомола, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВЛКСМ и о мерах по устранению этих недостатков“ является документом большой исторической важности для Ленинского комсомола.

Комсомол под руководством партии провел значительную работу по очищению своих рядов от врагов народа — троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических бандитов. Но в этой большой и важной работе комсомольские организации, несмотря на неоднократные указания и предупреждения товарища Сталина, допустили серьезные ошибки и извращения, мешающие дальнейшему очищению комсомола от правотроцкистских шпионов, провокаторов и вредителей.

Комсомольские организации во многих случаях огульно, без проверки, необоснованно исключали из рядов ВЛКСМ честных, преданных коммунистической партии и советской власти комсомольцев, нередко объявляли их, не имея на это оснований, врагами народа и их пособниками.

Эти ошибки комсомольских организаций происходят в результате непонимания воспитательной роли Ленинского комсомола отдельными руководителями, которые, в силу своей слабой политической подготовки, воспитательную работу подменяют окриками и администрированием.

Они свидетельствуют также о далеко недостаточной критике и самокритике в комсомольских организациях, а также об отрыве отдельных комсомольских работников от масс молодежи.

Враги народа, долгое время орудовавшие в комсомоле, насаждали формальный, огульный и валовой подход к молодежи. Изопренные в применении самых мерзких способов борьбы против трудящихся, фашистские мерзавцы из троцкистско-бухаринских банд пускали в ход отравленное оружие, подделываясь под честных людей, а на самом деле стремясь к тому, чтобы направить революционную бдительность по ложному пути, отвести удар от себя.

Врагам народа помогали крикуны-карьеристы, которые стремились нахватать как можно больше непроверенных фактов и представить себя в роли сверхбдительных разоблачителей, а также трусливые самостраховщики, боявшиеся, как бы их не обвинили в потере бдительности. Своими действиями враги народа, карьеристы и самостраховщики нанесли немалый вред делу коммунистического воспитания.

К сожалению, многие комсомольские организации не сумели разоблачить и заклеить карьеристов и самостраховщиков, как не сумели до конца разоблачить замаскировавшегося врага, пытающегося криками о бдительности скрыть свою враждебность, остаться в рядах комсомола, чтобы продолжать свою подрывную вражескую работу.

Указание пленума Центрального Комитета ВЛКСМ целиком и полностью относится и к комсомольским организациям Севморпути.

Товарищ Сталин неоднократно указывал на необходимость внимательного, чуткого индивидуального подхода к каждому члену комсомола, особенно если обсуждается вопрос об исключении комсомольцев

из рядов ВЛКСМ. Но многие комсомольские организации и их руководители не поняли всей политической важности этого указания партии, грубо нарушили его в практической работе.

Пора понять, — говорится в постановлении пленума Центрального Комитета ВЛКСМ, — „что необоснованные исключения из комсомола, бездушное отношение к людям, к членам ВЛКСМ выгодны врагам народа, так как такие антибольшевистские действия сеют излишнюю подозрительность в рядах ВЛКСМ, создают недовольство и озлобление у неправильно исключенных из ВЛКСМ и троцкистско-бухаринские агенты фашизма нередко подцепляют таких недовольных и озлобленных товарищей и тащат их за собой во вражеское болото“.

Особо неблагоприятными организациями по массовым исключениям из комсомола с объявлением исключаемых без всяких оснований за „связь с врагами народа“ „пособниками врагов“ являются комсомольские организации Красноярского, Игарского, Якутского, Ленинградского политотделов и Николаевской школы морлетов.

В комсомольской организации Архангельского теруправления были исключены из комсомола тт. Бойко, Липшиц и Шестакова.

Тов. Липшиц был исключен из рядов ВЛКСМ по инициативе бывших работников обкома комсомола — врагов народа.

Своей критикой в печати т. Липшиц вскрывал их вражескую работу. Тем не менее они добились утверждения исключения т. Липшица и на комсомольской тройке политотдела, дав об этом прямое задание помощнику начальника политотдела по комсомольской работе т. Плотицыну. Только после вмешательства Политуправления Главсевморпути ошибка была исправлена и т. Липшиц в комсомоле был восстановлен.

По настоянию этих же врагов народа был исключен из комсомола т. Бойко. Являясь делегатом Октябрьской районной конференции комсомола, т. Бойко в прениях неточно сформулировал свою мысль. Вместо того чтобы поправить товарища, был поставлен вопрос о его принадлежности к комсомолу. Бойко в комсомоле восстановлен. Он является активным комсомольцем, хорошо справляется со своей работой.

Комсомолка т. Шестакова была исключена из комсомола якобы „за потерю большевистской бдительности“. Ее исключили из комсомола и уволили с работы. Имея двоих детей, т. Шестакова больше месяца не могла поступить на работу. Комсомольская тройка политотдела эту ошибку исправила. Тов. Шестакова в членах ВЛКСМ восстановлена, и ей предоставлена работа.

На Сангарских угольных копях после разоблачения врагов народа необоснованно исключили из ВЛКСМ молодую специалистку т. Томашевскую, ошибочно приписав ей „связь с врагом народа“.

Возмутительно было поведение парторга Татаринова, который настоятельно потребовал записать в решении собрания: „Поручить к-ту комсомола проверить весь состав организации на предмет выявления политически неблагонадежных“.

Насколько поспешно действуют подчас наши комсомольские организации при исключении, настолько неповоротливы бывают они при рассмотрении апелляций комсомольцев. Полтора года потребовалось комсомольцу Кучеренко для того, чтобы добиться получения дубликата комсомольского билета взамен утерянного. Дважды апеллировал он перед первичной организацией территориального управления (секретари комитета тт. Новиков и Кулекин). Последнее заявление, поданное

11 октября 1937 года, бюрократы сооблаговольили рассмотреть лишь 14 марта 1938 года.

В комсомольской организации конторы морского транспорта диспетчера т. Болгарина исключили из комсомола „за утерю комсомольского билета и за отрыв от комсомольской организации“. В действительности же воспитанием т. Болгарина комсомольская организация не занималась. Его учебой в рабфаке никто не интересовался.

В комсомольской организации Заготснабконторы за последнее время исключено шесть человек, и, безусловно, многие исключены неправильно. Исключенный из ВЛКСМ т. Чуркин сейчас является чтецом, хорошо работает и на производстве.

Комсомольская организация Амдермы исключила из ВЛКСМ кладовщика т. Ельцова, приписав ему расхищение продуктов и сообщив в политотдел, что дело, якобы, передано в суд. При проверке материал на т. Ельцова не подтвердился, к суду он вовсе не привлекался.

Комсомольская организация ленинградского Института народов Севера, проводя большую работу по очищению своих рядов от буржуазных националистов и шпионов, также допустила при этом грубые ошибки. За последние три месяца комитет ВЛКСМ исключил из комсомола 11 человек; 5 человек уже восстановлены, как неправильно исключенные.

Насколько безответственно относятся к исключению из рядов ВЛКСМ некоторые комсомольские организации, свидетельствует факт, имевший место в Гидрографическом институте. В ходе проверки архива дел исключенных комсорг института пригласил для беседы т. Амбарцумяна и зачитал ему выписку из протокола № 17, от 13 апреля 1937 года, об исключении его из комсомола. Каково же было удивление комсорга, когда т. Амбарцумян заявил, что он в первый раз слышит о таком решении, и в доказательство того, что он продолжает состоять в организации, предъявил свой комсомольский билет с отметкой об уплате членских взносов по март 1938 года.

Ясно, что комитет ВЛКСМ (бывший секретарь Кобленц) в данном случае нарушил основное требование организации — не разбирать дела в отсутствие обвиняемого — и исключил т. Амбарцумяна заочно.

Комсомольские руководители из Красноярского политотдела настолько стали „бдительными“, что даже наложили взыскание на т. Госпралову за покупку дохи у человека, который впоследствии был разоблачен как враг народа, приписав ей за это „политическую близорукость“.

Комсомольская организация Николаевской школы на одном из своих собраний залпом исключила 9 лучших стахановцев — пилотов и штурманов — якобы „за связь с врагами народа“. В Обдорском политотделе исключили из рядов ВЛКСМ Сасову за то, что ей делала массаж массажистка, политически сомнительный человек.

Таких и подобных им фактов можно привести очень много. Они наглядно показывают, что комсомольские организации Севморпути допустили большие перегибы при исключении из комсомола.

Письмо пропагандиста т. Иванова товарищу Сталину показывает, что „унтер-пришибевщина“ еще жива и в некоторых комсомольских организациях Севморпути. Ряд комсомольских руководителей, в силу своей слабой политической подготовки, считает чуть ли не единственным наказанием для совершивших те или иные проступки комсомольцев только исключение из рядов ВЛКСМ. Все иные воспитательные меры забываются ими.

Такие руководители не понимают одного, что идейное убеждение нельзя подменять административным нажимом.

Комсомольские организации и, в первую очередь, комсомольский актив должны понять, что самым необходимым условием успешной работы по ликвидации последствий вредительства в комсомоле, условием большевистского воспитания молодежи в духе коммунизма, в духе непримиримой борьбы с врагами народа, является повседневная и настойчивая ленинская учеба. Комсомольские организации должны сочетать практическую работу с теоретической подготовкой, с глубоким изучением трудов Ленина—Сталина.

Пленум ЦК ВЛКСМ потребовал от всех комсомольских организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности, дальнейшего разоблачения и выкорчевывания замаскированных врагов народа в комсомоле и ликвидации без остатка „унтер-пришибевских“ методов руководства, на которые указывал товарищ Сталин в своем письме к комсомольцу т. Иванову. Надо покончить с перестраховкой, показной фальшивой бдительностью, надо оградить от шельмования честных и преданных комсомольцев.

Задача всех комсомольских организаций заключается в том, чтобы по-большевистски исправить допущенные ошибки при исключении из комсомола, решительно покончить с огульным, валовым подходом к членам ВЛКСМ и, полностью реабилитируя честных комсомольцев, привлечь к ответственности перестраховщиков, всех лиц, виновных в клевете. В течение ближайшего времени необходимо рассмотреть все апелляции комсомольцев, имеющиеся в комсомольских тройках политотделов и в комитетах, осуществляя при этом самый внимательный индивидуальный подход к каждому комсомольцу.

Очищая свои ряды от вражеских элементов, комсомольские организации должны развернуть большую массовую работу по вовлечению лучшей части из среды внесоюзной молодежи в ряды Ленинского комсомола.

Товарищ Сталин в своем ответе на письмо т. Иванова пишет:

„Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая „случайность“ и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичь нас врасплох...“

Это замечательное указание товарища Сталина должно быть заповедью для каждого молодого человека нашей великой родины.

II

Выборы в Верховный Совет СССР, рост стахановского движения вызвали огромнейшую активность среди советской молодежи. К общественной деятельности поднялись новые мощные пласты советской молодежи, исполненные желанием работать в комсомоле. Эти люди проявили себя горячими патриотами, прекрасными организаторами, пропагандистами и агитаторами за дело Ленина—Сталина.

Несмотря на выросшую активность молодежи и на стремление ее вступить в ряды ВЛКСМ все же в области роста комсомола сколько-нибудь заметных сдвигов в комсомольских организациях Севморпути не произошло. Чем же объяснить это?

Известно, что троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические бандиты, долгое время орудовавшие в комсомоле, воздвигали

искусственные преграды между ВЛКСМ и широкими массами молодежи. Они разваливали комсомольские организации и срывали рост комсомола. Этому помогла оторванность руководящих комсомольских работников от молодежи. Вопросам роста не придавалось должного значения.

Пленум Центрального Комитета ВЛКСМ отметил, что „многие работники комсомола вовлечение молодежи в ВЛКСМ считают делом второстепенным, малозначащим, отвлекающим их внимание от „работы“. Секретари комитета приемом в комсомол в лучшем случае руководят неудовлетворительно, в силу чего во многих организациях существует бюрократическая волокита в разборе заявлений молодежи о приеме в комсомол“.

Это полностью относится и к комсомольским организациям Севморпути и их руководителям. В нашей системе имеется около 33 тысяч молодежи, из них молодежи национального населения 21 500 человек.

В Мурманском политотделе молодежи насчитывается 924 человека, а комсомольцев только 266. За IV квартал 1937 года комсомольская организация выросла на 29 человек, а за первый квартал 1938 года всего на 19 человек.

В Красноярском политотделе молодежи 1330 человек, из них членов ВЛКСМ—252. За этот же период принято только 11 человек, а за I квартал всего 33.

В Игарском политотделе — молодежи 900 человек, из них членов ВЛКСМ—280, принято в ВЛКСМ за IV квартал 1937 года 18 человек, а за I квартал 1938 года только 12.

Комсомольская организация Сангарских угольных копей за весь 1937 год и за первый квартал этого года приняла в ВЛКСМ только 2 при наличии 80 человек молодежи.

На Мурманском судостроительном заводе приняли в комсомол за I квартал всего лишь 30 человек.

По Якутскому политотделу при наличии 33 первичных комсомольских организаций и 800 человек молодежи—за прошлый год принято в комсомол только 45 человек.

Многие первичные комсомольские организации полярных станций, пушных факторий, контор, оленеводсовхозов, культбаз, комсомольские организации судов, ледоколов, рудников, судоверфей, учебных заведений (Арктический институт, Институт народов Севера, Пушной техникум и др.) почти не растут.

Далеко еще не во всех оленеводсовхозах, а их в системе 24, имеются комсомольские организации. Все эти совхозы охватывают значительные территории, с большим количеством национальной молодежи.

Эти факты наглядно свидетельствуют, что с ростом комсомола у нас в Севморпути дело обстоит неблагоприятно.

В некоторых комсомольских организациях безучастно относятся к заявлениям молодежи о приеме в члены ВЛКСМ. Комсомольская тройка Красноярского политотдела за последнее время отказала в приеме 9 товарищам, как „политически слабо подготовленным“.

Комсомольская тройка Якутского политотдела заявление о приеме в ВЛКСМ т. Прокопьевой не рассматривала 8 месяцев.

В Арктическом институте комсомолка т. Киселева в течение 7 лет, а т. Шишкова в течение 3 лет являются кандидатами в члены ВЛКСМ. Несмотря на неоднократные заявления в комсомольскую организацию с просьбой перевести их в члены ВЛКСМ, это до сих пор не сделано.

Комсомольские организации обязаны создать все необходимые условия для того, чтобы честная, преданная нашей великой родине и партии

передовая советская молодежь могла беспрепятственно осуществить свое законное желание—быть в рядах Ленинского коммунистического Союза молодежи.

Многие комсомольские руководители плохой рост комсомола объясняют тем, что первичные комсомольские организации находятся на далеком расстоянии от политотделов. Однако дело заключается не в этом. Многие руководящие комсомольские работники не уяснили характера и сущности Ленинского комсомола как организации массовой, беспартийной, которая сочувствует программе ВКП(б) и ставит своей целью воспитание всей трудящейся молодежи в духе коммунизма.

Отдельные комсомольские работники считают, что принимать в свои ряды можно только уже готовых, политически грамотных, воспитанных людей, и не организуют широкого вовлечения передовой, преданной партии и советской власти молодежи в комсомол. Поэтому во многих организациях вступающим в ряды ВЛКСМ предъявляют такие же требования, как и вступающим в ВКП(б).

Не мало и таких случаев, когда при приеме в ВЛКСМ устраивают политические экзамены, о вредности которых особо предупреждал X съезд ВЛКСМ, а также задают абсолютно ненужные вопросы, которые ни с какой стороны не характеризуют товарища, принимаемого в комсомол: „Что делает сейчас т. Папанин“, „С кем проводишь время“, „Зачем приехал в Мурманск“ и др.

Центральный Комитет ВЛКСМ вынес специальное решение о разрешении комсомольским тройкам наших политотделов утверждать прием в ВЛКСМ без вызова принимаемых в тех случаях, когда вызов из-за территориальной отдаленности невозможен: первичным комсомольским организациям, подчиненным непосредственно Политуправлению—мыс Челюскина, остров Диксона, остров Рудольфа, бухта Тихая, остров Врангеля, остров Уединения, остров Русский и остров Генриетты—решать вопрос приема на общем собрании ВЛКСМ и решение утверждать комсомольской тройкой Политуправления без вызова принимаемого.

Это решение ЦК ВЛКСМ обязывает все комсомольские организации решительно улучшить работу по вовлечению передовой и преданной молодежи в ряды Ленинского комсомола и вместе с тем накладывает особую ответственность на руководителей комсомольских организаций за тщательное изучение и проверку принимаемых в ряды ВЛКСМ.

Тяга молодежи в ряды комсомола очень сильна. И это вполне естественно. Вернейший помощник большевистской партии—Ленинский комсомол—пользуется заслуженным авторитетом в нашей стране. Возросшую политическую активность молодежи, ее стремление связать свою судьбу с комсомолом надо закрепить организационно. Эта задача может быть решена только при условии повседневной, кропотливой и настойчивой работы с внесоюзной молодежью, ее отдельными группами, с каждым молодым человеком в отдельности.

Дальнейшие успехи в работе комсомольских организаций будут зависеть в первую очередь от того, насколько успешно они будут выкорчевывать из своей среды притаившихся врагов народа, карьеристов и перестраховщиков.

МЕТЕОНАБЛЮДЕНИЯ СТАНЦИИ „СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС“

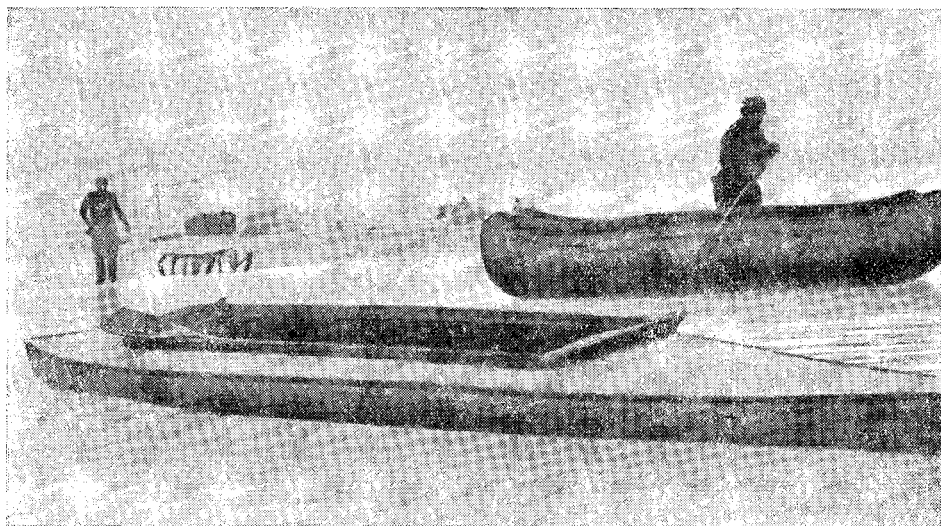
Мощные потоки холодного арктического воздуха, опускающиеся из далеких районов Гренландии и Северного полюса, часто достигают самых южных оконечностей Европы, вплоть до районов Средиземного и Черного морей. Вторжения этих холодных воздушных масс значительно изменяют погоду тех областей и мест, над которыми они проходят. Неожиданные похолодания весной и летом и ранние морозы осенью, штормы и метели, приводящие иногда к катастрофам и авариям, — все эти явления обычно бывают связаны с прохождением арктического воздуха, опускающегося из районов полюса к знойному югу.

Погода Европы и Азии в значительной мере зависит от атмосферных процессов, происходящих в Арктике и в приполюсных районах.

Поэтому с несомненной очевидностью выявляется совершенно исключительная важность метеонаблюдений, проведенных героической четверкой папанинцев за время их легендарного дрейфа. Впервые в истории погода полюса и его ближайших районов подверглась систематическому наблюдению и изучению. Метеорологическая аппаратура станции „Северный полюс“ полностью обеспечила тот объем метеорологических наблюдений, на базе которого можно сделать первичные выводы о характере арктических воздушных масс и их циркуляции.

Точность и своевременность наблюдений были полностью гарантированы тем великолепным стилем работы папанинской группы, которому вся наша великая страна дала высокую заслуженную оценку.

Метеорологические наблюдения папанинцы проводили четыре раза в сутки в установленные синоптические сроки, кроме этого ими также велся дневник погоды.

Зимовщики станции „Северный полюс“ летом 1937 года испытывают свои плавсредства

В папанинских метеонаблюдениях имеются полные данные о ветре, давлении, осадках, видимости, туманах, влажности и облачности. Объем наблюдений по этим элементам и степень их точности вполне достаточны для серьезных и глубоких заключений.

В научных учреждениях Академии наук и Арктического института идет обработка и изучение всех папанинских научно-исследовательских работ и, в частности, метеорологических. Поэтому сейчас преждевременно еще делать какие-либо окончательные выводы или обобщения из тех метеосводок, которые герой-радиостанции Эрнст Кренкель ежедневно сообщал всему миру. Эти метеосводки уже сделали свое историческое дело. Они помогли синоптикам предсказывать погоду, открыв им целый ряд совсем неожиданных явлений и процессов в приземной атмосфере полярных районов.

Если мы сейчас в краткой форме и сделаем некоторые предварительные и притом весьма ориентировочные выводы из ежедневных синоптических телеграмм полярной станции, то исключительно для того, чтобы хоть частично удовлетворить растущий с каждым днем живой интерес к научно-исследовательским изысканиям папанинцев и, с другой стороны, вчерне наметить те основные проблемы, которые можно поставить и разрешить путем анализа и изучения метеорологических данных станции „Северный полюс“.

В этой статье мы использовали лишь ежедневные синоптические телеграммы полярной станции и притом в количестве одной-двух телеграмм за сутки. Поэтому наши выводы будут весьма условными и ориентировочными, но кое-какие соображения все же сделать уже можно, и некоторую перспективную рабочую ценность они будут иметь.

Таблица 1

Широта	Месяц	Число дней	Температура			Давление (в мм)		Число штителей	Макс. сила ветра (в баллах)
			средн.	макс.	мин.	макс.	мин.		
90°—89°	22 мая — 3 июня	13	— 8,1	— 2,0	— 12,0	1028,9	998,9	—	4
89 — 88	Июнь	27	— 2,6	0,0	— 6,0	1018,9	992,3	—	5
89 — 88	Июль	31	+ 0,6	+ 9,0	— 2,0	1021,7	996,7	—	4
88 — 87	Август	31	— 1,5	+ 1,0	— 6,0	1019,3	981,3	—	5
87 — 86	1—19 сентября	19	— 13,1	— 4,0	— 16,0	1020,6	983,0	—	5
86 — 85	19 сентября—11 октября	22	— 17,0	— 5,0	— 26,0	1017,9	980,1	—	6
85 — 84	12—31 октября	19	— 23,9	— 16,0	— 32,0	1015,3	997,5	2	8
84°—83°	1—27 ноября	27	— 23,3	— 7,0	— 39,0	1027,3	997,3	5	7

Из помещаемой табл. 1 хода метеорологических элементов за время дрейфа от полюса до 83° широты за период с конца мая до конца ноября видно, что амплитуда колебаний температуры и атмосферного давления достаточно велика. Это дает все основания предполагать наличие в приполюсных районах сравнительно развитой циклонической деятельности.

Отмеченные в табл. 2 потепление и изменение давления в связи с поворотом и усилением ветра в достаточной степени убеждают нас, что здесь мы имеем дело с сравнительно развитой и глубокой цикло-

нической деятельностью. Беглый анализ синоптических телеграмм станции „Северный полюс“ отмечает сравнительно большое количество подобных циклонических ситуаций.

Таблица 2

Широта	Число	Час	Температура	Давление (в мм)	В е т е р		Барич. тенденции	Осадки	Примечание
					направление	скорость (в бал.)			
85°25'	2	07	—26°0	1001,8	ЮЮЗ	2	—	Нет Сильный снег Слабый снег	
85 28'	2	13	—15 ,0	—	Ю	4	—		
85 28'	2	19	—10 ,0	—	ЮЮЗ	4	—		
85 28'	3	01	— 6 ,0	992,1	ЗЮЗ	4	Падение		
85 28'	3	13	— 7 ,0	979,0	З	5	Рост		Ясно
85 28'	3	19	— 8 ,0	999,9	ЗЮЗ	5	Рост		
85 28'	4	11	—16 ,0	1002,9	ЗСЗ	4	Рост		
85°28'	4	07	—22°0	1007,5	ЗСЗ	5	Рост		

Эти данные приводят к весьма вероятному выводу, что циклонические возмущения в приполюсных районах являются довольно обычным явлением и что предполагавшееся там до сих пор прочное, стационарное антициклональное состояние погоды оказывается в значительной степени неверным.

Этот вывод и научно и чисто практически весьма ценен, так как он определяет методы предсказания погоды для черезполюсных авиатрасс и совсем по-новому объясняет характер приполюсной атмосферной циркуляции. Дальнейшая разработка и уточнение этого положения внесут много нового и значительного в объяснение процессов погоды не только умеренных широт, но и более южных.

Наблюдения папанинской станции отмечают сравнительно частые и плотные туманы. Так, за сентябрь 1937 года на 86° широты были зафиксированы 9 дней с туманами, причем большинство из них сопровождалось средними скоростями ветра. Очевидно, что ряд из этих туманов имеет больше фронтальный характер, чем местный, радиационный.

Данные табл. 1 показывают, что температурный режим полюса и Крайней Арктики не отличается значительно низкими температурами и что он довольно близок по своим показателям к климату Земли Франца-Иосифа и Новой Земли.

Ориентировочно можно предположить, что в этом сказывается не только влияние теплых течений Атлантики, проникающих в эти районы, но, возможно, и то, что области, близкие к полюсу, довольно часто посещаются воздушными массами сравнительно теплыми и более южного происхождения. Это необходимо выяснить путем сравнительного изучения синоптического режима районов полюса на ежедневных синоптических картах за все время дрейфа.

Обработку и изучение метеорологических наблюдений станции „Северный полюс“ безусловно необходимо построить так, чтобы, одновременно с получением ряда ценных выводов по отдельным метеорологическим элементам, определить также и типы относительно устойчивых процессов атмосферной циркуляции в районах дрейфа, с выясне-

нием тех определенных режимов погоды, которые там создаются в результате этих процессов. Метод изучения этих ценнейших материалов должен быть не только климатологическим, но и синоптическим, то есть комплексным.

Мы должны из метеонаблюдений станции „Северный полюс“ получить данные не только о климате крайних широт Арктики, но и о реальной погоде этих мест. Нам нужно знать, какими основными процессами общей циркуляции атмосферы эта погода там определяется.

Мы отчетливо представляем себе трудности, возникающие при разрешении этой серьезной и практически ценной проблемы, связанной с тем, что в метеонаблюдениях станции „Северный полюс“ не производились по вполне понятным и объективным причинам аэрологические вертикальные зондажи высоких слоев атмосферы.

Возможно, что удастся в какой-то мере использовать и осветить метеонаблюдения полюсной станции систематическими и одновременными радиозондовыми наблюдениями полярных станций бухта Тихая и остров Рудольфа, особенно в тех случаях, когда синоптические ситуации погоды в бухте Тихой и на острове Рудольфа значительно совпадали с соответствующими ситуациями в районах дрейфующей станции „Северный полюс“. Таких совпадений, как показывает предварительный, беглый анализ синоптических ситуаций этих трех станций, было немало. Этот метод обработки и исследования папанинских метеонаблюдений безусловно обеспечат науке получение из них высококачественных выводов, стоящих на уровне современной метеорологической методики.

Наука о физике атмосферы в трудах героической четверки папанинцев приобрела ряд новых данных и положений, которые будут разрабатываться годами. Метеонаблюдения станции „Северный полюс“ выдвигают не одну новую геофизическую проблему. Эти проблемы будут постепенно разрешаться подобными же наблюдениями на последующих дрейфующих станциях типа папанинской.

Беспримерный героический опыт папанинской четверки уже обеспечил теперь успех и дальнейших подобных работ.

Папанинцы поделятся с нами своими соображениями о том, как можно наиболее и портативно в условиях ледового дрейфа организовать аэрологические зондовые исследования высоких слоев атмосферы.

В. НАЗАРОВ

ТРАССА СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

Трасса Северного морского пути — это часть акватории северных морей, по которым совершают рейсы суда в навигационный период. Эта трасса проходит по Белому и Баренцову морям, из Баренцова моря через Югорский Шар, Карские Ворота, Маточинский Шар, или огибая мыс Желания, суда идут в Карское море, а отсюда через пролив Вилькицкого — в море Лаптевых, Восточносибирское и Чукотское моря.

Вся акватория Баренцова моря в навигационный период доступна для плавания. Суда, выходящие из Мурманска или Архангельска, совершают рейсы на Шпицберген, Землю Франца-Иосифа, мыс Желания, Маточкин Шар, Карские Ворота и Югорский Шар. Глубины на этом отрезке трассы 200—400 м.

В Карском море ширина акватории, занимаемой трассой в западной части,

равна 880 км, а в восточной — 148 км; глубины здесь — от 300 до 20 м.

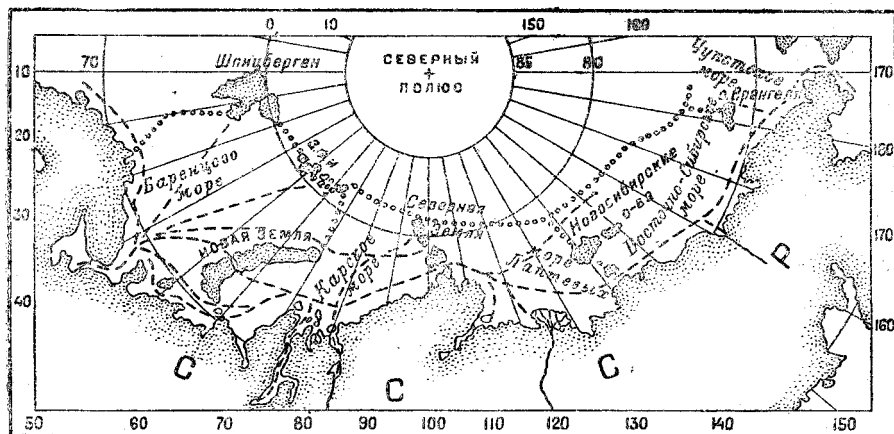
В Восточносибирском наибольшая ширина трассы 222 км, наименьшая — 47 км. Глубины 40—20 м.

В Чукотском море суда, как правило, плавают в прибрежной зоне 78—18 км. Глубины 40—20 м.

Рельеф

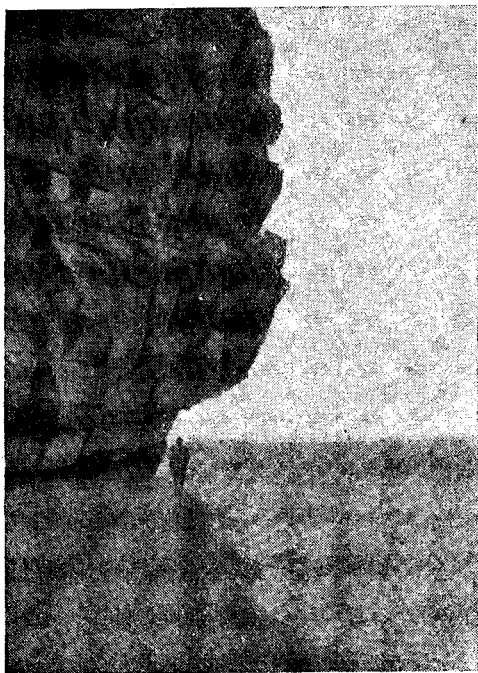
Моря, по которым проходит трасса Северного морского пути, имеют сравнительно разнинную поверхность дна с незначительным уклоном на север. Эти моря расположены на так называемой материковой отмели, где глубины не превышают 200 м. Наибольшей ширины — 800 км — материковая отмель достигает на меридиане 150° Е.

Рельеф Чукотского моря представляет равнинную поверхность с глу-

..... граница морей; — — — — — линии регулярных рейсов судов

Схематическая карта трассы Северного морского пути

**Прибрежный обрыв
в Чаунской губе**

Фото М. Рохлина и М. Молдавского

бинами, не превышающими 100 м. Исключение представляет впадина на широте 72° на 174° W, где глубина — 150 м, глубины дальше на север пока неизвестны.

Рельеф Восточносибирского моря равнинный с глубинами до 80 м, и только на меридиане 170° E и 76° широты глубина — 156 м. От берега дальше в море глубины обследованы на протяжении 600 км.

Море Лаптевых в юго-восточной части имеет глубины, редко превышающие 50 м. В северо-восточной части моря, вдоль восточного берега Северной Земли, в материковую отмель врзается глубоководный жолоб, имеющий глубину (по измерению в 1937 году экспедицией на «Садко») до 2381 м.

Карское море в юго-восточной части имеет глубины, не превышающие 60 м. Восточная часть моря представляет сложный рельеф. В юго-западной части имеется впадина с глубиной 314 м, в северо-западной находится глубоководный жолоб, который на северной границе имеет глубину около 1000 м, на широте же мыса Желания глубина его 300 м. В северо-восточной части моря между островом Визе и Северной Землей тоже имеется жолоб, где глубина до-

стигает 200 м и более. Преобладают в Карском море глубины до 100 м.

Наибольшее расстояние между южной границей Баренцова моря и северной равно 1400 км. Баренцово море тоже расположено на материковой отмели, но она не представляет сплошного ложа дна, а изрезана в различных направлениях подводными впадинами глубиной от 200 до 600 м. Преобладающие глубины этого моря 200 м.

Морские течения

Чукотское море. От пролива Лонга вдоль Чукотского побережья идет течение на восток. К прибрежному течению присоединяется другое, идущее с севера из пролива между островом Врангеля и островом Геральд; встречаясь с прибрежным, оно поворачивает тоже на восток. Далее прибрежное течение идет до Берингова пролива, где встречается течение, идущее с Берингова моря на север, и соединяется с ним. На широте мыса Лизберн течение, идущее на север, разделяется на две ветви: одна идет вдоль берега Аляски, а другая на север. Между течениями западным и восточным существует два круговых течения (против часовой стрелки) — южное, в центре которого погиб «Челюскин», и северное. Устойчивость круговых течений, видимо, в значительной степени зависит от ветрового режима.

Восточносибирское море. Вдоль побережья идет течение с запада на восток. Вдоль северной границы Восточносибирского моря, несколько севернее острова Врангеля, идет течение с востока на запад к островам Де Лонга.

Море Лаптевых. Вдоль восточного берега Северной Земли идет течение на юго-восток. Встречаясь с водами реки Лены, оно поворачивает на восток, а затем основная ветвь течения идет на север. В средней части моря по глубоководному каналу с севера входит теплое Атлантическое течение.

Карское море. В юго-западной части моря существует круговое течение (против часовой стрелки). Его центр, примерно, находится на широте Маточкина Шара. Это течение обусловлено постоянным течением вдоль восточного берега Новой Земли, с одной стороны, и потоком вод Оби и Енисея, с другой. В зимнее время последний ослабевает, но зато усиливающийся южный ветер создает большой сгон вод с мелководья на север, тем поддерживая круговое течение.

Таким образом это течение является постоянным.

Вдоль Таймырского побережья от меридиана острова Диксона идет течение на восток: одна ветвь проходит через пролив Вилькицкого, вторая направляется на север, вдоль западного берега Северной Земли.

Между островом Визе и Северной Землей существует северо-восточное круговое течение (против часовой стрелки).

С севера на глубине в Карское море входят теплые атлантические воды двумя потоками: более мощный между Землей Франца-Иосифа и островом Визе и менее мощный между островом Визе и Северной Землей.

В Карских Воротах и Югорском Шаре преобладает течение в Карское море. В проливе Маточкин Шар существует переменное течение и преобладающего течения пока не установлено; очевидно, если оно там существует, то весьма незначительное. У мыса Желания существует течение в Карское море, направление которого повторяет форму береговой полосы.

Баренцево море. Вдоль южной границы моря идет течение с запада на восток. Небольшая ветвь этого течения проникает в Карское море, основной же поток идет вдоль западного берега Новой Земли на север, где он вновь разделяется на две ветви: одна, огибая мыс Желания, идет в Карское море, а другая — к Земле Франца-Иосифа. У юго-восточных берегов Шпицбергена существует течение на юго-запад.

Воздушные потоки

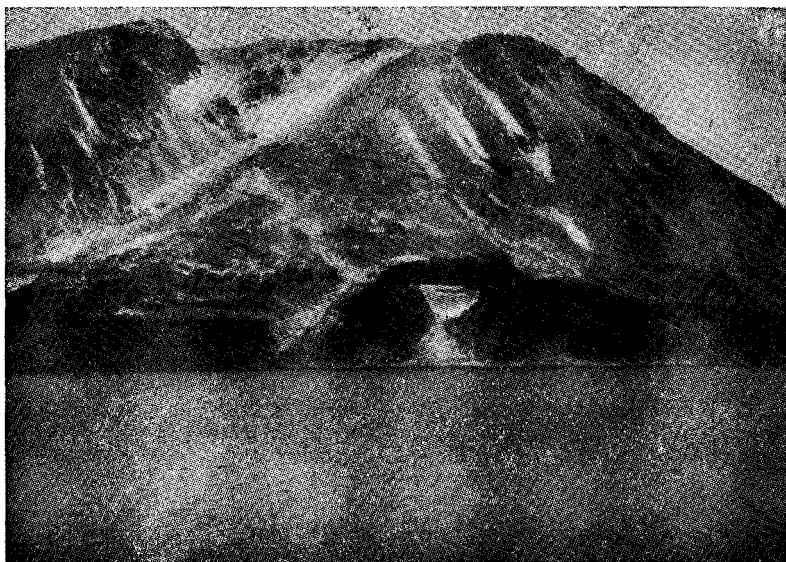
Воздушные потоки в своем направлении в значительной степени зависят от особенностей года. Постоянными потоками являются южные (с юга на север) на западном отрезке трассы и северные (с севера на юг) на восточном отрезке трассы.

По данным за 10 лет, для Карского моря скорость южного потока (средняя за год) равна 1,7 м в секунду. Наибольшего развития потоки достигают в зимнее время. Интенсивность воздушных потоков колеблется по годам. Можно считать правилом, что более сильным южным потокам на западном отрезке трассы соответствуют более сильные северные потоки на восточном отрезке трассы и наоборот.

При указанной схеме потоков бывают благоприятная ледовая обстановка на западном отрезке трассы и тяжелая на восточном отрезке трассы.

Существующие воздушные потоки — по наблюдениям полярных станций в 1933 году — показаны в табл. 1 (на стр. 36).

В этой таблице даны направления потоков и их скорость в метрах в секунду. Получены потоки путем сложения всех векторов ветра и деления их на число сроков наблюдения. Потоки по острову Врангеля несколько преувеличены, так как станция расположена на южном склоне и там существует местный северный ветер. Весьма большим препятствием при эксплуатации трассы являются туманы. Повторяемость туманов на трассе показана в табл. 2 (на стр. 36).

Берег пролива
Матшар
Фото
Б. Дзердзеевского

Таблица 1

Полярная станция	М е с я ц ы												За год
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
Остров Вайгач . . .	S 5,4	SSE 4,6	ENE 3,4	S 1,1	NNE 2,7	NNW 1,8	SW 1,3	NNE 3,9	N 1,4	W 1,4	NE 3,1	SSE 1,4	E 0,6
Мыс Челюскина . .	W 7,2	SW 4,3	E 3,4	SW 3,7	NE 1,3	SW 0,5	WSW 5,1	W 1,0	E 2,1	N 0,3	ENE 2,7	SSE 1,3	SW 1,0
Мыс Шмидта	NW 2,6	NW 3,6	NW 3,1	NW 2,1	SE 0,6	SE 2,0	SE 1,5	NW 1,5	WNW 1,5	W 1,9	WNW 2,5	SSE 2,1	WNW 0,9
Остров Врангеля	N 3,6	NNW 4,5	N 4,2	N 2,4	N 1,7	NE 0,9	NE 0,3	W 1,5	NW 5,8	WSW 2,9	N 6,9	N 5,3	NNW 2,8

Таблица 2

Число дней с туманом на трассе¹

Название станции	Число лет наблюдений	М е с я ц ы												За год
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
Маточкин Шар . .	5	4	3	3	2	4	6	10	10	8	5	4	4	63
Остров Вайгач . .	5	8	7	9	11	11	17	19	16	11	4	1	3	117
Югорский Шар . .	5	4	6	7	9	10	14	18	17	12	9	3	4	113
Мыс Желания . . .	4	2	7	7	8	6	14	18	23	13	4	1	2	105
Маре-сале	5	1	1	2	3	6	14	13	15	9	6	2	2	74
Остров Диксона . .	5	3	7	7	6	5	11	19	17	10	8	5	3	101
Новый Порт	4	3	2	4	4	4	7	8	8	7	6	3	1	57
Усть-Енисейский порт	4	6	4	6	8	6	5	2	3	4	8	6	4	62
Мыс Челюскина . .	3	4	6	11	10	9	14	24	25	16	8	8	1	136
Остров Преображения	1	10	7	1	8	8	12	11	—	—	9	8	4	—
Бухта Нордвик (мыс Юрунг-тумус) . .	1	2	6	4	14	16	15	15	16	—	—	2	4	—
Нордвик (Пакса) . .	1	0	0	1	3	3	5	12	12	4	3	1	0	44
Остров Дунай . . .	1	—	—	—	2	1	14	16	25	—	—	—	—	—
Бухта Тикси	3	4	6	5	6	6	15	10	5	5	4	1	2	69
Булун	8	10	12	7	6	4	7	6	6	9	13	9	11	100
Мыс Шалаурова (о. Большой Ляховской)	7	5	10	11	10	10	15	17	16	6	4	3	6	113
Остров Четырехстолбовой	3	2	1	3	3	10	16	21	23	10	3	3	2	96
Мыс Шелагский . .	2	1	2	4	5	12	21	17	20	12	2	3	2	101
Мыс Отто Шмидта .	4	5	2	4	4	10	13	16	18	12	3	5	6	98
Остров Врангеля .	10	4	4	4	7	10	15	17	16	8	4	4	4	97
Мыс Уэлен	—	5	4	6	5	8	14	16	14	12	4	4	3	95
Залив Лаврентия .	—	7	4	8	9	6	10	16	14	8	6	2	9	99

¹ Таблица составлена по данным т. 109 „Трудов Аркт. инст.“ (М. П. Козлов, Туманы вдоль трассы Северного морского пути), 1937 г.

Приливы

Во всех морях трассы Северного морского пути существуют приливы, т. е. повторяющиеся через определенные промежутки времени изменения уровня моря и течений.

Полагают, что приливная волна, проходящая по трассе, идет из Атлантического океана. У наших берегов от Кольского залива до Берингова пролива наблюдаются приливы полусуточные, т. е. в течение суток бывает две малых и две больших воды. Наибольшая разность между самым низким уровнем моря и самым высоким встречается на Мурманском берегу у Иоканьгских островов, где она достигает 6 м; в селе Полярном (Екатерининская гавань) — 4 м, в остальных пунктах трассы средняя амплитуда приливов имеет величину от 7 до 92 см. Амплитуды приливов в отдельных пунктах показаны в табл. 3.

Амплитуда приливов, показанная в таблице, как видим, не велика. Во многих пунктах изменения уровня моря, возникающие под действием сгона и нагона вод ветрами, превышают амплитуду прилива (остров Уединения, остров Диксона, бухта Тикси).

Приливные течения весьма мало изучены, за исключением Карских Ворот и пролива Вилькицкого. Приливные течения на трассе Северного морского пути значительно слабее течений, возникающих под действием ветра, и сточных речных.

Знание приливных течений часто помогает вывести суда из льда, а также избрать более благоприятный путь для проводки судов. Изучение приливных течений является ближайшей задачей.

Лед

Возраст льда.¹ Лед, встречающийся на трассе и являющийся препят-

Таблица 3

Амплитуды приливов на трассе Северного морского пути

П у н к т	Средняя амплитуда приливов	П у н к т	Средняя амплитуда приливов
Бухта Теплиц	35	Остров Домашний	22
Бухта Тихая	22	Остров Гансена	14
Русская Гавань	32	Острова „Комсомольской правды“	34
Восточная часть пролива Маточкин Шар	33	Бухта Тикси	30
Остров Расторгуева	31	Уэлен	12
Мыс Челюскина	27	Остров Уединения	20
Мыс Желания	35	Бухта Нордвик	64
Губа Каменка	46	Остров Преображения (бухта Неупокоева)	92
Югорский Шар	41	Мыс Шалаурова	7
Маре-сале	23	Остров Врангеля	43
Остров Диксона	22		

ствием для плавания судов, бывает возрастом от 10 суток до 3 лет. Чаще всего встречается лед возраста от 4 до 9 месяцев, основная масса этого льда появляется в ноябре и существует до августа. Из большинства морей лед непрерывно выносятся в Центральный полярный бассейн, а на место его образцовывается новый. Образование нового льда идет до апреля, следовательно в начале навигации самым молодым встречается лед апрельский, возраст которого около 4 месяцев.

Самый старый — трехлетний лед. Этот лед в незначительных количествах местного происхождения, но большая его часть заносится с Полярного бассейна. Трехлетний лед не является одного возраста по своей толще, он состоит, как правило, из трех слоев: верхний слой

толщиной около 1 м — трехгодичный, второй слой метровой толщины — двухгодичный и нижний слой метровой толщины — одногодичный. История жизни этого льда, видимо, такова: он образуется в более северных районах или в Полярном бассейне, толщина его около 3 м. Полярное лето лед этот проводит в районе сплошных льдов и растаивает сверху на 1 м. За зиму при толщине льда в 2 м снизу нарастает 1 м, а к началу лета он опять становится трехметровым. Следующий год он существует как и в первый. К началу третьего лета

¹ Все нижесказанное относится к льдам, образовавшимся на поверхности моря, т. е. не рассматриваются айсберги — льды материкового происхождения.

имеет место вышеописанное слоистое строение льда, и сколько бы он далее ни жил — старше трех лет льда мы так и не найдем, так как снизу зимой идет нарастание — омоложение, а сверху ровно настолько же летом лед стаивает.

В конце навигации суда встречают молодой лед, который за 10 суток успевает вырасти до 20—25 см. Такой лед представляет серьезное препятствие даже для ледоколов.

При плавании в Баренцовом и Чукотском морях суда встречают лед всех указанных возрастов. В Карском море встречается лед возрастом 4—9 месяцев и, как исключение, двухлетний. В море Лаптевых встречается лед возрастом от 4 месяцев до 2 лет и, как исключение, трехлетний. В Восточносибирском море встречается лед 1—2 лет.

Прочность льда зависит:

1. От его строения: лед, образовавшийся на поверхности в начале зимы и среди зимы при низких температурах, слабее, чем лед, образовавшийся зимой, причем изменение прочности от указанных причин бывает порядка 10—12%. Происходит это, по видимому, по следующим причинам: в первом случае ледяные кристаллы, плавающие в воде, смерзаются в беспорядочную сетку строения льда, понижая этим его прочность. Во втором случае, когда лед нарастает при наличии ледового покрова, кристаллы группируются в более правильную сетку и придают массе льда большую прочность.

Таким образом морской лед, образовавшийся при штормовой погоде, а также при наличии течения под ледовым покровом, всегда будет слабее льда, образовавшегося при штилевой погоде и отсутствии течений.

2. От температуры льда: понижение температуры вызывает повышение прочности льда и обратно. Изучение льда на острове Уединения позволило мне найти

зависимость прочности льда (на удар) от температуры, которая имеет следующий вид:

$$T = -0,003 (t+10)^3 + 5$$

где

T — работа деформации, t — температура льда

Прочность льда на удар резко падает при приближении температуры его к нулю, т. е. к полному таянию, и быстро возрастает при температуре ниже -20° .

3. От его солености: повышение солености вызывает понижение прочности.

4. От направления действия разрушающей силы относительно плоскости ледообразования: легче всего лед ломается при разрушении его со стороны воды и труднее всего со стороны атмосферы. Такая особенность льда объясняется его строением по вертикали — нижний слой льда пластичный, он пружинит, верхний же слой хрупкий и легко ломается.

Пловучесть льда изменяется в широких пределах. Для простоты возьмем крайние пределы: «зимний лед», который совершенно не подвергнут процессу таяния, и «летний лед», вся масса которого охвачена процессом таяния. Какой груз может удерживать на поверхности тот или другой лед, видим из следующей таблицы:

Таблица 4

Толщина льда (в см)	Предельная нагрузка (в кг на 1 м ²)	
	зимний лед	весенний лед
100	76	8
200	152	16
300	228	24

Мыс Челюскина

Фото Б. Дзерджеевского

Дрейф льда. Направление дрейфа льда в основном повторяет направление поверхностных течений, о которых сказано выше. Скорость дрейфа льда зависит в значительной степени от особенности рельефа и сплоченности льда. Скорость дрейфа льда под действием ветра в открытом море при средней ледовитости (лед 5 баллов) можно вычислять по соотношению

$$U_i = 0,02v,$$

где: v — скорость ветра в метрах в секунду, U_i — скорость дрейфа льда в метрах в секунду.

Особо следует сказать о балансе льда. В Баренцовом море лед поступает из центрального бассейна на северо-востоке и на севере. Выносятся из Баренцова моря лед на северо-запад.

Из Карского моря, по данным наблюдений на острове Уединения за год, выносятся льда на север около 30% всей его площади.

Из моря Лаптевых выносятся лед на северо-восток. Несколько меньшее его количество поступает в это море с северо-запада.

В Восточносибирском море, видимо, существует некоторый вынос на север.

В Чукотском море преобладает приносный лед, поступает он с севера и в значительных количествах через пролив Лонга. Количество льда и его движение в этом море весьма зависят от преобладающих ветров.

Время вскрытия и ледостава

Время вскрытия и ледостава принято разделять на четыре момента: вскрытие, окончательное очищение, появление сала и полное замерзание. Промежутки времени между отдельными моментами различны для каждого пункта и совершенно особые для морских пунктов и речных. По данным многолетних наблюдений, можно принять для морских пунктов: продолжительность времени от вскрытия льда до полного очищения — 30 суток, от времени полного очищения до появления сала — 70 суток, от времени появления сала до полного замерзания — 20 суток. Из сказанного следует, что продолжительность навигации на трассе морского пути бывает 70—120 суток.

Для речных пунктов промежутки между отдельными моментами совершенно иные, там мы имеем: от вскрытия льда до полного очищения — 14 суток, от появления сала до полного замерзания — 4 суток. Что касается продолжительности навигации, то это зависит от особенностей каждой реки.

Приведенные промежутки времени от вскрытия до очищения и от появления сала до полного замерзания, во-первых, характеризуют физический процесс и, во-вторых, указывают, насколько четко должен работать наш транспорт, чтобы не нести ущерба от вынужденных зимовок и неполного использования навигационного времени.

Таблица 5

П у н к т ы	За годы	Вскрытие	Окончат. очищение	Появление сала	Полное замерза- ние	Дней со льдом	Наиб. тол- щина
Югорский Шар	1910—1934	28/VI	24/VIII	20/X	20/XI	204	107
Маточкин Шар	1924—1934	9/VII	23/VIII	10/X	28/X	310	137
Малые Кармакулы	1924—1930	26/VI	10/VII	17/X	—	247	109
Остров Колгуев	1925—1930	14/VI	4/VII	4/XI	—	233	79
Остров Вайгач	1913—1934	17/VI	22/VII	22/X	25/XI	346	112
Маре-сале	1913—1934	17/VI	17/VII	14/X	26/XI	348	145
Новый Порт	1924—1933	18/VI	6/VII	9/X	5/XI	266	147
Салегард	1926—1933	30/V	29/VI	29/X	3/XI	217	—
Остров Диксона (море)	1916—1934	23/VI	27/VII	18/X	25/XI	—	158
Река Индигирка	За 11 лет	—	16/VI	—	4/X	—	235
Усть-Енисейский порт	1924—1933	7/VI	17/VI	22/X	25/X	241	144
Нижнеколымск	За 18 лет	—	6/VI	—	5/X	—	20
Мыс Шмидта	1911—1913	—	20/VII	—	5/X	—	—
Уэлен	За 3 года	20/VI	28/VII	—	15/XI	—	—
Остров Врангеля (море)	1927—1935	16/VII	Не было	—	—	—	—
Бухта Провидения	За 5 лет	—	24/VI	9/X	24/XII	—	—

Устье реки Лены. Вскрытие 25/VI замерзание 2/X

Енисейский залив: речная часть 15/VI " 15/X

залив 15/VII " 5/X

северная часть залива 28/VII " 28/X

На стр. 39 приведена таблица времени вскрытия и замерзания на трассе Северного морского пути.

* * *

В плавании во льдах необходимо умело учитывать совокупность условий: рельеф, распределение и движение льда, состояние погоды. Успех работы северного морского транспорта зависит от технической оснащенности пути, от технической грамотности людей, хорошего знания ими местных условий.

Условия плавания в северных морях требуют от людей выдержки, сообразительности и уверенности в действиях. Непрерывно меняющаяся ледовая обстановка делает работу мореплавателей весьма ответственной.

Для безопасного мореплавания в Арктике необходимы: точные карты с подробным промером глубин и лоции, достаточная сеть радиомаяков, с расстоянием между ними около 500 км и соответствующим расположением, знание распределения льда и состояния погоды на следующее время, карты течений и данные о приливах, ледовые прогнозы и прогнозы погоды.

Удовлетворяют ли наши современные знания трассы указанным требованиям? — Не вполне.

Существующие мореходные карты для восточного отрезка трассы еще недостаточно точны; что касается промеров, то они недостаточно подробны по всей трассе.

Нам хорошо еще не известна северная граница материковой отмели морей

Советской Арктики, что исключает возможность конкретного суждения о наиболее удобном пути для судов. Не вполне удовлетворяют имеющиеся лоции.

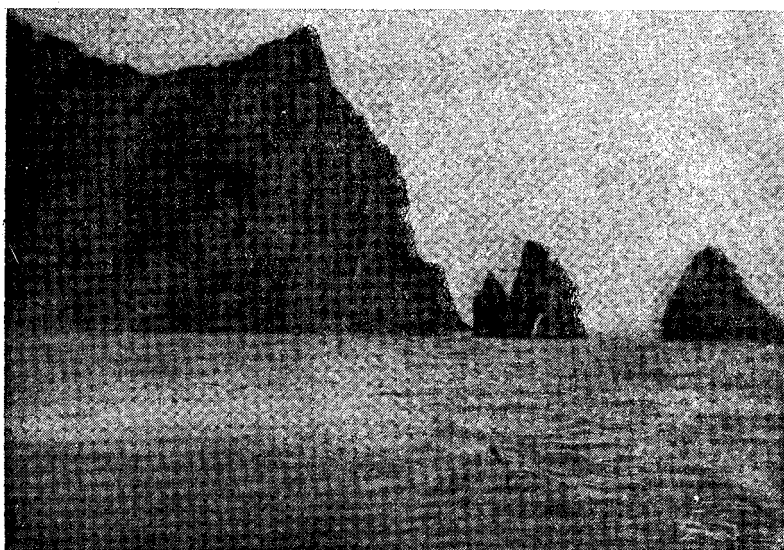
Существующее количество радиомаяков недостаточно. На западном отрезке трассы их количество необходимо удвоить, а на восточном построить необходимую сеть радиомаяков.

В период навигации и в начале ее не бывает точно известно распределение льда в морях, а ведь он является основным препятствием. Следовательно, необходима система в ледовой разведке. Так как частые ледовые разведки не всегда возможны, то на основе предыдущих данных о распределении льда необходимо в каждом экспедиционном бюро погоды составлять в сутки не менее двух карт распределения льда, основанных на расчете.

Морские течения по трассе Северного морского пути мы знаем только в схеме, действительные же скорости неизвестны, за некоторым исключением. Необходимо, используя все имеющиеся данные о течениях, собрать и дополнить их, составить карты течений по всей трассе.

Приливные явления имеют огромное значение в периодических разрежениях и сжатиях льда. Необходимо составление карт котидальных линий для малых и полных вод.

Существующие долгосрочные ледовые прогнозы еще страдают низким качеством. Междуведомственное бюро ледовых прогнозов должно серьезно заняться организацией этого дела, а также вопросом оперативной ледовой службы.

Мыс Дежнева
Фото И. Воблова

РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ ГЛАВСЕВМОРПУТИ В НАВИГАЦИЮ 1938 ГОДА

В навигацию 1938 года перевозки, совершаемые речным флотом Главсевморпути, должны возрасти в следующих размерах по сравнению с итогами 1937 года (в процентах):

Водные конторы	Тонно-километровая работа	Тонны
Омская	179,0	289,0
Красноярская . .	143,5	117,5
Якутская	131,0	141,7

Этому объему перевозок должен соответствовать следующий рост самоходного флота (в процентах к 1937 году):

Омская водконтора	133,4
Красноярская	100,0
Якутская	111,0

Соотношения между флотом и перевозками показывают, что рост перевозок в основном идет за счет уплотнения работы существующего флота, значительного улучшения его работы.

Приведем данные роста перевозок по наиболее крупным, вновь освоенным рекам Якутии (в процентах к 1936 году):

Реки	Тонны			Тонно-килоом.		
	1936 г.	1937 г.	План 1938 г.	1936 г.	1937 г.	План 1938 г.
Яна	100	253	720	100	245	338
Индигирка . .	100	638	1800	100	533	1330

Фактический размер перевозок по этим рекам превзошел все плановые наметки.

Значительное увеличение перевозок, идущее, как уже сказано выше, за счет улучшения работы флота, естественно влечет за собой снижение себестоимости перевозок (себестоимость 1 т/км):

Водные конторы	1937 г.	План 1938 г.	Примечание
Омская	100	88	Без вновь освоен. рек
Красноярская . .	100	67,8	
Якутская	100	86,8	

Планы эти безусловно реальны, но требуют серьезной, планомерной работы всего коллектива речников Главсевморпути.

Главным условием выполнения плана 1938 года является полная ликвидация следов вражеской работы на речном транспорте Севера. Враг пользовался каждой нечеткостью, каждой неясностью в работе, которая была в 1937 году и в предыдущие годы. Надо иметь в виду, что самотек в работе, способствуя прерывной работе врагов, дает еще возможность им остаться не разоблаченными. И, наоборот, там, где работа налажена, идет по четкому плану, — действия врага затруднены. Все это обязывает водные конторы работать по твердому четкому плану.

Какие же в этом направлении приняты меры? В навигацию 1938 года впервые флот Главсевморпути и его клиентура будут не только работать по месячным планам (фактически по графикам работы флота), но и отвечать материально друг перед другом за выполнение плана (графика). Оперативное планирование является сильным рычагом, который должен поднять качество работы флота. Это позволит покончить с расхлябанностью и безответственностью, которые нередко бывали в практике работы речного флота Главсевморпути: клиент запоздал с предъявлением груза — он обязан уплатить транспорту штраф в размере провозной платы за непредъявленное количество груза, равно и транспорт несет такую же ответственность перед клиентом за несвоевременный вывоз груза.

Эта система требует повышенной дисциплины и жесткой плановости, она хороша тем, что бьет рублем разгильдяев и любителей самотека.

Не меньшую роль играет плановость и в вопросах судоремонта, где самотек и отсутствие организации могут крайне затруднить работу. В этом отношении весьма характерен пример Красноярского затона Главсевморпути, который решает успех судоремонта по Енисейскому флоту. Затон этот крайне плохо работал в зиму 1936/37 года. В начале зимы 1937/38 года затон также работал плохо: достаточно указать, что на 1 января, имея плановый процент ремонта флота в размере 27,2, затон выполнил план ремонта только на 22,8%. При проверке качества ремонта обнаружилось, что затон не организовал приемки ра-

бот, — значительное количество их было забраковано. Руководители затона не сумели организовать работу: основные цеха не имели плана; руководители затона (начальник затона т. Соколов, технорук т. Выподянский) разводили руками и доказывали, что затон не может справиться с объемом сварных работ. Однако было достаточно того, чтобы путем заблаговременной подготовки работы ликвидировать простой сварного агрегата, ликвидировать «пробку», создавшуюся со сваркой. В результате проведенных простейших мероприятий по организации и планированию работ затона — удалось подтянуть выполнение плана затоном до следующих показателей (на 1 апреля): план — 91,5%, выполнение — 91,3%. Затону нужно еще подтянуться и окончательно ликвидировать предельческие сказки об узких местах.

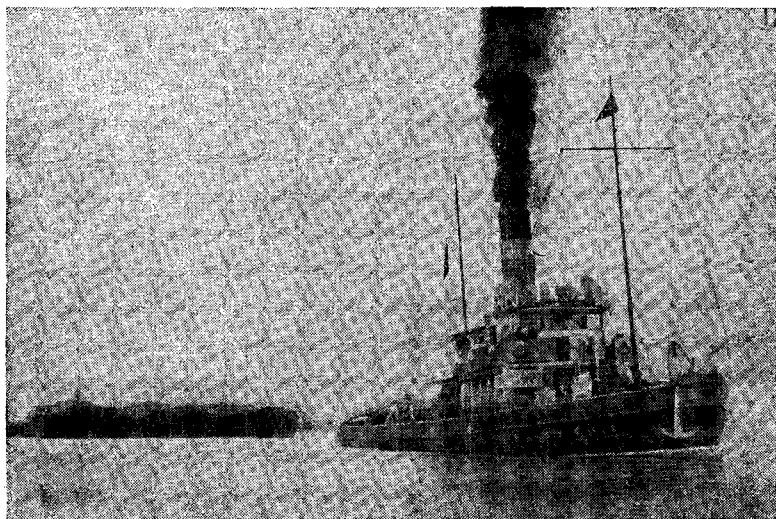
В отличие от прошлого года была проведена проверка и помощь местам в проведении судоремонта по Красноярской и Тобольской водным конторам.

Серьезный вопрос для навигации 1938 года — подбор кадров плавсостава и укрепление производственной дисциплины. В навигацию 1937 года некоторые командиры и механики судов Главсевморпути отличились как злостные аварийщики: например, пароход Красноярской водконторы «Парижская Коммуна» (капитан Есаулов), после трех аварий снятый с работы; теплоход той же конторы «Байкитец» (механик Вербицкий), имевший за навигацию пять поломок машин. Естественно, что подобных «капитанов» и «механиков» нельзя близко

подпускать к судну. Плавсостав перед распределением на суда должен быть серьезно проверен, чтобы ни один злостный аварийщик, ни один разгильдяй и пьяница не попал бы на судно: они должны быть заменены растущими молодыми, преданными, знающими дело работниками.

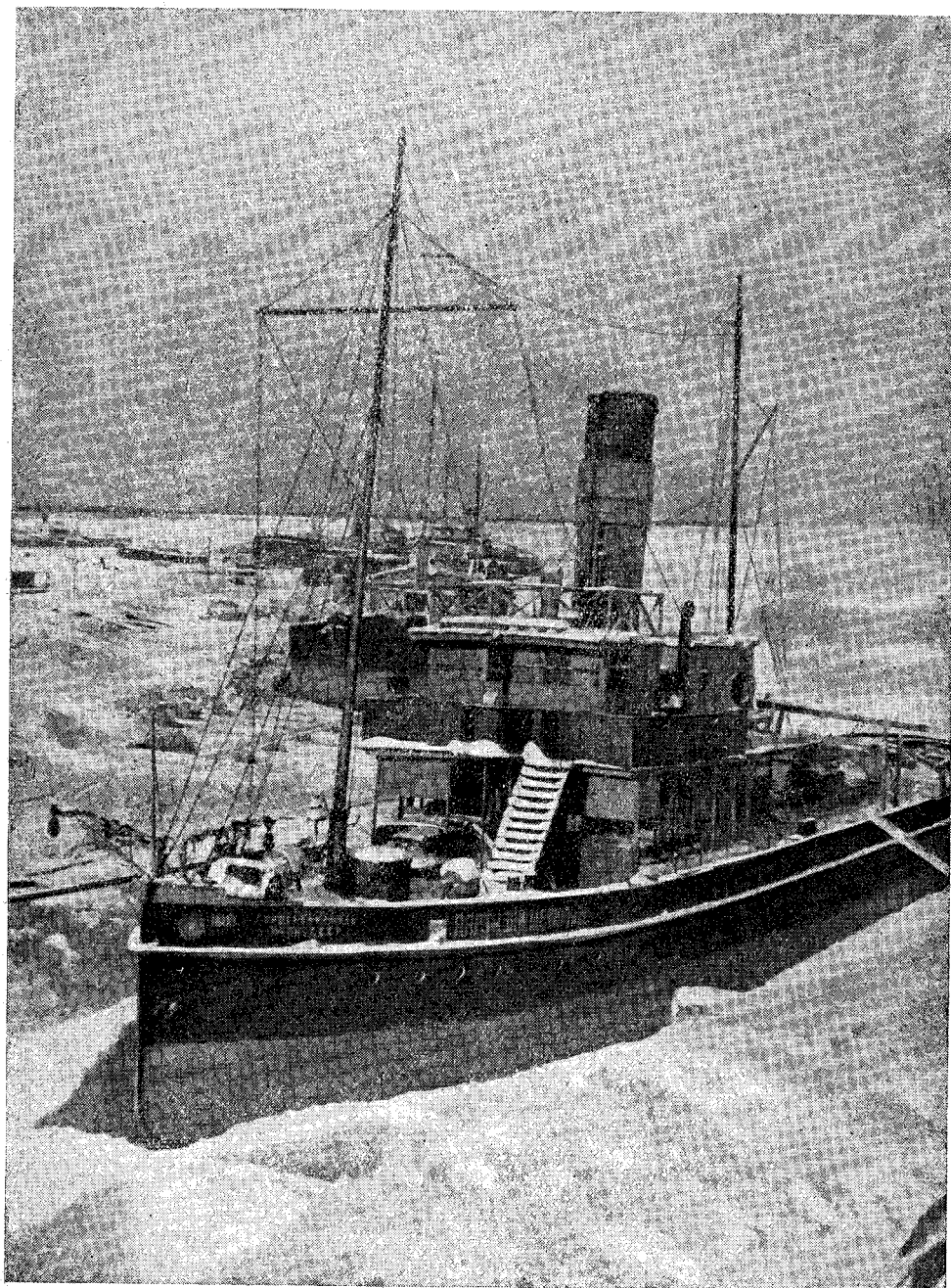
Надо организовать на деле дисциплину и ответственность за порученную работу. В навигацию 1937 года исключительно по причине преступной безответственности целого ряда работников Красноярской водконторы было испорчено грузов торговой конторы на сумму свыше 100 тысяч рублей. Произошло это следующим образом: представитель Красводконторы принял, а баржевой мастер Придивненской судовой сдал недоброкачественно построенную баржу. Баржа была поставлена под погрузку ценных грузов. Когда шкипер баржи заявил о своем отказе принимать груз в непригодную под погрузку баржу, то, вместо того чтобы прекратить погрузку, ныне разоблаченные проходимцы и враги, орудовавшие в водконторе, уволили шкипера. Баржа долго грузилась и еще дольше шла до места назначения (2 месяца). В результате груз был испорчен.

Огромное значение в борьбе с нарушениями труддисциплины, в борьбе с безответственностью имеет разъяснительная партийная и профсоюзная работа. А работа политотделов и профсоюзов в 1937 году была далеко не на высоте. Политотделы и профсоюзы должны помогать водным конторам организовывать общественное мнение против

**„Партизан
Щетинкин“
со своим
караваном**

Фото Л. Карнеева

Затон Главсевморпути в Якутске

Фото Е. Федотова

разгильдяйства и нарушителей трудовой дисциплины.

На совещании работников речного транспорта раздавались наивные голоса некоторых руководителей предприятий речного транспорта: «Кого же следует считать стахановцами?» Некоторые руководители не только не опирались на лучших стахановцев, но и противодействовали их работе: токарь Владивостокской верфи т. Астатупенас начал работать над механизацией производства шайб. Ныне разоблаченные враги народа всячески срывали эту работу. Когда т. Астатупенас тихонько от администрации закончил свою работу и доказал, что производительность рабочего при механизации поднимается во много раз (при ручном способе рабочий вырабатывал 80—120 шайб в смену, а при механическом способе, предложенном т. Астатупенас, производительность резко поднялась), администрация для вида премировала его, а через некоторое время перебрала станок, к которому т. Астатупенас сделал свой привод, в одну из отдаленных точек теруправления, тем самым прекратив механическое производство шайб.

Нужно добиться такого положения, чтобы каждый хозяйственник знал своих стахановцев, помогал им в работе, опирался бы на них. Это позволит хозяйственнику сразу поднять порученный ему участок работы на должную высоту. Совещанием работников речного транспорта Главсевморпути было записано немало хороших решений по вопросам стахановского движения: их выполнение является прямой и элементарной обязанностью каждого работника.

Серьезное положение создалось на реках Яне и Индигирке: потребность в перевозках значительно опережает рост провозной способности флота. Резкое повышение провозной способности флота на этих реках возможно путем проведения ряда мероприятий.

До сих пор груз к устьям этих рек поступал не раньше середины августа. Навигация же на этих реках открывается, примерно, в середине июня. Таким образом, около двух лучших месяцев навигации, с хорошим состоянием воды, белыми ночами — флот бездействовал. В этом году впервые на данных реках будет осуществлена депонировка (складирование на зиму) груза в устьевых участках с тем, чтобы заполнить работой первый период навигации 1939 года, до момента прибытия следующей партии грузов.

Серьезнейшим вопросом является укрепление водных контор кадрами специалистов-инженеров. Бывшее руководство водными конторами игнорировало техническую мысль: именно поэтому, например, в Тобольской водной конторе не имелось ни одного инженера, в механико-судовом отделе Красноярской водной конторы также нет ни одного инженера, и т. д.

Командный состав на суда подбирался случайно: связь с техникумами, которые готовят кадры специалистов, в ряде случаев отсутствовала.

Подобный самотек, равнение на случайных людей приводили нередко к засорению аппарата лжеспециалистами и проходимцами.

Необходимо немедленно добиться того, чтобы мы имели известное количество молодых специалистов из числа оканчивающих вузы и техникумы.

Недооценка реки в центральном аппарате Главсевморпути привела к тому, что по береговому строительству почти ничего не делалось, а пополнение флота шло исключительно за счет судов речного типа, поставляемых промышленностью. Это вынуждало имеющийся флот отстаиваться в ряде случаев на открытых плесах, так как своих затонов Главсевморпуть не имеет, выпускать суда плохо отремонтированными как по причине плохой организации ремонта, так и ввиду необорудованности мастерских; вынуждало речной флот работать в рейдовых и морских условиях, что повышало аварийность и т. д.

Необходимо в 1938 году развернуть работы по строительству затонов (Подтесовский), изысканию и проектированию (Якутский), проектировке пристаней в узловых пунктах и строительству рейдового флота.

Серьезнейшим вопросом, к решению которого Главсевморпуть еще не приступил, является создание элементарно необходимых условий для перевозки пассажиров: пассажиры едут на грузовых баржах, под открытым небом. Необходимо немедленно приступить к проектированию и закладке пассажирских металлических судов.

Работа речного флота в прошлом году была плохой, но есть все необходимые предпосылки для ее выправления в 1938 году. Речной транспорт Главсевморпути имеет много хороших, одаренных работников, вопросом чести которых является обеспечить подъем работы Северного речного флота.

О ПОДТЕСОВСКОМ ЗАТОНЕ

Еще в системе Комсевморпути ставился вопрос о необходимости постройки большого затона на Енисее. То было настойчивое экономическое требование районов, тяготеющих к Енисею и его притокам, — обширной территории нынешнего Эвенкийского и Таймырского национальных округов.

Совершенно ясно наметились три района деятельности флота на Енисее. Верхний плес от Минусинска до Енисейска, средний плес от Енисейска до Туруханска и нижний плес от Туруханска до Диксона. Каждый плес имеет свои особенности. Например, суда верхнего плеса после навигации совершенно свободно входят в Красноярский затон, тогда как с низовьев они с трудом преодолевают мелководья к осени Казачинский порог, а если работа задержала их до предельных сроков навигации — неизбежна зимовка где-нибудь на подступах к Енисейску или в самом Енисейске. Кроме того уже в последние годы Красноярский затон оказался тесен для енисейских флотилий, плавающих под флагом Госпароходства, Главсевморпути, Севполярлеса, Союззолота.

В Енисейском госпароходстве и в Красноярском теруправлении Главсевморпути, к сожалению, господствуют узко-ведомственные интересы в ущерб здравому смыслу. И там, и тут идет разрозненная конкурирующая «работа».

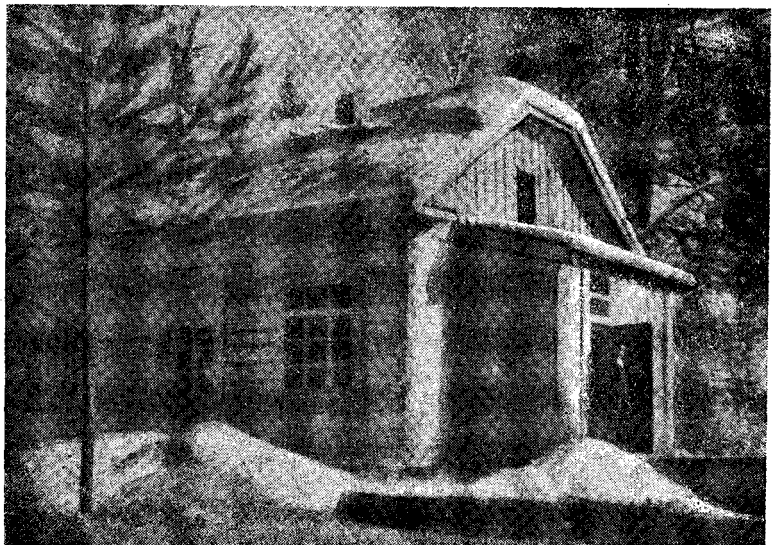
Шли на просторные берега Енисея изыскатели Госпароходства, и шли изыскатели Севморпути; избегая друг друга, искали подходящего для затона места.

Нашлись и проектировщики. Так, был предложен проект постройки затона в Енисейске на реке Мельничной, пересекающей город. Реку эту надлежало каналом обвести вокруг города, предлагалось произвести дноуглубительные и прочие земляные работы по расширению реки Мельничной и акватории затона.

Но самые горячие споры, возражения и дискуссии вызвала деревня Подтесово на правом берегу Енисея, в 18 км от Енисейска и в 90 км вниз от Ангары.

Практически речники Севморпути и Госпароходства необходимость постройки затона в Подтесове опередили давно. Каждую осень, застигнутые начинающимся ледоставом на среднем плесе, они становились на зимовку в Подтесовскую протоку. Расчет речников подтвердил своим решением начальник Главсевморпути — началось строительство Подтесовского затона.

Тогда вчерашние скептики вдруг затрубили «хвалу» Подтесову. Враги народа пытались взорвать идею Подтесовского затона. Всюду труба о Подтесове, они развивали головокружительные планы подтесовского гиганта, стоимостью не менее 25 миллионов рублей. Пока сочи-

Жилой двухквартирный дом в Подтесове, окруженный приусадебным участком
Фото А. Вольского

нялись варианты, писались докладные записки, измышлялись проекты, не было плана основного сооружения затона — дамбы. Составление плана дамбы всячески оттягивалось. Это была чисто вредительская работа.

«На сегодняшний день», — как говорят докладчики, — стройка поглотила один миллион шестьсот тысяч рублей, а дамбы все-таки нет.

Сейчас в Красноярске заказан новый проект дамбы. Для строительства ее ведутся заготовки камня. По генеральному плану камень запроектировано было разрабатывать на Бурмакинских карьерах, в 70 км от Подтесова. В этом случае его пришлось бы от места выработки подвозить к баржам за 4 км. Дорого обошлось бы бурмакинский камень. Поискали другой. В 30 км от Подтесова в Баженове нашли горы крепкого, как гранит, сиенита. Доставка его в протоку легче и значительно дешевле. В Баженове построили дом, баню и склад для аммонала. Карьер сможет давать 3000 кубометров камня в месяц, — это в два раза больше того, что дают Красноярские каменоломни.

Но вот над Подтесовым опять нависли тучи. Снова появились охотники подискутировать насчет Подтесова. Нынешний начальник теруправления Архиповский срочно высылает самолетом в Подтесово начальника Полярного сектора теруправления Сапунова с инструкцией: «проверить целесообразность постройки Подтесовского затона». Сапунов два дня повертелся на строительной площадке, отбыл в Красноярск и безапелляционно решил, что Подтесово нужно законсервировать. На основании этого решения техснаб немедленно аннулировал заявки строительства, а проектное бюро Госпароходства в Красноярске приостановило изготовление проекта дамбы.

Безотносительно к тому — может ли начальник полярного сектора ревизовать и определять судьбу специфической стройки, мы определяем данное отношение к ней теруправления как совершенно недопустимое.

Мы говорим о Подтесовском затоне не потому, что в это дело уже вложены 2 миллиона рублей. Если место выбрано неудачно, не стоит вести дальнейшие затраты. Но в том то и дело, что Подтесово все равно будет оставаться местом зимнего отстоя для части караванов, даже если мы не построим дамбы (зимой тут остановилось около 30 судов Госпароходства и Севморпути). В этом случае Подтесово будет местом непла-

новой зимовки со всеми вытекающими отсюда последствиями — дороговизной судоремонта и большими накладными расходами, падающими на неизбежные сейчас ледекольные работы и работы по защите от ледохода.

Кроме того, зимующим судам угрожает катастрофа. Подтесовская протока подвержена действию ангарского ледохода. Енисейский ледоход обычно проходит по самой реке, минуя протоку. Но дней через 15 начинается не менее мощный ангарский ледоход. Он жмет к правому берегу Енисея и вдавливается значительной массой в протоку. Острова, лежащие на пути его, служат очень слабым препятствием. Для удержания ангарского ледохода как раз и должна быть построена дамба, причем работы можно вести в порядке очередности. Сначала можно возвести дамбу от материка до острова Плоского включительно, размером в 600 м. Таким путем под дамбой мы уже получаем место для спокойного отстоя и защиты судов от ледохода. Затем можно воздвигнуть вторую очередь дамбы в 700 м.

Подтесово в перспективе может быть лучшим на Енисее затоном. Для этого есть все условия. Закончены изыскания железнодорожной колеи, которая намечается строительством от Ачинска к Совруднику (Союззолото). Изыскатели подвели колею к деревне Комары на левом берегу Енисея, в 3 км от Подтесова. Значит, Подтесовский затон может быть обеспечен железнодорожным транспортом (помимо водного). Тайга под Подтесовым, а также по реке Кеми полна отличной ели. Придвиненская судоверфь, не обладая достаточными запасами ели, вынуждена употреблять для строительства судов сосну, а на Подтесове ели сколько угодно. Она может быть сплавлена и по Ангаре. Емкость и глубоководность Подтесовской протоки таковы, что тут могут разместиться одновременно 3—4 флота.

И Госпароходство, и транспортная контора Севморпути, и Севполярлес, и Союззолото тратят ежегодно большие средства на постройку временок как в самом Подтесове, так и в других местах зимовки судов. Еще большие средства уходят на ледекольные работы и устройство временных ограждений от ледохода. Если все эти средства кооперировать, дамбу можно воздвигнуть очень быстро.

Строители полны решимости воздвигнуть дамбу вопреки всяким унылым сомнениям и наперекор всем трудностям. Подтесовский затон должен быть построен!

В. ВАСИЛЬЕВ

О ПРОМЫСЛЕ НА ЯМАЛЕ

Ямальский район ежегодно дает пушнины до 45% от всех пушнозаготовок Ямало-Ненецкого округа. Основной объект пушного промысла на Ямале — песец (96,4%). Другие промысловые объекты в заготовках имеют незначительный удельный вес: горностай 0,79%, лисица 0,8%, заяц 0,4%, волк 0,18%, россомаха 0,6%, белка 1,37% (белки на Ямале нет, но заготовительные пункты получают ее от ненцев, кочующих в зимнее время в лесотундру).

Норение песца на Ямале сконцентрировано, главным образом, по берегам рек и озер. Наибольшее количество песцовых нор обнаружено на Вануй-то, Тиутей, Хоросовой, Се-яха, Мороды-яха и Тамбей.¹

¹ Название озер имеет окончание «то», а рек — «яха».

Менее заселены песцами Юрибей, Пяседай, Ясовой, Норкута, Ярро-то, Ней-то и Яходы-яха (Яда), и совсем мало заселены берега рек и озер, расположенных южнее реки Яды.

Наиболее интенсивный промысел песца расположен по реке Ходата, где промышляют 46 ненецких хозяйств, из них одно ППТ (первичное производственное товарищество) им. Куйбышева; по рекам Яда и Салита, где промышляют 83 хозяйства, из них 4 ППТ (им. 2-й Пятилетки, им. Сталина, им. Калинина и им. академика Павлова); по реке Юрибей — 19 хозяйств и одно ППТ — им. Красной Звезды; Танлоу — 20 хозяйств; Хальмер-паута — 5 хозяйств; на озере Ярро-то — 20 хозяйств, из них одно ППТ — «Кооператор»; Янгута — 5 хозяйств; Солнота — 2 хозяйства и т. д.

Песец в капкане
Фото Г. Ушакова

Места наибольшей концентрации песка неполностью совпадают с местами интенсивного промысла, так как у ненцев пушной промысел сочетается с рыбным подледным промыслом, с удобными ластовицами для оленей, с заготовками топлива и стройматериалов для нарт, лыж, домашнего обихода и т. д., а малооленные хозяйства учитывают и близость стационарной или разъездной фактории.

У ненцев южного Ямала (считая от Юрибея) орудиями пушного промысла служат капканы на песка, горностая и зайца. Из огнестрельного оружия распространено дробовое ружье «Ижевска», которое применяется главным образом для пернатой дичи, и берданка для окарауливания оленьих стад от волков. На куропатку употребляются также петли из пряхи и из оленьих сухожилий. С 1936 года на реке Яде ненцы начали употреблять проволочные петли на зайца, изредка в них попадает и песец.

В северной части главным орудием лова песка является пасть и в небольшом количестве капкан. Из огнестрельного оружия еще встречаются кремневые и шомпольные ружья. Дробовые и нарезные ружья встречаются реже, чем в южной части Ямала. Для ловли длинной водоплавающей дичи употребляются рыболовные невода. Как единичные случаи, в зверобойном промысле и на дику оленя, применяются скрадывающие доски.

Охота на Ямале начинается со второй половины октября, заканчивается в первой половине апреля.

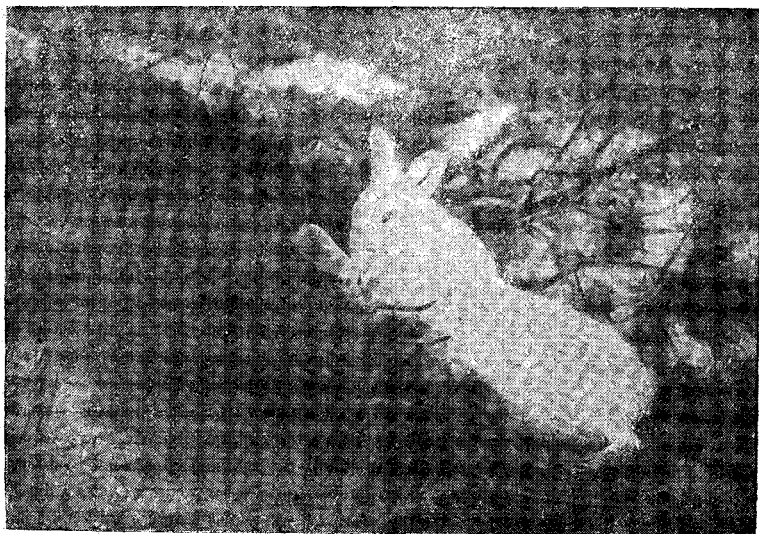
Заготовительные пункты Главсевморпути расположены на восточной части Ямала, главным образом по берегу Обской губы: в поселке Ярсале, в Новом Порту, на реках Пурс-яха, Яда, Тамбей, Се-яха, на мысе Дровяном, в рыболовецком поселке Ямбург, Пуйко и на реке Ходата. Эти фактории обслуживают стойбища ненцев указанных выше охотничьих угодий.

Практика показала, что работники ряда факторий творят большие безобразия. Например, в 1935 году на ямальские фактории были завезены кормушки-ловушки стационарного типа. В Се-яха такая кормушка-ловушка превращена в сарай, в Новом Порту она пошла на дрова; на других факториях судьба этих кормушек неизвестна.

Подкормка песка, как видно из отчетов факторий, производилась следующим образом: раз или два в году разбрасывали некоторое количество рыбы, затем все это списывалось со склада фактории и ... заканчивалась работа по подкормке песка. Средства израсходованы, а результатов мало.

Опыт показывает, что главной причиной недопромысла на Ямале является недостаток орудий промысла (средняя вооруженность охотников капканами — 10 штук на охотника), а неправильная эксплуатация охотугодий: одни угодья перепромышляются, а другие совершенно не эксплуатируются.

Почти не эксплуатируются участки, где происходит миграция песка и концентрация его (по рекам, впадающим в Байдарацкую губу), из-за отсутствия там

Заяц белый

топлива, факторий и зимних пастбищ для оленей. Между тем этот район может быть легко освоен, если там будет организован перевалочный пункт (на озере Ярро-то, 80 км от Нового Порта). Из Нового Порта зимним путем туда можно завозить товары, топливо и проч., а летом из Ярро-то их отправлять по реке Юрибей в Байдарацкую губу.

База на Ярро-то необходима. Здесь расположены места летних кочевий оленеводов, которые могли бы пользоваться этой факторией, а не ездить на оленях в летнее время на нартах в Новый Порт за продуктами.

Перевалочная база в Ярро-то, кроме того, избавит суда от захода в мелководную Байдарацкую губу, которая к тому же очень поздно освобождается от льда.

В безъязыльных пространствах, в районе Байдарацкой губы, нужно организовать собачий транспорт.

На Ямале до сих пор нет ни одной промысловой избушки, хотя они планируются ежегодно. Постройка нескольких охотизбушек избавила бы охотников от кочевий к месту промысла с семьями и чумами и позволила бы не держать при себе целого стада оленей.

Дифференциация труда в ППТ и промысловом колхозе должна проводиться по бригадам: одни бригады занимаются рыбным промыслом, другие бригады — оленеводством, третьи — охотпромыслом и воспроизводством охотугодий, то есть подкормкой промысловых объектов, уплотнением и заселением охотугодий путем создания благоприятных условий для размножения зверей и птиц. Таким образом будет вестись комплексное коллективное хозяйство.

Чтобы наладить культурное промысловое хозяйство народов Севера, необходимо приступить к организации охотхозяйств в ППТ и колхозах. Нашим зональным промысловым станциям нужно поручить разработать тип колхозного охотничьего хозяйства для Севера.

Надо отказаться от разработок таких научных тем, как, например, изучение урожая песка «с птичьего полета», то есть с аэроплана (тема ВАИ). Не планировать «в мировом масштабе» и не переписывать из пятилетки в пятилетку одни и те же проблемы.

Немедленно же надо приступить к организации колхозных охотничьих хозяйств, открывающих путь для культурной, зажиточной жизни народов Севера.

А. ТЮЛИН

НАУКУ — ПЕСЦОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Научная работа учреждений Главсевморпути в области промыслово-биологических исследований богатств Крайнего Севера находится не на высоте требований. Производственная деятельность Пушного отдела оторвана от научно-исследовательской работы Промыслово-биологического отдела Института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства.¹ Нет тесной связи в работе, связь поддерживается только через незначительную сеть зональных станций (Салегард, Игарка, Якутск, Анадырь). Поэтому необходим тесный контакт в работе Промыслово-биологического отдела Института полярного земледелия и Пушного отдела.

В теруправлениях Главсевморпути и в других организациях на местах нужно собрать все статистические данные по промыслу за последнее десятилетие, объединить их и учесть в работе.

¹ Раньше этот отдел был в Арктическом институте.

По опубликованным данным о заготовках песка за прошлые годы можно наметить следующие производственные центры промысла: Тобольский Север, Енисейский Север и Север Якутской АССР.

Необходимо продолжить в широком масштабе научную работу по мечению песцов. Уже первые результаты мечения песцов работниками Промыслово-биологического отдела Института полярного земледелия показывают, что песец мигрирует не меньше чем за 2000 км от места мечения. При массовом мечении песцов можно будет выяснить основные дороги их миграций и места концентраций, а путем сравнительного изучения мест нового обитания песцов и мест, откуда они мигрировали, мы сможем выявить причину этой миграции.

На материк нужно перенести технику кормушечно-ловушечного хозяйства, которая применялась на островах для голубых песцов. Этот опыт уже проводится у нас на Командорах и у американцев на Прибыловых островах. Необ-

**Сортировка шкур на пушном складе
Главсевморпути в Якутске**

Фото Е. Федотова

ходимо только отыскать базу для организации планомерной подкормки песка в местах обитания.

Американцы начали подкормку голу-

бых песцов тушками котиков в 1897 году. К 1907 году песцы стали привыкать кормиться в определенных местах. Это дало возможность применить кормушку-ловушку.

Эффективность подкормки в повышении производительности охотугодий и в улучшении промысла у промышленников не вызывает сомнения и уже в некоторых местах проводится.

Строительство кормушек-ловушек в первое время нужно практиковать как опыт — в небольшом количестве и в местах повышенной концентрации песка. Одна американская кормушка-ловушка может обслужить 200 песцов, радиус ее действия 5 км (на островах Прибылова плотность населения песцов доходила до 8 штук на гектар). После нескольких лет организованной подкормки мы сможем установить по нашему арктическому побережью и островам сеть кормушек-ловушек в наиболее населенных местах, поблизости от источников сырья для подкормки (оленоводство, рыбные и зверобойные промыслы, дичный промысел).

Зачатки звероводства у народов Севера были с древних времен, поэтому поставленное на научной основе звероводство быстро привьется среди местного населения в более широких масштабах.

Капитальные вложения в реконструкцию песцового промысла быстро дадут производственный эффект, а научная работа будет опираться на опыт большого коллектива производственников.

Б. БАКЛАНОВ

СОЗДАТЬ НОВЫЙ ТИП ПРОМЫСЛОВОГО РУЖЬЯ

Растущие запросы промыслового населения нашего Севера и стахановские методы работы настоятельно требуют перестройки охотничьего промысла, переоборудования промыслового вооружения (пасти, плашки и др.) и создания нового типа промыслового ружья.

Сейчас широко распространенными среди промышленников являются ружья следующих систем: одноствольное центрального боя — Джонсон, одноствольное шомпольное и мелкокалиберная винтовка ТОЗ.

Но все эти ружья не удовлетворяют промышленника.

Ружье Джонсон имеет следующие недостатки. При раннезимнем промысле (конец октября — начало декабря)

в годы хороших урожаев белки, когда дневной отстрел достигает до 30—70 белок на промышленника, это ружье его изнуряет. Чтобы добыть такое количество белок, нужно иметь 100—200 заряженных патронов, а так как столько патронов на промысле охотник носить не может, то ему приходится тратить дневное промысловое время на перезарядку выстреленных патронов. Это снижает добычу пушнины, темпы стахановского труда и уменьшает возможность большого заработка для промышленника.

Вечером, вернувшись с промысла, промышленник должен снять шкурки с добытых зверей и тратить много времени на зарядку патронов. На культурный отдых после тяжелого промысло-

вого дня и этой вечерней работы у промышленника не остается времени.

Одноствольное шомпольное ружье, кроме своей примитивности, также отнимает на зарядку большое количество времени от промыслового дня. Промышленники-стахановцы избегают им пользоваться.

Мелкокалиберная винтовка ТОЗ начинает широко внедряться в промысел, завоевав авторитет у промышленников своим калибром и наличием готовых заряженных патронов. Недостатками ее являются громоздкость и тяжелый вес. Эти винтовки хороши для стрельбы в тире, но из-за тяжести неудобны на промысле. Чтобы облегчить

ее вес, промышленники обстругивают ложе и стачивают ствол.

На многочисленных производственных совещаниях и стахановских слетах промышленники требуют новый вид ружья, который бы явился сочетанием дробового и пулевого.

Промысловое ружье должно быть двухствольным с вертикальным соединением стволов: верхний 24—28 калибра, гладкоствольный; нижний нарезной, мелкокалиберный. Вес его не должен превышать 2,5 кг.

Детальное устройство такого ружья зависит от конструктора, но выпуск его нужно ускорить, промышленники его ждут.

Е. БУРМАКИН

ГЫДАНСКИЕ РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Длина Гыданского залива до знака Минина — около 80 миль, ширина колеблется от 7 до 20 миль. Берега местами низменны, местами повышаются до 25 м. Глубины в заливе незначительны, убывая с севера на юг и от правого берега к левому. Цвет воды в южной части залива грязножелтый, мутный, в северной части становится более прозрачным и зеленоватым от примеси морской воды. Воды Гыданского залива слабо осолонены в северной части и почти пресны в южной. Температура воды повышается с севера на юг и во время максимума достигает 12,5°.

Замерзает залив (южная половина) иногда в последних числах сентября (1934 год), а чаще в октябре. Средняя толщина ледового покрова в заливе — 113—140 см. Южная половина залива освобождается ото льда в июле. Полное же освобождение всего залива и доступ в него с севера зависят от направления, силы и продолжительности ветров. Иногда доступ в залив открывается в середине июля, а в другие годы туда нельзя пробраться и во второй декаде августа. Замерзание крупных рек наблюдается между 28 сентября и 10 октября, а вскрытие их между 19 июня и 1 июля. Крупные озера замерзают и вскрываются, примерно, в те же сроки, что и залив в южной его половине.

Талые воды в этом районе питают бесчисленные ручейки, которые, сливаясь, образуют множество рек, впадающих в залив или в озера. Главные реки, впадающие в Гыданский залив, — Юрибей и Гыда (Хасейнто-се), — как и все тун-

дровые реки, в устьях мелководны; это препятствует заходу в них глубоко-сидящих судов.

Ветровые сгонно-нагонные и приливотливные течения сильно изменяют уровень воды в устьях рек, вследствие чего затрудняется работа даже мелкосидящих судов. При одновременном действии отлива и сгонного ветра нередко обширные предустьевые пространства сохнут, и вода заполняет лишь узкую борозду фарватера.

Селение Гыда является центральным хозяйственно-культурным и административным пунктом Гыданской тундры.

Местное население — ненцы — ловит рыбу малыми неводками (30—40 м) и частично ставными сетями.

После организации заготовительного пункта на Юрибее, а позже и на Гыде, приток ловцов-ненцев увеличился. Они формируются в сезонные рыболовецкие бригады, которые снабжаются Рыбпромом средствами производства — лодками, орудиями лова и спецодеждой. Кроме этой группы ловцов, занимающихся летом исключительно рыболовством, лов производится попутно каждой семьей оленевода малыми неводками и ставными сетями, но лишь для личного потребления. Лодками служат у них легкие долбленки — калданки, перевозимые на шартгах.

* * *

В бассейне Гыданского залива встречается 16 видов рыб, относящихся к 9 семействам. Наиболее богато представлено семейство лососевых — 8 видов.

Приведем краткую характеристику встречающихся здесь рыб.

Сибирский осетр ловится в заливе и некоторых реках, но в небольшом количестве, поэтому значения в промысле он не имеет. Обычно встречаются особи весом до 9 кг, а как исключение и до 16 кг.

Нельма имеет существенное значение в промысле. Из Гыданского залива и из опресненных частей Карского моря она проникает во все крупные реки, по которым поднимается до озер, расположенных в верховьях рек. В устьевую часть нельма поднимается ранее других рыб, обычно тотчас же после вскрытия рек. Максимальный ход наблюдается спустя одну-две пятидневки после его начала. Интенсивный скат нельмы в устья рек начинается с момента их замерзания и длится в течение одной-двух пятидневок. В заливе, у Черного мыса, лов покатной нельмы происходит в середине октября. Вес отдельных экземпляров нельмы доходит до 16,2 кг.

Ряпушка (или обская сельдь) является главным объектом промысла. Здесь наблюдаются два хода ряпушки из залива в реки: весенний и осенний. Первый происходит после вскрытия, второй — в сентябре. Весенние уловы ряпушки составляют 75% от ее годового улова. Зимой в южной половине залива ряпушка встречается повсеместно, но скоплений не образует. Нерестится она в октябре в реках и озерах подо льдом. Предельный вес ряпушки — 800 г.

Муксун занимает большое место в промысле. Он широко распространен в заливе, реках и озерах системы Гыданского бассейна. В заливе муксун встречается круглый год, а в реки входит в первой декаде после их вскрытия. Скат его происходит в течение двух первых декад после ледостава. Нерестится также в реках подо льдом в течение всего октября. Встречаются особи, достигающие 13,8 кг.

Щокур (или чир) почти никакого значения в промысле не имеет. Обитает он в озерах и реках. Встречаются особи от 5 до 12 кг.

Пыжьян (или сибирский сиг) занимает в промысле значительное место. Он широко распространен во всем бассейне. Подъем пыжьяна в реки происходит весной, но ход его разреженный. Интенсивно пыжьяна ловят летом в озерах и при подледном рыболовстве осенью — во время ската (с середины октября по конец ноября). Отдельными экземплярами пыжьяна ловят в реках всю зиму. Икру он мечет в октябре и ноябре в реках и озерах.

Сырок (или пелядь) в промысле имеет небольшое значение. Отдельные

экземпляры его добываются в реках, а в небольших озерах он является почти основной рыбой. Нерестится в озерах в первой половине декабря.

Омуль в северной части залива является объектом промысла, а в южной части и в устьях рек встречается редко.

Голец встречается повсеместно, преимущественно же в озерах, но в промысле он почти никакого значения не имеет. В озерах он, очевидно, проводит зиму и нерестует. Голец достигает веса в 3125 г.

Хариус добывается в незначительном количестве. Распространен он в небольших реках и озерах. Нерестится в конце июня—начале июля.

Азиатская корюшка (зубатка, огуречник) попадает в небольшом количестве, поэтому значения в промысле не имеет. В заливе зимой встречается повсеместно, но разреженно. Весной заходит в реки, где обнаружены половозрелые особи, в конце мая — начале июня.

Щука имеет ничтожное значение в промысле, встречаясь преимущественно в озерах и редко в реках.

Ерш встречается редко (в реках) и значения в промысле не имеет.

Ледовитоморская рогатка (четырёхрогий бычок) промыслового значения не имеет. В заливе распространена повсеместно, но разреженно. Изредка заходит в устья рек южной половины залива.

Девятиглая колюшка — не промысловая рыба. Встречается в озерах, из которых выходит в реки.

Налим имеет существенное значение в промысле. Максимальный ход налима в устьях рек наблюдается в первой пятидневке по вскрытии рек, после чего он добывается в меньшем количестве еще две пятидневки. Лов покатного налима производится также в устьях рек в октябре. Вес наибольших пойманных здесь экземпляров — 11,25 кг.

В уловах среди всех видов рыб, встречающихся в бассейне Гыданского залива, попадают «перестарки». Это свидетельствует о том, что рыбные запасы здесь не доиспользованы, так как интенсивный вылов только еще начинается.

Соотношение пород в годовом вылове (1936 год) таково (в процентах):

Ряпушка	47,5
Налим	15,6
Муксун	11,2
Нельма	10,1
Пыжьян	8,8
Сырок	4,1
Щокур	0,6
Щука	0,4
Мелочь белой рыбы	1,7

В Гыданском рыбном промысле можно наметить пять сезонов: 1) весенний — конец июня и часть июля; 2) летний — конец июля, август и начало сентября; 3) осенний — почти весь сентябрь и иногда начало октября; 4) осенне-подледный — октябрь и ноябрь; 5) зимний — остальное время года.

В весенний сезон промысел производится на стрелневых лесках, в низовьях рек, тягловыми неводами. Ловят рыбу, поднимающуюся во внутренние водоемы. На озерах в это же время весьма интенсивно ловят в заберегах озерными неводами и ставными сетями.

Широко нужно применять лов ставными и плавными сетями.

Летом в озерах нагуливающуюся рыбу ловят неводами и немного ставными сетями. Последний способ лова должен быть расширен.

Осенью часть рыбаков возвращается в низовья рек для лова стрелневыми неводами ряпушки, а остальные продолжают ловить рыбу в озерах сетями и малыми неводами. Осенью целесообразно применять ставные невода.

Во время осенне-подледного сезона,

то есть тотчас же после образования ледового покрова, лов концентрируется в низовьях рек, где промыщляют покатную рыбу ставными сетями. Целесообразнее применять здесь запорные невода с учетом ограничений, устанавливаемых правилами регулирования рыболовства.

С конца ноября, после прекращения ската рыб, промысел в реках прекращается, а на крупных озерах продолжается всю зиму, но охватывает лишь небольшой процент ловцов.

Наибольшее количество рыбы добывается весной, значительно меньше — при осенне-подледном промысле. Остальные сезоны дают мало рыбы. Обычно в это время ловят лишь в тех угодьях, которые находятся по соседству с зимовками, что вызывается недостаточной обеспеченностью транспортом, промысловыми избушками, приемными пунктами, спецодеждой и орудиями лова (объясняющими).

Необходимо усилить лов в эти сезоны, введя в эксплуатацию такие угодья, где в это время возможно рыболовство, снабдив ловцов транспортом, орудиями лова, спецодеждой и т. п.

Отдых на охоте

Фото Е. Федотова

На Гыданских промыслах за последние годы наблюдается значительное увеличение годового вылова рыбы, которое происходит за счет увеличения числа ловцов.

* * *

В 1937 году организовано два простейших производственных объединения по совместному вылову рыбы и выпасу оленей. Коллектив «Новая Заря» в Гыде объединяет 25 хозяйств, в Юрибее «имени 20 Октября» — 35 хозяйств. Отказ от завозной рабочей силы даст экономию в балансе хозяйства и будет стимулировать культурно-хозяйственное укрепление ненецкого населения. Бригады ненцев, возглавляемые наиболее культурными бригадирами, работали не хуже, а в 1937 году даже лучше, чем привозные ловцы. Так, в Гыдинском рыболовном участке бригада Матко Яптуная к концу весенне-летней путины стояла на третьем месте среди всех бригад, а на Юрибейском участке бригада Ямбое Салиндера оказалась на первом месте. В среднем за тот же период на обоих участках на 1 приезжего ловца приходилось 1456 кг, а на 1 ненца 1546 кг рыбы, то есть 106%. Ненцы лучше знают угодия, и среди них нет текучести. Нужно снабдить ненцев-ловцов всем необходимым и подготовить кадры инструкторов для их обучения.

Конечно, сразу полностью отказаться от завоза ловцов нецелесообразно, нужно завоз сильно сократить и использовать

приезжих для испытания новых орудий лова и проведения промысловой разведки в новых или малоосвоенных угодиях.

Необходимо максимально увеличить рыбопромысловый флот, приспособленный к местным условиям. Существующий флот очень малочислен и не может обслужить всех угодий. Кроме того, он непригоден для работы в морских условиях (на заливе) и для плавания в мелких реках.

На всех угодиях, удаленных от зимовок, необходимо выстроить промысловые избушки. Все прочие угодия должны быть обеспечены переносными жилищами летнего и зимнего типов.

На всех угодиях, суточная производительность которых превышает 5 центнеров, должна производиться приемка рыбы.

Зимний промысел должен быть усилен. Для этого необходимо увеличить поголовье ездовых собак и создать специальное стадо оленей для дальних переездов и грузоперевозок. Желательно применение вездехода.

Для грузоперевозок можно также использовать ветер, при помощи парусных нарт или буера.

Долбление прорубей ручным способом должно быть заменено механическими сверлами.

Необходимо приспособить орудия лова к условиям водоемов. Ввести механизацию в добывающий промысел и в первую очередь механизировать вонзевые пески.

С. НАГОРНЫЙ

СТОЙКОСТЬ, СМЕЛОСТЬ, НАСТОЙЧИВОСТЬ...

Ивану Дмитриевичу Папанину сорок три года. Он родился в Севастополе в семье матроса. Дед его также был моряком. И город весь, в котором провел он детство и юность, был с синим морем в каждом окошке, за каждым поворотом.

Проучившись четыре года в начальной школе, пройдя ученичество на заводе, поработав токарем, Папанин сделался моряком.

Жизнь его полна волнующих приключений. Он воевал с Корниловым и Калединым, громил белогвардейские отряды с площадки бронепоезда, был разведчиком, подрывником. За боевые заслуги награжден орденом Красного знамени. Гражданская война окончилась. Десять лет Иван Дмитриевич работал в различных советских учреждениях.

... В 1931 году на ледоколе „Малыгин“ Папанин попал на Землю Франца-Иосифа. Здесь Иван Дмитриевич впервые вдохнул воздух Арктики. Он увидел пустынный край, неисследованные острова, неизученную природу, неиспользованные богатства, льды, считавшиеся неприступными; он увидел огромную страну, которую предстояло осваивать. Папанин решил, что его место здесь.

В следующем, 1932 году Папанин — на зимовке в бухте Тихой. Это был его первый опыт, но уже здесь проявлялись особенности характера будущего начальника станции „Северный полюс“. Папанин не знал отдыха, вечно озабоченный строительными, научными и хозяйственными проектами. Сначала возвели дома, потом налаживали оборудование, усиливали радиостанцию, ставили ветродвигатель.

Зимовщики часто ездили в санные экспедиции. Архипелаг Франца-Иосифа широко раскинул десятки своих островков. Исследовать геологическую структуру этих скал, облитых вечным льдом, измерить глубину причудливо извивающихся проливов, исправить карту, составить таблицы наблюдений за ветром, за магнетизмом, „прощупать“ небо над этой страной, следить, как бушуют в нем электрические бури... Что может быть увлекательнее этой работы? Начальник станции занимался наукой, воспитанием своих товарищей, иногда — приготовлением пищи, всегда — хозяйством, наряду со всеми — физической работой. Зимовка в бухте Тихой была признана образцовой.

Следующая зимовка была на мысе Челюскина, на стыке восточной и западной Арктики. Здесь продолжалось то же, что и в Тихой, только масштаб вырос, — больше людей, больше построек, длиннее и чаще санные походы, шире научная работа. У начальника станции был уже арктический опыт. Работа спорилась.

В последующие годы не было в нашей стране человека, который бы не следил за тем, как подготовлял и осуществлял Папанин свою третью зимовку — на станции „Северный полюс“.

Стойкость

Четырнадцатилетним мальчиком поступил Ваня Папанин в Севастополе на завод. Здесь он прошел через жестокое испытание. Это было испытание характера. По обычаю мастеровые подшучивали над новенькими. Однажды произошел такой случай.

— Ваня, подай-ка вон те заклепки!

Ваня не заставил себя ждать, бросился в угол, схватил... Но заклепки были раскаленные, их только что вынули из горна, и они лишь сверху покрылись серой пленкой. Человек пять смотрели и ждали, что станет делать паренек, не брызнут ли у него слезы. Руку сильно ожгло, но он закусил губу, побледнел, а заклепок не бросил, принес, положил их на верстак. Руку сунул в карман, стоял, как будто ничего не случилось.

Прошли годы, мальчуган стал мужчиной. Но человек не растерял, а укрепил свою стойкость.

... Однажды на льдине был случай, который мог стоить жизни Ивану Папанину и Эрнсту Кренкелю.

Над палаткой ревели пурга. Бешеный ветер разметал спутанные космы снега, он бил по лицу, сваливал с ног. Льды скрипели, шуршали, ломались. Тревожные мысли закрадывались в сознание людей. Все казалось зыбким, неустойчивым в такую ночь. Папанин и Кренкель отправились на разведку. Они пошли обследовать границы своего пловучего острова. Шторм разгулялся со всей своей страшной и сокрушительной силой.

И. Д. Папанин с собакой „Веселым“ на льдине

Работа у гидрологической лебедки на станции „Северный полюс“

Льдины единоборствовали, напирала одна на другую, становились торчком и медленно, прижатые другими, уходили в воду. Но большая льдина выносила натиск. На ее краях образовывался постепенно вал мелкобитых осколков. Это торошение для лагеря было не опасным. Папанин и Кренкель повернули назад, домой. Непроглядная темь навалилась на них. Они шли, ориентируясь по ветру, который дул теперь прямо в лицо. Свет электрических фонарей терялся во мраке уже на расстоянии одного шага. Вьюга свистела, визжала, гудела на тысячи голосов, но все перекрывал гул ломающихся льдин.

Зимовщики сбились с пути. Проваливаясь по пояс в снег, скользя и натыкаясь на ропаки, они брели уже давно, а палатки все не было видно. Казалось, они идут по незнакомым местам. Заблудились...

Ноги отказывались двигаться. Глаза болели, ветер хлестал по лицу, через крутые торосы было все труднее переползать. Они не знали, сколько уже прошли, сколько часов бродили в этом хаотическом царстве мрака и мокрого ветра.

Потом Папанин рассказывал:

— Тут нам стало скучновато...

Но надо было искать, итти, ни в коем случае нельзя было остановиться. Папанин в эти часы находил в себе силы для шуток. Он подсмеивался над собой, над Кренкем, острил по поводу погоды, дороги, темноты. А когда наткнулся на что-то твердое под ногами и разглядел, что это—обломок доски, то весело воскликнул:

— Эрнст, в этих широтах уже побывал человек!.. Палатка должна быть близко.

Через несколько минут они были дома.

Бодрость духа никогда не оставляет Ивана Дмитриевича Папанина. В течение девяти месяцев мы почти ежедневно читали радиogramмы со станции „Северный полюс“. Это были сообщения краткие, точные и всегда оптимистические. Ни одной усталой ноты, ни тени уныния, никаких жалоб, ничего похожего на сомнение. Обычные концовки, после координатов и состояния погоды: все в порядке, все здоровы...

В самые трудные дни, когда льдину прижимало к Гренландскому берегу, когда ее ломал шторм, когда она стала так мала, что пришлось антенну ставить углом, — даже в эти дни начальник зимовки Папанин сообщал: все в порядке...

И, как всегда, была забота лишь о том, чтобы родные, друзья, товарищи не вообразили себе чего-нибудь особенного, страшного, опасного. Третьего февраля мы читаем в дневнике Папанина:

„Послали телеграммы семьям, чтобы родные не беспокоились, а то они еще, чего доброго, начнут думать, что мы здесь погибаем...“

А между тем, в этом же дневнике мы находим строки, которые говорят, что Папанин ясно видел угрожающую им опасность. Это был дневник для себя, в него заносились те мысли, которыми он, быть может, не делился даже с товарищами по зимовке. Однажды он записал:

„С тревогой смотрю на льдину. Живем мы как на бочке с порохом. Сегодня или завтра может произойти сжатие льдов, наше ледяное поле лопнет, перевернется...“

Четверо зимовщиков неустанно трудились, спеша использовать каждый час для научных наблюдений. Папанину же приходилось нести большую часть тяжести хозяйственных забот. Двенадцатого июля он занес в дневник:

„Я так сильно измотался и устал, что не смог вчера даже сделать запись в дневнике...“

В другом месте читаем:

„У меня сильно болят руки. Несколько дней назад носил большой лопатой снег для засыпки палатки, но брал слишком много...“

Среди записей о погоде, научной работе, о хозяйственных делах встречается иногда и такое:

„... после ночной работы с мотором разболелось сердце, ночью плохо себя чувствовал...“

Папанин болел, переутомлялся, видел реальную опасность, подстерегавшую их каждый день, но слышал ли кто-нибудь от Ивана Дмитриевича жалобы на усталость или недомогание?

Восьмого августа в папанинском дневнике сделана такая запись:

„Я очень плохо себя чувствую. Тошнота, течет слюна, голова по утрам словно оловянная. Стараюсь не подавать товарищам вида...“

Он не терял присутствия духа никогда. Его бодрость не сдавалась ни перед чем. „У меня, Эрнста и Петра Петровича, — писал он первого сентября, — болят суставы рук... Настроение у всех хорошее“.

Смелость

В 1919 году Папанин служил в Заднепровской бригаде бронепоездов. Однажды к станции Знаменка подходил штабной эшелон бригады. В эшелоне было командование бригады, штабные документы, шифры и несколько вагонов со снарядами и патронами. Все это охранялось командой, состоящей из двадцати — тридцати матросов.

Об этом составе белые распустили слух, что он нагружен золотом и бриллиантами. На него охотились. Шкуровские банды мечтали захватить вагоны с матросским „богатством“. К Знаменке одновременно с эшелонам подошли конные казаки. Они уже охватили станцию кольцом пулеметов и стрелков. Казалось, все погибло, выхода нет...

Но еще на ходу выскакивали матросы штабной команды на стационарные пути. Их выводил Иван Папанин. Нужно было взять напором, безумной храбростью, иначе — разгром эшелона, плен и жестокая смерть. Папанин начал громким голосом отдавать приказания. Он командовал так, словно в его распоряжении, по меньшей мере, полк, а не горстка бойцов. Застрекотал ручной пулемет. Рывнула граната. Это было сделано мгновенно и с такой уверенностью в превосходстве своих сил, что шкуровцы не выдержали, вскочили на коней и умчались.

... Как-то августовской ночью 1920 года из Новороссийского порта вышел маленький катер „Витязь“. Ему предстоял длинный поход — 360 миль. Между тем, суденышко было перегружено: вода даже в тихую погоду подходила под самую палубу, а в шторм она бы ее накрыла обязательно. На катере не было никаких штурманских приборов, только карта, да и та не морская, а взятая чуть ли не из школьного учебника географии. Был еще компас, но он работал неисправно. А самое главное — надо было прорваться сквозь цепь заградительных белогвардейских судов.

Катер вез людей, оружие и деньги для того, чтобы создать в Крыму в тылу Врангеля повстанческую армию, и вел его Иван Дмитриевич Папанин. Была минута, когда казалось, что все уже потеряно. Разразился шторм, волны свободно гуляли по маленькой палубе катера. В это время из Керченского залива навстречу катеру вышел дозорный корабль. Он мог в три минуты из пушки расстрелять утлое суденышко. Люди мысленно уже прощались с жизнью. Уйти от гибели катер не мог. Секунды бежали...

И Папанин приказал готовиться к атаке. На мачту взлетел красный флаг. „Витязь“ сделал поворот. Он полным ходом шел на противника, вдесятеро более сильного. Матросы схватились за гранаты и маузеры. Команда готовилась взять белое судно на abordаж, иначе говоря — умереть в бою.

Но произошло чудо — победила смелость. Сторожевое судно повернулось кормой, убежало... Должно быть там решили, что катер вооружен торпедами.

Этот эпизод перекликается с другим, происшедшим через двенадцать лет на противоположном краю земли, на острове Мей Земли Франца-Иосифа.

Как-то Папанин был в экспедиции с ученым Шольцем. Они остановились на ночлег; поставили палатку, стали варить обед. Свежий ветер разнес вкусный запах пищи, как говорил Папанин, „по всему архипелагу“. На этот запах, когда путешественники уже спали, пришел медведь. Он подкрался так незаметно, что даже сторожевая собака увидела незваного гостя лишь тогда, когда он наступил на нее лапой. Собака завизжала, и путешественники проснулись. Перед палаткой ходил медведь. Винтовки были оставлены у входа в палатку, снаружи. Медведь обнюхивал человеческое жилье. Через минуту он заглянет в палатку...

— Давайте крикнем, — шепнул Папанин.

Они завопили что есть силы. Медведь испугался и отпрянул на несколько шагов от палатки. Этим воспользовался Папанин. Мгновенно

он выскочил наружу, схватил ружье и одной пулей, в упор, убил медведя. Гость оказался гигантом, почти на полтонны...

... Когда в партизанской армии Крыма иссякли деньги, которые нужны были, чтобы скупать у белых оружие, возникла необходимость связаться с центром. Это задание командование дало Папанину.

Однажды ночью от крымского берега отходило в море маленькое судно. Оно принадлежало туркам-контрабандистам. Без особого труда обманув белогвардейскую охрану, шхуна вышла в море. Трюм ее был набит мешками с мукой. А в одном мешке лежал Иван Дмитриевич Папанин. Турки взялись доставить его в Трапезунд. Оттуда он должен был любыми путями добраться до Советской земли.

В открытом море, когда Папанин был уже на палубе, его обступила команда... Они сговаривались между собой, и Папанину нетрудно было догадаться, что речь идет о нем, о его жизни. Контрабандисты задумали отобрать у своего пассажира одежду, деньги и оружие, а его убить. У Папанина был револьвер, он решил без драки не сдаваться, хотя понимал безнадежность своего положения.

Но ему повезло. На шхуне закапризничал мотор. Свежий ветер трепал суденышко. Турки пришли в отчаяние. Капитан подвел Папанина к машине: исправляй, мол. Иван Дмитриевич принялся за дело, мотор заработал, а там показались и берега.

Но шхуна пришла вместо Трапезунда в Синоп. Папанин вышел на берег, забрался в укромное место, обмазал лицо, шею и руки грязью, превратил одежду в лохмотья и двинулся пешком к Трапезунду. Он изображал дервиша — нищенствующего монаха, к тому же глухонемого. Он голодал, мерз по ночам. Но он шел к цели неуклонно. Вокруг ноги, под коленом, у него были забинтованы донесения партизанской армии, секретные документы.

Он шел двадцать один день, ежеминутно подвергаясь опасности быть узнанным, задержанным и убитым. За три недели он добрался до Трапезунда, а отсюда уже на катере отплыл в Новороссийск. Штормом катер загнало в Гагры, где были белые. Они открыли пулеметный огонь. Капитан катера бросил управление, спрятался в трюм. За штурвал стал Папанин и, решительно повернув, вывел катер в открытое море, навстречу шторму...

Он добрался до Новороссийска и здесь доложил товарищу Фрунзе об обстановке в Крыму и передал все бумаги.

Настойчивость

Неутомимый труженик, он принадлежит к людям, которые, поставив перед собой цель, идут к ней с железным упорством, преодолевая все препятствия. Когда в 1936 году нужно было построить на острове Рудольфа базу для будущей экспедиции на полюс, во главе этого предприятия стал Папанин. Ледокольный пароход „Русанов“ бился во льдах, с огромными усилиями пробиваясь к острову. Север Баренцева моря в том году был плотно забит льдами. Несколько раз „Русанова“ отбрасывало ледовым дрейфом назад к югу. Приходилось отступать, обходить сплоченные ледяные поля, искать проходы. Два раза „Русанов“ был в виду острова, но береговой припай не давал приблизиться к месту высадки.

А в это время в Москве тревожились об исходе плавания „Русанова“. Многие высказывали мнение, что Папанину не удастся подойти к Ру-

дольфу и построить на нем базу. Это значило: экспедиция на полюс откладывается на неопределенный срок. Тревожились Шмидт, Водопьянов, Шевелев, Молоков.

„Огромной радостью,— вспоминал впоследствии Михаил Водопьянов,— явилась для нас радиограмма Папанина с острова Рудольфа: „Основную базу создаю на Рудольфе и только на Рудольфе. Разгрузка идет полным ходом, несмотря на то, что находимся в четырех километрах от берега. Через два дня закончу всю выгрузку. Приступаю к строительству дома и радиостанции. В случае, если я вмерзну у Рудольфа со вторым рейсом, база все же будет сосредоточена на Рудольфе. Дело не пострадает. За базу не беспокойтесь. Принимаем все меры. Кровь спустим с себя, не жалея. Работа идет полным ходом“.

Папанин воодушевил людей на упорный, героический труд. По ледовым полям, среди торосистых нагромождений, через трещины была проложена дорога для тракторов. Все грузы были доставлены на берег в небывало короткий срок. Затем начали возводить постройки. Папанин не спал несколько ночей, сам таскал тяжести, грузил, строил... Он обещал поставить на Рудольфе базу, и наперекор всему база была создана.

... Таким же он был и тогда, когда налаживал отправку десанта из Новороссийска в Крым. Для того, чтобы перебросить в тыл белых оружие, деньги и людей, нужен был катер. Папанин рыскал в порту, среди кладбища вышедших из строя кораблей. Здесь он нашел катерок, который дожидался своей участи—слома. „Витязь“ стоял у стенки, дырявый, проржавленный, с мертвой машиной. Инженеры, запрошенные Папаниным, ответили, что нет смысла возиться с такой завалью. В крайнем случае, конечно, отремонтировать можно, но для этого нужен, по крайней мере, месяц. Папанин нашел верных людей, сам скинул бушлат и полез в машину. Через сорок восемь часов катер был готов к плаванию.

... В дневнике, который вел на полюсе Иван Дмитриевич, читатель находит проявление этого же свойства его характера—упорства, настойчивости.

**И. Д. Папанин
катается на
байдарке
в разводьях
около станции
„Северный
полюс“**

„Снова завывала пурга, — писал Папанин двадцать четвертого июля. — Базы и палатку засыпало снегом. На дворе невозможно работать. Женя начал преподавать мне и Эрнсту метеорологию. Эрнсту она дается легче, потому что этим делом он уже занимался самостоятельно. Я стараюсь не отставать“.

Таков он всегда: через любые препятствия упорно — к цели!

Инициатива

Вот два эпизода, между которыми — пятнадцать лет.

В городе Николаеве был размещен в 1920 году штаб командующего морскими силами Юго-Западного фронта. Здесь, в оперативном отделе, в должности комиссара работал Папанин.

В Крыму, на полуострове, отгородившись линией железобетонных укреплений, отсиживались белые. У Красной армии не было еще свободных сил для сокрушающего удара по Перекопу. Папанин сидел в штабе ночами, зарываясь с головой в карты, сводки и донесения. Он искал дело по плечу, подстать своим силам, уму, характеру. Он нашел, и оказалось, что найденное им дело необходимо революции.

Он посвятил в свой план двух товарищей. Взвесив все, братки пошли к прямому проводу и вызвали Москву, Кремль, Ленина. Иван Дмитриевич Папанин сообщил Ленину смелый план. Все было построено на риске, решала исход отвага, очень многое зависело от удачи, от случая. Но дело стоило этого. Ленин утвердил план, предложенный Папаниным. Вскоре в Крыму начали взлетать на воздух мосты, пропадать обозы, бесследно исчезать целые воинские подразделения. Это действовала молодая повстанческая армия...

На мысе Челюскина, далеко от Николаева, на берегу другого моря, ходил как-то Папанин, поглядывая на льды, которые мощно и неутомимо гнало морское течение. Уже вторую зимовку проводил Папанин в Арктике. Он полюбил северную природу, привык к этой зиме с ее вечными сумерками, научился коротать долгие месяцы за работой, которая отгоняет всякую скуку. Он приобрел большой опыт полярника и навыки, без которых человек бессилен перед суровой арктической природой. Он узнал Арктику с ее богатствами и простором, с тяжелым трудом ее пионеров, с радостью, которую приносит работа в этом необжитом краю.

Папанин шел вдоль берега. Льдины скрипели, трескали, перемещались, обгоняя одна другую. Папанин следил за этой борьбой ледяных полей. Он заметил одну льдину, которая была шире и толще других. Мощно подвигалась она вперед, расталкивая соседей тяжелыми боками. На несколько метров она уходила вглубь, на поверхности была гладкой. Казалось, ничто не сломит ее, сколько бы она ни плыла. Это был настоящий ледяной остров. Папанин любовался льдиной, и невольно его мысли о работе в Арктике слились с впечатлением от могучего ледяного поля, проплывавшего перед ним.

— Вот бы построить на эдакой льдине домик! — вскричал он. — Плыви тогда, сколько хочешь.

Так родилась идея дрейфующей полярной станции. Через несколько месяцев в Москве Иван Дмитриевич просил товарища Шмидта:

— Отто Юльевич, не назначайте меня на строительство, а пошлите на полюс, на дрейфующую станцию!..

Его инициатива совпала с давно бродившей среди полярников идеей, которая волновала еще Фритиофа Нансена.

Ненависть и любовь

И то и другое чувство проявляются в нем с одинаковой силой.

Рабочий, большевик, он жестоко ненавидит паразитов, шкурников, эксплуататоров, всех врагов революции и рабочего класса.

Боец, отважный исследователь тайн природы — он нежно любит своих товарищей, соратников по труду и борьбе.

Мы видим его в 1917 году, в Крыму, обыскивающим дворцы и виллы княжеских, великокняжеских и царских фамилий. Он беспощаден. С уверенностью в правоте своего дела, он уничтожает эти гнезда родовитых бездельников и палачей.

Мы видим его в Севастополе в трудные дни восемнадцатого года, когда со всех сторон сжимали революцию полчища германских, белоказацких и других душителей свободы. Буржуазия нагнала в Севастополе с каждым часом. Открыто радуясь бедам молодой власти рабочих и крестьян, она выступала с издевательскими провокациями, где только могла вредила и саботировала. Нужно было крепко ударить по врагам народа, заставить их трепетать перед молодым советским государством. Матросы в Севастополе сделали это сурово, решительно и беспощадно. Среди них был Папанин.

Девятнадцатый год. Эшелон красных бойцов движется по Украине на север. На одной станции Папанин ловит стрелочника на том, что он перевел стрелки не туда, куда надо было, а в противоположную сторону, на юг, где — неизбежное окружение и гибель. Несколько вопросов, и Папанин выясняет, что это вовсе не стрелочник, а переодетый белогвардейский офицер. Матросы расстреляли белобандита на месте.

Папанин умеет ненавидеть, быть безжалостным к врагам, но он умеет быть любящим товарищем, нежным другом.

Вот что писал о нем Эрнст Кренкель:

„Что он еще умеет делать? Не терять бодрости в самой сложной обстановке. Чинить все — от бронепоездов до примусных горелок. Но основное умение — это подавать блестящий пример в работе и увлекать своим энтузиазмом людей. Не щадя себя, он удивительно бережет и заботится о вверенных ему людях. Иногда просыпаешься — это Папанин поправляет твой сбившийся мешок...“

Преданность

Когда-то люди уходили на дальний Север, порывая связь с материком на все время плавания. На родине узнавали о том, какие невзгоды пережили путешественники, лишь тогда, когда в порт, благополучно вернувшись, входило судно экспедиции. О тех, кто погибал, приходили вести через много лет — моряки привозили обломки корабля, какой-нибудь буй с запиской, обрывки полуистлевшей одежды или дневники.

Потом было изобретено радио. Связь с Большой землей стала непрерывной. О бедствиях и удачах соотечественники стали узнавать почти мгновенно.

Но радиосвязь — это только техника. Одиночество человека, забредшего в далекие пустынные края ради науки, не было разрушено применением радиосвязи. Сотни тысяч страниц написаны в буржуазной литературе об одиночестве героев — путешественников, исследователей, ученых. Разве не был одинок Амундсен? И даже

Стефанссон, когда он на долгие годы уходил в Арктику? Равнодушием общества создавался этот трагический тип героев-одиночек.

Иной характер связи между страной и ее разведчиками в далеких краях нужен был для того, чтобы появился новый тип героя. Это — нечто более мощное, чем радиоволны, более постоянное, теплое и братское, невидимое, но осязаемое. Это то, что преодолевает любые пространства, летит через моря и материки, вселяет в человека новую бодрость и надежду, делает его смелым, гордым, сильным и стойким.

Эти волны не имеют физических свойств, но они не дают человеку почувствовать самое страшное — одиночество. Родина посылает их своим сыновьям могучим широким потоком. Это волны любви, заботы и нежности. Их излучает народ.

Полярные разведчики социалистической родины, папанинцы, ни на минуту не чувствовали одиночества. Родина послала их на полюс, и они знали, что родина их не забыла, следит за их трудом, гордится ими. И они всегда жили одной жизнью со своим народом.

В тех скупых, кратких строчках папанинского дневника, который был опубликован после снятия четверки отважных, проявилась самая беззаветная преданность родине и готовность жертвовать для нее всем.

Все, самые тяжкие бедствия прежде всего рассматривал Папанин с одной точки зрения: не мешает ли это работе? Не рекордсменство, не погоня за славой привели его на полюс. Он высадился на льдину, чтобы проделать работу, необходимую людям, родине. Двадцать четвертого января, с чувством досады, он отметил в своей тетради: „нашу льдину все время толкает. Становится трудно работать“.

Пока можно работать — все в порядке. Если нельзя работать — нечего и сидеть на льдине. Личные удобства, безопасность — это второстепенное.

Папанин не обманывал себя насчет степени риска всего предприятия — дрейфа на льдине. Мы видели по его дневнику, что он вполне сознавал реальность опасности. Он сознавал, но не страшился.

Что же составляло предмет главной заботы Ивана Дмитриевича за девять месяцев дрейфа, а особенно за последнее время, когда опасность нарастала с каждой милей движения на юг?

Это — то, для чего шли на Север ледоколы, летели самолеты, трудились люди, расходовались средства. Это — то, что дорого всему человечеству, потому что обогащает науку, увеличивает наше знание природы. Это — материалы наблюдений станции „Северный полюс“, записи о погоде, о ветре, об атмосферном электричестве, о течении вод и движении льдов, о глубинах океанов, о составе льда и воды. Это — добыча, за которой безуспешно охотились лучшие люди нескольких поколений, то, что большевики вырвали из тайника природы — научные результаты девятимесячного дрейфа советской зимовки.

Вот о чем заботился Иван Дмитриевич в первую голову. И потому, сознавая, что „сегодня или завтра может произойти сжатие льдов, наше ледяное поле лопнет, перевернется“, — он совместно с товарищами решил каждый месяц передавать по радио добытые научные сведения. Так он и записал: „Решили каждый месяц сообщать в Москву научные итоги на тот случай, если что-либо с нами произойдет“.

Наблюдая, как бушуют стихии Ледовитого океана, легко разламывающие тысячетонные глыбы льда, он говорил: „не страшно: многое из того, что нами сделано, известно уже в Москве. Труды наши не пропадут зря“.

Тридцать первого октября он записал в свой дневник такие слова: „Готов умереть за родину“.

Мы видим, что этот человек доказал свои слова на деле. Его смелость — это не ослепление, не самообман. Это прежде всего — сознание. Его смелость, стойкость, ненависть к врагам, готовность на риск и настойчивость, преодолевающая все препятствия, это прежде всего — преданность.

Преданность своему народу, партии, социализму, великому Сталину.

ПАПАНИНЦЫ

(Из воспоминаний о совместной работе)

Папанин и Федоров

В 1932 году проводился Второй международный полярный год. Ряд стран собирался проводить усиленные научные работы в Арктике, но экономический кризис заставил капиталистические страны значительно свернуть предполагавшиеся работы. Зато Советский Союз развернул эти работы в невиданных до того размерах.

Это было годом исторического похода „Сибирякова“ и сбора богатейшего научного материала на наших полярных станциях. Особенно широко поставлены были работы в бухте Тихой. Весь комплекс этих работ (магнитология, атмосферное электричество, радиоволны, радиоактивность, актинометрия, аэрология, метеорология, биология) можно было провести только на хорошо оборудованной полярной станции, которая стояла бы на уровне крупных обсерваторий Большой земли. Поэтому в Тихой в этом году проводилось большое строительство (жилой дом, механическая мастерская, ангар, склады, ряд научных павильонов) и завозилось научное оборудование.

В мае 1932 года группа научных сотрудников Главной геофизической обсерватории была направлена Арктическим институтом в распоряжение нового начальника полярной станции в бухте Тихой — Ивана Дмитриевича Папанина. В нашей группе был и Евгений Федоров, только что окончивший государственный Ленинградский университет. Почти все мы впервые ехали в Арктику, были мало между собою знакомы. Объединяло нас только стремление как можно лучше выполнить порученную работу.

Наши представления об Арктике были смутные, а одни добрые намерения далеко еще не определяли успешного исхода зимовки. Зимовщики, в большинстве научные работники, прежде чем приступить к серьезной научной работе, должны были сами создать хорошие условия для работы, то есть быть грузчиками, строителями, чернорабочими. Роль начальника станции, показывающего своим примером образцы работы, была здесь очень важной и ответственной. Папанин, также впервые приехавший на зимовку, быстро завоевал симпатию и уважение у всего коллектива своей кипучей энергией, правильным подходом к делу, живым и теплым вниманием к нам и к нашей работе.

Незаметно пролетели шестнадцать месяцев зимовки. Жили все исключительно дружно, работали плодотворно.

О совместной работе с товарищами Папаниным и Федоровым можно было бы написать много, но я ограничусь лишь отдельными эпизодами.

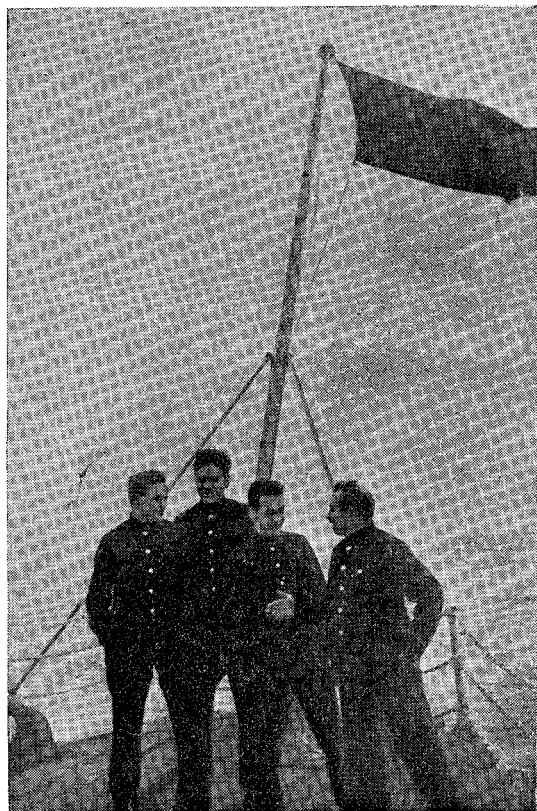
В первоначальном плане научных работ нашей станции отсутствовало изучение распространения радиоволн. Папанин учел этот серьезный пробел в общей комплексной работе и, списавшись с Исследовательским институтом связи, вовлек своим энтузиазмом одного из крупнейших специалистов в этой области—инженера Архангельского, добился ассигнования на эту работу средств, а также согласия от наркомата отпустить т. Архангельского на зимовку. Это происходило в период большой загруженности Папанина, когда он занимался подготовкой к зимовке, налаживая снабжение ее продуктами, оборудованием, стройматериалами и различными мелочами, столь необходимыми на зимовке. За все время, проведенное в Тихой, мы ни разу не сталкивались с отсутствием чего-либо необходимого.

Для работы Архангельского на зимовке требовалось довольно большое рабочее помещение, чтобы установить в нем всю многочисленную ценную аппаратуру. В условиях Арктики можно было, конечно,

потесниться, сгруппировав несколько лабораторий в одном помещении, но это было не в стиле Ивана Дмитриевича, который, предъявляя большие требования, всегда старался создавать нам лучшие условия для работы. И вот, к нашему изумлению, из неизвестно откуда взявшихся ресурсов площадь привезенного стандартного дома увеличивается на шестьдесят квадратных метров! Для Архангельского устраивается большая лаборатория, комната для фоторегистрации и жилая комната. По качеству это „непредусмотренное“ помещение оказалось даже удобнее и лучше основного.

Изучение распространения радиоволн в Арктике оказалось весьма ценным в научном и практическом отношении. В дальнейшем оно было закреплено в бухте Тихой и продолжалось из года в год. В 1937 году профессор Архангельский с двумя помощниками вновь приехал зимовать в бухту Тихую.

Но большой план научных работ станции не удовлетво-

Героическая четверка на борту ледокола „Ермак“

рил Ивана Дмитриевича. Возможности расширения плана он усмотрел в экспедиционной работе, которую по плану должны были проводить только биологи. Папанин горячо поддержал инициативу Евгения Федорова, предложившего провести магнитные и астрономические работы на архипелаге Земли Франца-Иосифа. Эта работа требовала тщательной подготовки и проверки всего экспедиционного снаряжения.

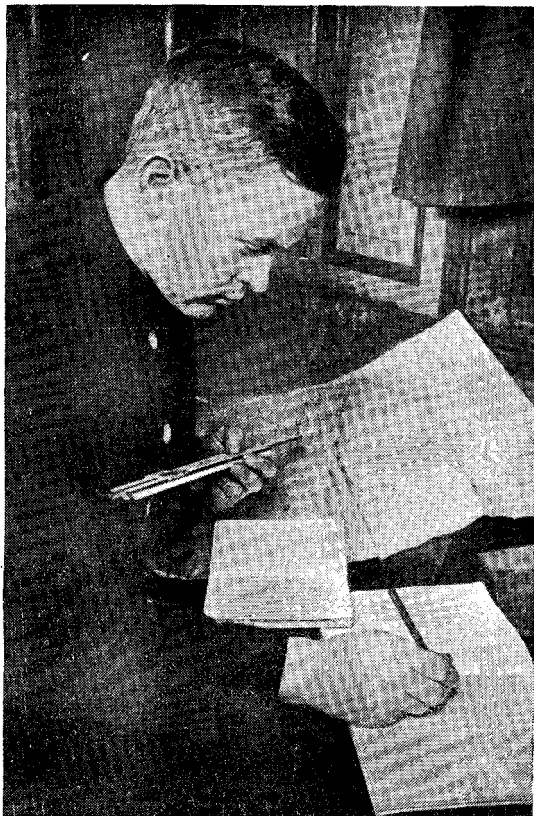
Во время полярной ночи Федоров должен был отправиться в экспедицию на остров Кетлиц. При плохой видимости ему предстояло пройти пятьдесят километров через недавно замерзший пролив, который в случае ураганных ветров легко мог снова вскрыться. Задача еще осложнялась отсутствием выезженных собак. Предыдущая смена нерадиво относилась к псам, они бегали на свободе, часто дрались и не были приучены к упряжке. Поэтому в этой экспедиции продовольственный груз, научное оборудование и т. д. должны были везти люди.

На станции у начальника дел было хоть отбавляй, но Папанин считал своей обязанностью принять участие в этой первой серьезной экспедиции. Три человека, Папанин, Федоров и Кунашев, впрягшись в лямки и таща за собой тяжело нагруженные нарты, быстро скрылись во тьме ночи от взоров провожающих.

Прошло десять дней. Последние четыре дня тянулись томительно долго, так как уже прошел крайний срок возвращения экспедиции. Мы собирались выйти на поиски, но сильный ветер оттягивал это мероприятие. В темноте, во время вьюги, можно пройти совсем близко от палатки и не заметить ее. Вечером все молча готовили снаряжение, чтобы при первой возможности итти на выручку ушедших товарищей.

Услышав лай собак, мы бросили работу и выбежали из дому. Близ берега мерцал свет „Летучей мыши“. Это вернулась экспедиция. Нашим путешественникам изрядно досталось, особенно они страдали от холода — снаряжение и одежда оказались очень плохими. Если бы им не удалось, воспользовавшись незначительным улучшением погоды, прорваться домой, последствия экспедиции могли бы быть довольно печальны.

Но трудности первой экспедиции не расхолодили Папанина и Федорова. Через

П. П. Ширшов за работой в каюте ледокола „Ермак“

несколько дней весь коллектив занялся в свободное время изготовлением нового, более совершенного экспедиционного снаряжения, по собственным проектам и конструкциям. И здесь пример подавал Папанин. Шьются спальные мешки — Папанин портной, делаются нарты — Папанин плотник и кузнец, переделывается аппаратура — Папанин токарь.

В феврале 1937 года я в Тихой увидел сохранившиеся нарты нашего производства, ими пользовались во время экспедиций все зимовавшие после нас смены.

Живое участие в изготовлении снаряжения принимает и Федоров, несмотря на большую загруженность. Он вместе со своим помощником ведет работу по земному магнетизму, радиоактивности, руководит работой по исследованию полярных сияний.

Будущая экспедиция может оказаться продолжительной, поэтому Федорову нужно было подготовить своего помощника, чтобы он вполне мог справиться один со станционной работой. Эта предусмотрительность была вполне обоснованной: пять месяцев отсутствовал Федоров, и Виктор Сторожко блестяще справлялся с работой.

Евгений Федоров жил в одной комнате с Иохимом Шольцем, германским ученым, специалистом по атмосферному электричеству. Германским научным учреждениям не под силу было финансирование отдельных экспедиций, поэтому они обратились к Арктическому институту с просьбой разрешить немецким ученым работать в период Второго международного полярного года на советских зимовках.

Евгений Федоров считал прямой обязанностью ученого принимать живое участие в общественной жизни и политике. Он активно осуществлял это на деле, читал доклады, занимался в политкружке, работал в редколлегии стенной газеты.

Закрепляя логическую последовательность своих убеждений в неотделимости науки от политики, Федоров подал заявление о приеме в комсомол.

К концу полярной ночи у нас было полностью готово новое походное снаряжение. В марте Папанин с группой товарищей отправился на остров Альджер, чтобы создать там продуктовую базу и одновременно проверить качество нашего снаряжения.

Экспедиция продолжалась четырнадцать дней. Снаряжение вполне оправдало себя, хотя март в отношении холода был наиболее суровым месяцем. Нарты на этот раз уже тянули собаки, приученные за время полярной ночи к упряжке. Будущий маршрут Федорова был обеспечен промежуточной базой.

Вскоре после ухода экспедиции Папанина отправились в свой главный маршрут, на двух собачьих упряжках, Федоров и промышленник Кунашев. Из бухты Тихой они направились к восточным островам архипелага, мимо островов Альджер, Хейса и, лишь дойдя до Земли Вильчека, повернули на северо-запад, направляясь к острову Рудольфа. Там проводили работы по программе Второго международного полярного года четыре зимовщика.

Около месяца находился Федоров в экспедиции, пройдя свыше трехсот километров и проведя большую научную работу по магнитной съемке, проделав ряд астрономических наблюдений, открыв неизвестные до сего времени острова.

В мае радист Рудольфа сообщил нам радостную весть: Федоров и Кунашев пришли к ним бодрыми и здоровыми. Это был замечательный, особенно по тем временам, поход.

В октябре 1933 года мы возвращались на Большую землю. Зимовка прошла прекрасно. Работа полярной станции в бухте Тихой была признана образцовой, все зимовщики были премированы руководством Главсевморпути, а также Комитетом по проведению Второго международного полярного года.

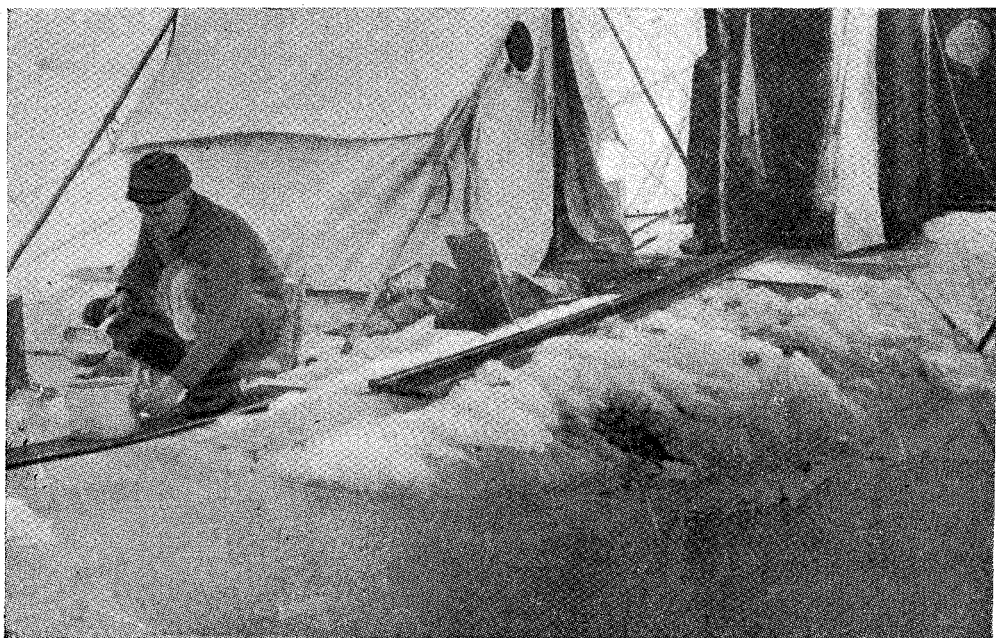
Возвратившись в Москву, Иван Дмитриевич не порвал связи со своими бывшими зимовщиками. Когда в 1934 году товарищ Папанин вновь едет зимовать в Арктику, то основное ядро нового, уже более многочисленного коллектива составляют бывшие зимовщики бухты Тихой.

Я. Либин

Кренкель и Ширшов

Нависла темная, мрачная ночь. Ветер нес поземку, колючую ледяную пыль, окутывая непроницаемой снежной вуалью торосы, ропаки, палатки.

Лагерь, разбросанный среди торосов и нагромождений льда, притих. Только одинокая фигура вахтенного матроса тенью бродила по лагерю, часто останавливаясь и внимательно прислушиваясь к треску ломающихся льдов. Иногда он останавливался над широкой замерзшей трещиной, проходящей под бревенчатым камбузом и делившей лагерь на две части. Сквозь пургу, поземку и мрак ночи он прощупывал взглядом знакомые очертания, чтобы, заметив малейшее изменение, предупредить людей об угрозе сжатия. Зябко кутаясь в длинный тулуп, он изредка задержи-

Э. Т. Кренкель работает по хозяйству на станции „Северный полюс“

вался у палаток, заглядывая в залепленные снегом оконца, из которых падали в темноту тусклые огни „Летучей мыши“.

В лагере царил сон. Только в одной палатке, рядом с которой стояла невысокая изогнувшаяся радиомачта, не спали. Голубой вымпел, прибитый к шесту, оглушительно хлопал в такт порывистому ветру, заглушая оживленный говор, доносившийся из брезентового домика. Вахтенный подошел к палатке и, прижавшись к стенке, прислушался. В палатке начальника собрались челюскинцы. Тесно расположившись на меховых лежанках и спальных мешках, собравшиеся горячо спорили, забыв о пурге и сжати, недавно сломавшем очередной, приготовленный долгим и тяжелым трудом аэродром. Отто Юльевич молча следил за возбужденными оппонентами. Темой разговора было завоевание Северного полюса. Эрнст Кренкель, радист экспедиции, возглавлял немногочисленных сторонников организации дрейфующей станции на льду. Его противники отстаивали преимущества Нансеновского проекта дрейфа на небольшом, специально выстроенном корабле через весь Полярный бассейн и полюс. Сторонники советского „Фрама“ дружно нападали на Кренкеля и Ширшова, называя их мечтателями.

Петр Петрович Ширшов, обычно скромно-молчаливый, разгорелся и, волнуясь, доказывал возможность, преимущества и реальность выдвигаемого проекта, ссылаясь на ход и результаты работ Нансена, Пири, Амундсена и других известных полярников.

Вахтенный матрос, с интересом вслушивающийся в разговор, задумался. Но донесшийся до него грозный скрежет и гул близкого сжатия заставили его вздрогнуть. Он быстро зашагал в сторону барака, за которым торосило лед. Отходя от палатки начальника, он громко проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Я за советский „Фрам“! Это — настоящее дело!

В нем заговорила душа моряка, и ему казалось, что не может быть ничего более спокойного и верного, как твердая палуба под ногами.

Это было четыре года тому назад. Спор о путях изучения Северного полюса и центральной части арктического бассейна не раз подымался среди челюскинцев, расположившихся лагерем во льдах Чукотского моря. В эту памятную ночь долгий спор закончился словами Кренкеля:

— Отто Юльевич! Если подобный проект станет проводиться вами в жизнь, прошу первым кандидатом в радисты дрейфующей зимовки зачислить меня!

Петр Петрович Ширшов скромно согласился быть вторым кандидатом в составе зимовки. Следом за ними записалось еще несколько кандидатов. Но Отто Юльевич дипломатично заметил, что подобные вопросы удобнее разрешать на твердой земле.

Сегодня эта мечта советских полярников сбылась. Это была мечта многих отважных и бесстрашных людей, отдавших свои лучшие годы, а иногда и жизнь.

Об этом мечтал Иван Дмитриевич Папанин, когда он, будучи начальником зимовки бухта Тихая, обходил многочисленные острова архипелага Земли Франца-Иосифа. Об этом мечтал Михаил Васильевич Водопьянов, написавший даже фантастический роман и пьесу „Мечта“.

В Советском Союзе понадобилось только три года, чтобы мечта, за которую отдали свою жизнь Соломон Андрэ, Георгий Седов, мечта, на которую потратил двадцать три года своей жизни Роберт Пири, — сбылась.

Кренкель и Ширшов были в числе этой замечательной четверки, девять месяцев продрейфовавшей на ледяном поле от Северного полюса до Гренландского моря. Весь мир восхищается мужеством, отвагой, героизмом четырех советских полярников. Имена папанинцев стали известны всему миру.

Жизнь Эрнста Кренкеля неразрывно связана с Арктикой. Около трети своей жизни он провел на Севере. Он зимовал в бухте Тихой, участвовал в гидрографической экспедиции на „Таймыре“, летал радистом на дирижабле „Граф Цеппелин“.

Во время первой крупной советской экспедиции на ледокольном пароходе „Сибиряков“ Кренкель познакомился с Ширшовым, тогда еще молодым полярником. До этого Ширшов работал на Кольском полуострове и в Крестовой Губе.

Принять участие в большой арктической экспедиции — это была давнишняя мечта Ширшова. Он с энтузиазмом погрузился в научную работу, удивляя всех своим трудолюбием и работоспособностью.

Поход „Сибирякова“ закончился победой. Это была первая крупная победа советских полярников, заставившая весь мир заговорить о работе Советской страны в Арктике.

Потерявши в борьбе со льдами винт, „Сибиряков“, благодаря исключительной настойчивости и героизму моряков и членов экспедиции, выходит на парусах из льдов Чукотского моря в теплые воды Берингова пролива. Задача выполнена. Северный морской путь, вопреки существующим убеждениям, пройден в одну навигацию. Страна приветствует своих героев-полярников, возвращающихся на родину, а правительство награждает участников орденами. Ширшов и Кренкель в один день получают свои первые ордена Трудового Красного Знамени.

На следующий год Кренкель и Ширшов — участники новой экспедиции по тому же маршруту, на товаро-пассажирском пароходе „Челюскин“.

Всем памятливы тревожные дни, когда затертый льдами „Челюскин“ был раздавлен сжатием в дрейфующих льдах Чукотского моря, когда весь состав экспедиции организовал исторический „лагерь Шмидта“. Здесь советские полярники показали большевистскую выдержку, стойкость и организованность.

Кренкель и Ширшов были первые среди лучших. Кренкель — на своей бессменной вахте с наушниками за радиоключом, Ширшов — во главе лучшей бригады, готовящей аэродром для героев-летчиков, летящих на спасение челюскинцев. Эта работа в условиях Чукотского моря была героическим трудом, который ложился на плечи трех бригад челюскинцев, готовивших аэродромы. Частые сжатия и передвижки льда в течение получаса сводили к нулю огромный труд бригад, расчищавших среди хаотических нагромождений льда и торосов посадочные площадки. Часто бригады работали на одном конце поля, врубаясь в торосы и ропаки, а в это время с другого конца сжатие медленно и непреклонно поглощало метр за метром готовый аэродром. За два месяца было расчищено 13 аэродромов.

Бригада Ширшова была впереди всех. Личным примером, рациональным распределением труда, времени и инструмента, внедрением социальное соревнования, максимальным использованием всех возможностей Ширшов вел свою бригаду впереди остальных, показывая образцы героического труда.

В день отлета Ширшова из „лагеря Шмидта“ на льдине оставалось уже немного людей. Лагерь доживал свои последние дни. Аэродрому, на котором садились и взлетали самолеты Молокова, Каманина и других, опять угрожало сжатие. По середине его пробежала извилистая трещина. С западного края лед торосило, и ледяная гряда поглощала кусок за куском наш последний аэродром. На нем работали остатки бригады, всего пять-шесть человек. Работать приходилось по три смены. После утренних самолетов осталось только три человека — Ширшов и двое из его бригады. Несмотря на чрезмерную усталость, все трое работали не покладая рук. Снова показался самолет. На очереди были Ширшов и его друзья. Пора уже садиться, а их все нет. Но вот вспотевший, запыхавшийся Ширшов, с ломом и лопатой в руках, бежит к самолету, виноватый и извиняющийся, зная, что каждая минута для летчика драгоценна.

На ходу он крикнул: „Саша! Инструмент я сложил у углового ропака. Узелок мой пришли со следующим рейсом. До свиданья!“

Позже, на материке, Ширшов возглавил нашу „комсомольскую пешую бригаду“, и под его руководством полтысячи километров вдоль берега Чукотки от Ванкарема до Уэлена были пройдены в десять дней, т. е. в рекордный срок. У нас было мало продовольствия, так как на пути все базы были опустошены прошедшими санными партиями. Наша „комсомольская пешая“ была последней и внеплановой.

О Кренкеле можно рассказать много. Этот полный юмора, страстный любитель Арктики и радиодела, прославленный радист хорошо известен всей нашей стране и полярникам. Он посылает последнюю радиограмму с тонущего парохода, спокойно сообщает свои координаты, положение с выгрузкой и деловито условливается о последующей связи со льдины.

Никакой паники, никаких „SOS“.

Когда наконец стали устраиваться на льдине и была установлена связь с материком, начали поступать сведения о подготовке спасательных мероприятий.

К нам на помощь посылались ледоколы, самолеты, собаки, дирижабли, аэросани. Но у некоторых челюскинцев сквозило неверие в возможность скорой помощи, тем более что недавним сжатием вдребезги разнесло нашу первую посадочную площадку для самолетов.

Врезалась в память короткая, полная юмора фраза Кренкеля, разрядившая атмосферу беспокойства и вызвавшая громкий смех: „Теперь, когда у нас такой огромный выбор способов покинуть нашу деревню, я не двинусь с места, пока не придет дирижабль. И только при условии, если там будет плацкартное мягкое место и буфет с пивом!“

Кренкель покинул лагерь в числе последних шести. Это было первое и последнее его посещение аэродрома, который находился в 5 километрах от лагеря. Он бежал, высокий и уставший, держа подмышкой свой приемник и детали передатчика, которые так честно прослужили свою службу в течение двух месяцев. С трудом уговорил я его сесть в закрытую кабину самолета Водопьянова, чтобы его, вспотевшего, не продуло потоком морозного воздуха.

Восторженно встреченный в Ванкареме, Кренкель топал ногой по снегу аэродрома, приговаривая: „Приятно чувствовать под ногами твердую почву, матушку землю!“

„Да ведь это еще не земля! Это лагуна! Земля вон там, на пригорке!“ — заметили ему.

И Эрнст побежал к земле, смеясь над собственной оплошностью. Все челюскинцы были вывезены на материк. Страна приветствовала их, выражая свою любовь и радость.

В родной Москве, в Кремле, из рук Михаила Ивановича Калинина Кренкель и Ширшов получили свои вторые ордена — Красной Звезды.

В следующем году Кренкель и Ширшов разлучаются, и каждый самостоятельно едет в Арктику, для того чтобы, вернувшись, снова вместе готовиться к новой экспедиции.

Предстоит реализация их давнишней мечты — высадка на Северном полюсе.

Тщательная и долгая подготовка под руководством Папанина. Наконец, 22 марта из Москвы вылетает большая воздушная экспедиция, а 21 мая в районе Северного полюса высадилась первая группа. Вскоре корабли улетели в Москву, а четверо зимовщиков остались дрейфовать на льду.

Однажды радио донесло до них радостную весть: правительство отметило их отвагу и мужество, наградив их Орденом Ленина.

В долгую полярную ночь они узнают также о том, что все четверо выбраны депутатами Верховного Совета.

Через девять месяцев мужественная четверка снята с дрейфующей льдины. Закончив огромную работу, Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров возвращаются в Москву. Родина горячо встречает своих героев, вписавших золотую страницу в историю завоевания Арктики.

И в третий раз, стоя бок о бок в Кремле, Эрнст Кренкель и Петр Ширшов из рук Калинина получают Ордена Ленина и грамоты о присвоении им званий Героев Советского Союза.

Таков путь двух советских полярников-героев.

А. Погосов

„Гости“ в радиодомике Э. Т. Кренкеля 19 февраля 1938 года

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

Далеко позади остался остров Рудольфа, самый северный клочок земли, над которым развевается красный флаг Советской страны. Наступила минута, о которой долгие годы мечтал молодой ученый.

Широта — 90 градусов. Долгота... долготы не было. Вернее — долготу можно было выбрать любую, какую душе угодно. Все 360 меридианов проходили через эту точку. Эта точка была — полюс!

Самолет шел на посадку. Необозримое ледяное поле расстиралось внизу, как бы приглашая отважных людей спокойно произвести посадку. Но все повадки коварного арктического льда были хорошо известны пилотам. Какой-нибудь неожиданный ропак, и замечательная машина могла превратиться в грудку обломков.

Наконец решение было принято. Пилоты нашли подходящую льдину и выключили моторы. Люди с волнением ждали посадки. Федоров, оберегая от толчков хронометры, прижал их к груди. Порыв ветра вырвал из кабины тетрадь — обыкновенную ученическую тетрадь с синими линейками, куда Федоров заносил по пути свои вычисления. И еще раньше, чем самолет коснулся лыжами поверхности льда, эта тетрадька — первый привет Северному полюсу с Большой советской земли — легла на снежное покрывало.

Толчка не последовало. Машина бежала по ровному полю, мягко пружиня, словно по асфальту столичного аэродрома. Затем, быстро замедляя ход, она остановилась. Наступила тишина. Большевики вышли на лед. Впервые в истории мира здесь зазвучали человеческие голоса.

Прежде всего предстояло удостовериться, что это был действительно Северный полюс. Это „удостоверение“ должен был выдать Евгений Федоров, астроном и магнитолог полярной дрейфующей станции. Налаживая теодолит, Федоров готовился сделать первое астрономическое определение.

Впоследствии Федоров рассказывал:

— У каждого человека бывают минуты особого профессионального волнения. Такие минуты я переживал, делая это первое определение на полюсе. Я крутил винты теодолита, ловил трубой солнце. Делал все это спокойно, внешне даже почти безразлично, а сам ждал с нетерпением, каков будет результат. Нет, мы не ошиблись. Наши последние определения места с самолета хорошо совпали с определением на льду, мы у Северного полюса...

Все было в порядке.

На долю теодолита с первых же дней пребывания на полюсе выпало немало работы. Льдина с поразительным непостоянством меняла свой адрес. Уже к вечеру первого дня лагерь оказался на $89^{\circ}41'$, а в ночь на 23 мая — на $89^{\circ}35'$ широты. Теодолит занимал почетное место в центре лагеря, отмечая извилистый путь льдины.

Быстро шли дни, целиком заполненные работой. Усиленными темпами велось „жилищно-коммунальное строительство“. На пустынной, лишь недавно безжизненной льдине возник целый городок — советский поселок на полюсе. Сначала это были легкие шелковые палатки. Затем папанинцы переехали в жилой „дом“ из брезента, резины, гагачьего пуха на металлическом каркасе — в знаменитую черную палатку с надписью „Дрейфующая экспедиция Главсевморпути СССР“.

Папанинцы решили точно определить свои территориальные богатства. В качестве разведчика и топографа отправили Федорова. Он стал на лыжи и обошел границы папанинских владений. Эта дальняя лыжная вылазка, рассказывает Федоров, была далеко не так приятна, как на Воробьевых горах: на каждом шагу были расставлены злые подножки. Несмотря на это Федоров задачу выполнил. Собственными ногами измерив льдину вдоль и поперек, он установил, что она равна двум с половиной километрам в длину и почти полтора километрам в ширину. Льдина была крепкая, надежная, окруженная валом из крупных обломков льдов — свидетелей происшедших некогда ледовых столкновений.

Один за другим прилетали на льдину самолеты, перевозившие имущество станции „Северный полюс“. Наконец, наступил момент, когда научные приборы, снаряжение, одежда, горючее, продукты были доставлены „хозяевам“ полюса, рассортированы, проверены, распределены по базам.

Организация станции была закончена. В два часа ночи шестого июня состоялось официальное открытие станции, и самолеты экспедиции вылетели на Большую землю. Четыре зимовщика остались одни.

— Одни... Но разве мы одни? С нами вся родина, партия, мы чувствуем внимание, заботу своей великой страны,— радовал в этот день на Большую землю Евгений Федоров.

Проводив самолеты, папанинцы вернулись в благоустроенный лагерь, молчаливые, сосредоточенные. Говорить не хотелось, все чувствовали торжественность момента. Началась точно распланированная жизнь, продуманная до мельчайших деталей еще на Большой земле, целиком подчиненная всестороннему изучению Северного полюса...

Двести семьдесят четыре дня провел Евгений Федоров со своими товарищами на льдине. Быстро прошла арктическая весна с ветрами и пургой. Наступило кратковременное арктическое лето, не доставившее зимовщикам особой радости. Лето ознаменовалось дождями, туманами. Мутное небо было затянуто свинцовыми облаками. Часто падал мокрый снег; казалось, вся природа отсырела. На льдине в результате таяния снега образовались многочисленные озера. Бурный ручей протекал

И. Д. Папанин (справа) и Е. К. Федоров за работой в салоне ледовика „Ермак“

у самого входа в палатку. Но ни дождь, ни туман, ни снег не прерывали работы Федорова. Всегда наготове стоял теодолит, покрытый чехлом, чтобы, пользуясь самым небольшим просветом в облаках, можно было „поймать солнце“ и определиться.

„Где мы находимся?“—этот вопрос с первого и до последнего дня дрейфа естественно горячо волновал всех четырех папанинцев. „Ну как, Женья, насколько отнесло, какая широта?“—обращался к Федорову то один, то другой из товарищей. По результатам подсчета Федорова судили о процессе дрейфа, о пройденном пути. Координаты немедленно шли в эфир, передавались на Большую землю, и миллионы людей на Большой земле, с волнением следившие за легендарной „полярной одиссеей“ четырех советских героев, в тот же день отмечали на своих картах новый зигзаг дрейфующей советской станции.

Все ниже и ниже ходило солнце по небу. В сентябре оно едва подымалось над горизонтом. Все труднее становилось определять координаты. Федоров с нетерпением ждал появления звезд.

Наконец наступила полярная ночь. Звезды ярко засияли на темно-синем небосклоне. Наблюдения облегчились. Но зима принесла с собой и полярные „неприятности“ в виде пурги, темноты, сильных морозов.

„В темноте нельзя было разглядеть делений уровня теодолита,—рассказывал Федоров.—Когда наступали сильные морозы, останавливались часы. Но если даже часы шли, было довольно трудно оперировать, держа в руках и часы, и лампочку, и записную книжку. Тогда мы провели от теодолита в палатку телефон. Я наводил инструмент на звезды, отсчитывал их высоту, а кто-либо из товарищей, сидя в палатке, записывал отсчеты кругов теодолита, соответствующие моментам хронометра. Иногда микрофон портился, и мои слова не были слышны. Тогда „ассистент“, сидящий в палатке, выключал освещение. Я повторял отсчет, тряс микрофон, стучал по нему, пока свет в палатке снова не загорался: значит, дошло...“

Так описывает Федоров работу одного из цехов дрейфующей полярной станции—цеха астрономии. Но Евгений Федоров по совместительству заведывал и цехом магнитологии. В Арктике магнитный компас ведет себя очень капризно. Законы поведения магнитного компаса в Арктике почти не изучены. А между тем только они дают возможность штурманам морского или воздушного корабля держать правильно курс. Работа по изучению магнитной силы также легла на Евгения Федорова.

Как известно, земной шар не является геометрически правильным шаром. Он приплюснут у полюсов. Определение силы тяжести, силы земного притяжения у полюсов имеет громадное практическое и научное значение. И эта работа—гравитационные наблюдения—была также возложена на Евгения Федорова.

Молодой ученый—самый молодой из папанинцев—работал в исключительно трудных условиях, но работал самоотверженно, спокойно, методически, не пропуская ни одного из положенных сроков наблюдений. Начальник зимовки Иван Дмитриевич Папанин рассказывает:

„Приборы Федорова были особо нежными, требующими исключительной аккуратности в обращении. Эти приборы стояли на специальных снежных фундаментах, которые летом подтаивали, нарушая точность наблюдений. Перед каждой серией гравитационных наблюдений ему приходилось несколько часов затрачивать на переделку фундаментов. Случалось, что он по тридцать шесть часов просиживал

в своей „лаборатории“, проводя наблюдения. Морозы принесли Федорову тоже немало неприятностей. При температуре минус тридцать невесело сидеть на морозе и крутить часов по восемь винтики приборов. Пальцы липнут к обжигающему холодом металлу. А сколько раз случилось, что в самый последний час работы льдина вдруг колыхалась и все результаты пропадали. Но Женя никогда не унывал. Кропотливо принимался вновь за дело и доводил до победного конца...“

В замечательном папанинском дневнике, который автор совсем не предполагал когда-либо опубликовывать, мы находим многократные упоминания о героической работе Евгения Федорова. Седьмого июля Иван Дмитриевич записал: „Женя не выдержал, пошел спать — он в течение тридцати часов обрабатывал серию наблюдений по магнитным вариациям“. Шестого августа Папанин записал: „Ширшов и Федоров работают, не считаясь с временем, стараясь сделать как можно больше“. Семнадцатого сентября: „Женя после тридцатичасового дежурства заснул, как убитый“. Шестого октября: „Женя всю ночь ловил звезду, чтобы завтра дать точные координаты нашей льдине“. Первого ноября: „Женя после сорокачасовых наблюдений спит, как убитый. Работал он непрерывно, молодчина!“...

Вот два обычных рабочих дня Евгения Федорова в описании Папанина, внимательно следившего за работой своих товарищей.

„В ночь на шестнадцатое октября началась сильная пурга. Ветром оборвало антенну. Кренкель и Федоров два часа возились с ее установкой. Когда все было исправлено, Федоров, озябший до костей, в заиндеветой одежде — был тридцатиградусный мороз с ветром — вернулся в палатку. Отогревшись, Федоров снова исчез. Вместо палатки для теодолита он строит новый дом из снега“.

А вот другой день — двадцать девятое ноября. С утра Федоров начал делать гравитационные наблюдения, для чего засел на целый день в свою ледяную обсерваторию. Оторвался он только для того, чтобы помочь Ширшову вынести из палатки лебедку, уложить ее на нарты и отвезти на „гидрологический хутор“ Ширшова. Было темно; два товарища, впрягшись в нарты, спотыкаясь на неровностях пути и увязая в сугробах, доставили лебедку к месту назначения. Здесь они установили лебедку на льду и очистили замерзшую лунку. После этого Федоров снова вернулся в свою лабораторию.

Не всегда многочасовая работа на ветру, длительное пребывание у приборов в ледяной коробке сходили Федорову безнаказанно. В конце октября он заболел. Боли в боку. Хрипы в легком. Ширшов, в качестве полюсного врача, поставил ему горчичники. Они подействовали слабо. Тогда решили поставить банки. Вместо спирта пришлось жечь под банкой эфир. Ширшов, одну за другой, насадил на тело больного семь банок. А спустя три дня Федоров снова „приступил к исполнению служебных обязанностей“, и Папанин записал в своем дневнике: „Жаль смотреть на Женю, который часами сидит в своей ледяной обсерватории“.

Мнение Папанина о его молодом сотоварище особенно ценно потому, что этих людей связывает многолетняя совместная работа в Арктике. Нигде не познаются люди так, как на зимовке. А Папанин и Федоров провели вместе три зимовки. Совсем молодым человеком, только что со студенческой скамьи, Федоров поехал с Папаниным на Землю Франца-Иосифа в качестве его помощника по научной части. Там Федоров вступил в комсомол. Вторую совместную зимовку Папанин и Федоров

провели на мысе Челюскина. И когда возникла мысль об организации дрейфующей зимовки на льду, Папанин не мог назвать лучшей кандидатуры астронома-магнитолога, чем Евгений Федоров.

...Шли дни за днями. Установленный порядок работ дрейфующей станции „Северный полюс“ не нарушался ничем. Самоотверженно нес свою бессменную радиовахту Эрнст Кренкель. Вели научные наблюдения Ширшов и Федоров. Заботливо обеспечивал работу своей маленькой научной академии Иван Дмитриевич Папанин. Льдина неуклонно продвигалась на юг.

Суровые испытания ждали здесь папанинцев. Все ускоряющийся дрейф потащил льдину со стремительностью, которой нельзя было предполагать. Шторм, продолжавшийся несколько суток, разорвал ледяное поле, на котором находилась станция, на несколько обломков. Жилая палатка была затоплена водой, и папанинцы переселились в новую легкую шелковую палатку. Через несколько дней волной шторма разорвало и эту палатку, опрокинуло нарты. Папанинцы переселились на третью квартиру, которую они выстроили себе из снега.

В эти дни папанинцы проявили себя не только самоотверженными работниками, прекрасными специалистами своего дела, верными товарищами, но и мужественными, находчивыми, хладнокровными людьми, не сдавшими перед разъяренной стихией. В эти дни Евгений Федоров, молодой научный работник, комсомолец, астроном и магнитолог станции „Северный полюс“, показал всему миру, что он достоин звания героя, которым впоследствии заслуженно наградила его родная страна.

...Далеко на горизонте показался огонек. Папанинцы уже не раз видели такие „огни на горизонте“. Каждый раз их вводили в заблуждение звезды, светившие сквозь прорывы облаков. На этот раз звезда была подозрительно неподвижной. В продолжение полутора часов она оставалась на одном месте. Федоров навел на „звезду“ теодолит. Огонь был мутный и неподвижный. Это был прожектор „Таймыра“, пришедшего, чтобы снять папанинцев со льдины.

Девятнадцатого февраля 1938 года Евгений Константинович Федоров в последний раз установил координаты лагеря... $70^{\circ}54'$ северной, $19^{\circ}48'$ восточной... За двести семьдесят четыре дня дрейфа льдина прошла свыше двух с половиной тысяч километров.

Федоров собрал свой теодолит...

ОПЯТЬ К ПОЛЮСУ

День становился все короче и короче. Он длился не более трех часов. Неумолимо надвигалась полярная ночь.

Погоды все не было. Мощный циклон заполнял Землю Франца-Иосифа. Как прежде, по суткам свирепствовала пурга, которая сменялась густыми поземными туманами. И редко, очень редко были прояснения с небольшой видимостью по горизонту.

Мы ждали лунных периодов, полагая, что с появлением луны погода улучшится и при небольшом прояснении можно будет вылететь к полюсу. Каждый вечер командный состав экспедиции собирался на разбор погоды по синоптической карте. И каждый раз Дзердзеевский неизменно докладывал, что о вылете не может быть и речи.

5 октября по карте погоды намечался подход к Земле Франца-Иосифа области высокого давления, а 6 октября установился антициклон. Так как у нас почти не было ночного аэродромного оборудования и посадка темной ночью, да еще в плохую погоду, была делом очень рискованным, то мы предполагали вылететь ночью с таким расчетом, чтобы обратно на Рудольф притти днем. Начали готовиться.

Ночью собрались для окончательного решения. Дзердзеевский докладывал, что через 7—8 часов этот антициклон пройдет и Рудольф вновь будет закрыт низкой облачностью и туманом. Возвращение на Рудольф будет отрезано. Все склонились над синоптической картой. Мне казалось, что так быстро эта область повышенного давления не может пройти или, во всяком случае, будут отдельные разрывы и прояснения, если не на самом Рудольфе, то поблизости от него. Решили лететь.

Все стали одеваться. Мазурук получил распоряжение готовить машину для вылета в район Земли Александры, Алексеев — на остров Грюенбиль, а легкая машина — на Райнер.

По телефону дали распоряжение разогревать моторы нашего корабля. Мы должны были вылететь около трех часов ночи. Алексеев и Мазурук вылетят тотчас после наступления светлого времени.

Вездеход, до отказа набитый людьми, приборами и рюкзаками, медленно взбирался на крутую гору купола. Была морозная, ясная ночь. Луны не было. Мы кутались в шарфы, закрывали лицо высокими воротниками шубы.

Свинцовое небо полярной ночи грозно свисало над нами, а на нем ярко выделялось бесчисленное количество звезд. В небе ни облачка. Небольшой северо-восточный ветер резко давал себя чувствовать при сильном морозе. Ехали молча. Изредка раздавались лишь покрякивания от мороза и удары рука об руку, чтобы разогреть оковеневшие пальцы. Никому не хотелось говорить. Всем почему-то казалось, что этот перелет затевается зря и что назревают какие-то большие неприятности.

На аэродроме подготовка шла полным ходом. Маленький прожектор, установленный на крыше аэродромного домика, освещал наш самолет, четко выделяя его в мрачной темноте ночи. От мороза все заиндевело. Меховая одежда также покрывалась большим слоем инея, и в заиндевевших фигурах иногда не узнавали друг друга. Часто бегали в аэродромный домик, где жарко топились печка и можно было обогреться.

В темноте полярной ночи трудно различить, что делается с погодой, но казалось, что запад уже начинает закрываться облачностью. С подготовкой корабля спешили.

Возможность ухудшения погоды очень смущала Шевелева. Мы с Водопьяновым старались рассеять его мрачные мысли.

Один за другим нагревали моторы. Предстоял очень серьезный путь. Я несколько раз проверял всю гироскопическую и астрономическую аппаратуру, настроил на-днях сконструированный звездный компас, опробовал всю радиоаппаратуру. Все было готово, все в порядке. Можно трогаться в путь. Когда все четыре мотора были запущены, подкатил трактор, чтобы стронуть самолет с места.

На аэродроме собрались все обитатели Рудольфа; они смотрели на нас как-то особенно нежно, с любовью и грустью. Казалось, что они провожают нас чуть ли не на верную гибель.

Полет был действительно серьезным и сложным. Кругом чернота ночи, за 20—50 шагов ничего не видно. Небо сливалось с землей, линии горизонта не видно.

В кабинах ярко горел свет.

Работали все четыре мотора, но только с помощью трактора мы оторвали примерзшие лыжи и стронулись с места... Митрошкин и Гутовский отцепили трос от лыж. Мы проругили самостоятельно. Провожающие энергично замахали руками. Самолет медленно рулил к старту.

„Только бы оторваться, — сверлила мысль. — Ведь нагрузка самолета — 25 тонн. Сможем ли подняться?“

— Пошли! — кричит Водопьянов.

Мы побежали под гору, в какую-то грозную, черную пропасть полярной ночи. Видимости никакой. Машина бежит долго, подпрыгивает, слегка ударяясь лыжами о твердый снег. Разбег представляется невероятно долгим. Кажется, что вот-вот должен кончиться этот крутой склон от купола к обрывистым берегам острова и тогда — всему конец.

Но вот машина медленно, неохотно отделяется от земли. Мы летим. Смотрю на часы — 3 часа 32 минуты. Набрав 300 метров высоты, разворачиваемся, заходим немного южнее радиомаяка и ложимся на курс. Я даю команду механику выбросить ракету. Медленно спускаясь на парашюте, она ярко освещает поверхность льда под нами.

Летим над зимовкой. Как только погасла ракета, ни зимовки, ни аэродрома не стало видно.

Сильный мороз дает себя знать, даже в закрытой кабине. Мы уже на высоте 1100 метров. Уверенно подвигаемся вперед со скоростью 178 километров в час. Грозная чернота повсюду. Только звезды дают представление о положении земной поверхности. Но по мере продвижения вперед начинают попадаться облака, которые постепенно закрывают этот единственный визуальный ориентир. Постепенно переходим к полету по приборам.

Через несколько часов становится немного светлее. От ночи мы переходим к полным сумеркам. Мы уже летим на $85^{\circ}50'$ широты и 58° долготы. Все небо покрыто облаками. Они густо свисают сверху, все ниже и ниже опускаясь к земле. С высоты 1500 метров нам пришлось снизиться.

Появляется небольшой туман. У нас отказало радио. Я иду в радиорубку. Сима Иванов возится с аппаратом. Он отъединил все проводники, меняет лампы, ищет неисправность. Не замечая сильного мороза, он голыми руками перебирает части передатчика. Мы не мешаем ему, надеясь, что он скоро исправит.

Облачность давит нас все ниже и ниже. Мы уже спустились до 500 метров. Попрежнему ничего не видно, лишь изредка сквозь облака промелькнет лед с большими разводьями. Итти вперед тяжело.

Подхожу к Водопьянову.

— Давай повернем назад, — говорит он.

— Пройдем еще немного.

А итти все тяжелей, тяжелей.

В 7¹/₂ часов мы достигли 88°15' широты и 58' долготы. Еще грозней свисает сверху облачность, она заставила нас итти теперь на высоте 100—200 метров. Сумерки, видимость плохая. Временами густой туман. Внизу мелькает лед и вода. Благополучная посадка невозможна. Сильный туман окончательно прижимает нас к земле. Мы переходим на бреющий полет. Высота порой доходит до 30 метров. Под самолетом мелькают ледяные поля, большие районы мелко- и крупнобитого льда, зияющая чернота разводий. Все это близко, под самым крылом.

Ледяной покров океана значительно отличается от того, каким мы его видели в свой первый полет весной. Лед почти лишен снега. Мало больших ледяных полей, преимущественно молодой лед. Кое-где заметны следы сжатия и торошения.

— Как радио? — спрашивает Водопьянов.

— Сейчас исправят, — отвечаю.

— Радио не работает, погода ни к чорту, итти становится невозможно, давай поворачивать назад, — говорит он.

— Пройдем еще. Немного осталось!

— Да ведь радио не работает. Случись что-нибудь, что будем делать без радио? Нет, надо поворачивать, — твердо заявил он.

— Подожди, сейчас узнаю, — говорю я и вхожу в радиорубку. Здесь все снято, все разбросано, спрашивать не приходится, все видно и так.

— Сейчас заработает, — говорит Сима, увидя меня.

Я возвращаюсь, стараясь быстро пройти в штурманскую рубку. Но Водопьянов заметил меня и берет за плечо.

— Ну, как радио?

— Радио сейчас заработает, — тихо ответил я, боясь, что вот-вот повернет назад.

— Работает? — не расслышав, кричит Водопьянов.

Я как-то нерешительно кивнул головой. Мы шли дальше. Вести самолет становилось все трудней и трудней. По мере приближения к полюсу, один за другим выходили из строя приборы. Уже давно не работал магнитный компас, почти не было слышно радиомаяка, звезд не видно. Пробираемся, базируясь, главным образом, на гироскопический полукомпас.

Наш полет походил на скачки с препятствиями. Идя бреющим полетом, мы вдруг неожиданно упирались в полосу надземного тумана и тогда забирались повыше, чтобы пробиться над туманом и вновь спуститься до бреющего полета.

Все ближе и ближе подходим к полюсу. Наконец, в 8 часов 34 минуты наш флагманский корабль вновь на Северном полюсе!

На этот раз мы попали сюда в конце сумерек. Они продлятся еще два дня, после чего наступит полная полярная ночь. Туман рассеялся. Над нами сплошная слоистая облачность, высотой 500—600 метров. Мы смогли забраться повыше. Была хорошая видимость, ограниченная лишь сумерками. Но и в них с высоты 500—600 метров мы могли видеть в сторону не менее чем на 15—20 километров.

Немедленно приступаем к поискам самолета Леваневского. Всех членов экипажа расставили возле окон и у люков для наблюдения за ледяными полями. Каждый был точно проинструктирован — куда смотреть, как искать. Мы буквально пожирали глазами каждую ледяную точку. Иногда кому-либо казалось, что внизу самолет, но, когда подлетали ближе, выяснялось, что это просто разводье.

Над самым полюсом мы изменили курс, взяв на 45° влево. Отойдя на 25 километров в сторону, вновь пошли прежним направлением, намереваясь пройти до 87° по ту сторону полюса. Экипаж внимательно вглядывался в полюсные льды и разводья, охватывая пространство шириной в 50 километров.

Однако примерно на широте $88,5^\circ$ по ту сторону полюса сплошной туман и мощная облачность преградили нам путь и заставили отклониться от полюса. Не только искать самолет, но даже продвигаться вперед не было возможности. Пришлось снова изменить курс и свернуть вправо под углом 90° .

Пройдя еще 50 километров, мы все время высматривали место, где можно было бы пробиться еще дальше за полюс. Но пробиться было невозможно. Пришлось повернуть назад к полюсу, внимательно обследуя полюсные льды, также шириной в 50 километров.

Ориентироваться было трудно. Кругом серая мгла, ни солнца, ни луны, ни звезд, обычные приборы не работают, на радиосредства положиться нельзя. Честно работает только один гироскоп. Теряется всякое представление о направлении. После 2—3 поворотов трудно представить, откуда ты пришел, где Рудольф, где Америка.

При подходе к полюсу вдруг резко заскакала из стороны в сторону стрелка радиокompаса. С неописуемой радостью я бросился к нему, пытаюсь настроить на работу рудольфовской станции. Но он так же неожиданно замолк, как неожиданно заработал.

По гироскопическому компасу берем направление с полюса на Рудольф.

— Рудольф-то мы найдем? — вдруг тихо спрашивает меня Водопьянов.

— Найдем, — уверенно отвечаю ему.

— В какой хоть он стороне-то?

Я показываю.

— Ничего не понимаю! — пожимая плечами, заключает Водопьянов.

Мы идем над облаками. Верхняя кромка их по мере нашего продвижения подымается все выше и выше. Определяю, что на высоте дует сильный попутный ветер. На обратном пути облачность заставляет нас подыматься все выше и выше. Мы уже достигли двух тысяч метров, но впереди громоздятся облака еще выше.

За семь часов полета самолет значительно облегчился. Это дает нам возможность набирать высоту.

Становится немного светлей. На горизонте появляется слабое зарево от солнца. Оно сейчас находится на 7° под горизонтом, но небольшое зарево от него все же видно. Невольно приходит мысль запеленговать центр этого зари, рассчитать азимут солнца и таким образом проверить, правильно ли мы идем. Этот метод определения, едва ли кем-либо применявшийся, оказался очень удачным. Теперь я был уверен, что идем правильно и на Рудольф попадем точно.

На высоте трех тысяч метров значительно холодней, и мы снова мерзнем. А облачность впереди нас простирается все выше и выше. Мы лезем вверх, стараясь выйти за облака. Но пробить облачность нам

не удастся, она простирается выше четырех тысяч метров. Мы идем в облаках. К счастью, слой оказался небольшим, и мы скоро вышли из него. Стало уже светло.

В 11 часов 30 минут мы смогли погасить свет в кабинах. По облакам было заметно, что мы идем при очень сильном попутном ветре.

Вскоре стал слышен маяк. Заработал радиоконпас. Стало веселей. Сима Иванов, давно исправив свою радиостанцию, аккуратно приносил мне сводки о погоде. Рудольф сообщал, что погода у него хорошая, ясная. Мы подходили все ближе и ближе к архипелагу Франца-Иосифа. Погода стала лучше. Быстро оставляли позади и огромные облачные образования, и отдельные облачка, и, наконец, вышли в район безоблачной, хорошей погоды.

Радиостанция работала отчетливо и ясно, это показывало близость Рудольфа. Вначале под нами огромные площади занимал мелкий, битый лед, а чем южнее мы продвигались, тем его становилось все меньше и меньше. Появилась чистая вода.

Показалось солнце. Оно было почти над горизонтом. Наибольшая высота не превышала 4°.

Наконец белыми шапками впереди показались горы острова Рудольфа. Он выглядел как-то необычайно, совсем не таким, каким мы его запомнили весной. Дальше на юг за ним виднелись еще такие же снеговые шапки. Это были другие острова архипелага.

— Белая Земля! Мы вышли на острова Белой Земли, а не на Рудольф! — кричит мне Шевелев. Я улыбаюсь ему. Мы идем прежним курсом и упираемся в зимовку. Внизу раскинулся аэродром, красивый, веселый, жизнерадостный. Все приготовлено для нашей посадки. Нас ждут.

Мы не заставляем себя долго ждать. Заходим на посадку и легко касаемся лыжами знакомого аэродрома.

Трудно описать радость встречи. Встречающие совсем не походили на провожавших нас десять с половиной часов тому назад. Каждый с разбега бросается в объятия, целует, поздравляет. Нас буквально затормошили расспросами и поздравлениями.

— А ты боялся! — улыбаясь, говорит Водопьянов Дзержевскому. Дзержевский, тоже радостный, довольный, пожимает плечами и трясет маленькой заиндеветшей бородкой.

КАК МЫ ЖИВЕМ И РАБОТАЕМ

Мыс Желания¹

Очень позднее прибытие на зимовку потребовало от новой смены многих дополнительных работ. Близилась полярная ночь; наступили морозы. Грузы, лежавшие на берегу, завалило снегом. К жилому дому и служебным помещениям не были подвезены дрова и уголь. 20 собак оставались без корма. Начались авралы: все грузы с берега перевозились на станцию силами зимовщиков.

В день нашего приезда, на аэродром мыса Желания снизился самолет Чухновского, который летел на Рудольф. Мы обеспечили экипажу отдых, питание, подвозку горючего, крепление и очистку от снега машины. 26 октября Чухновский улетел, тепло поблагодарив зимовщиков за радушный прием.

Проводив Чухновского, мы получили сообщение с Диксона, что на нашем аэродроме предполагают совершить посадку еще три мощных самолета. Нужно было подготовить площадку, поэтому все зимовщики снова поспешили на аэродром. Только успели выложить посадочный знак, зажечь костры, как с западной стороны аэродрома пошел на посадку первый самолет, за ним второй, третий. Это были машины Водопьянова, Молокова, Алексеева. Всего прилетело 25 человек.

Наш аэродром опасен для посадки тяжелых машин, так как площадь его покрыта нагромождением камней различной величины, почти никогда не заносимых снегом. Только высокая летная культура наших летчиков, их выдержка и расчет дали возможность производить посадку и взлет на нашем аэродроме без серьезных аварий.

Экипажи самолетов «Н-170», «Н-171», «Н-172» прожили с нами восемь дней. Об их пребывании у зимовщиков остались самые лучшие воспоминания.

Так началась наша зимовка.

Только с наступлением полярной ночи мы принялись за подвозку грузов, разбросанных по берегу, и за заготовку дров и угля.

Пароходы «Аркос» и «Пролетарий» не выгрузили для зимовки значительную часть продовольствия и совершенно оставили нас без овощей. В таком же положении остались промышленники косы Серебрянникова, зимующие стройрабочие и охотники острова Гемскерк, находящегося в 80 км от зимовки. У них не было также орудий лова и спецодежды. Всем этим их пришлось снабжать за счет зимовки, фонды которой были также недостаточны. Мы взяли на точный учет наличие продуктов, немного сократили нормы, заменив одни виды продуктов другими. Сейчас все продукты рассчитаны так, что до прибытия парохода мы благополучно прозимуем.

Отсутствие свежих овощей и других продуктов резко сказалось на стройрабочих. В декабре было несколько случаев заболевания, но специально выделенный резерв продуктов для улучшения питания и проращенный горох сравнительно быстро помогли ликвидировать эти заболевания.

В двадцатую годовщину Октябрьской революции зимовщики в полном составе ходили на демонстрацию к памятнику Ленину, стоящему на берегу Карского моря.

Дул ветер со скоростью более 11 м/сек.

19 ноября мы испытали силу исландского ветра. Это был ветер поистине чудовищной силы. Над зимовкой нависли снежные тучи. Море было свинцовых оттенков. Налетел шквал, метеоприборы дошли до максимальных показателей. Ветер по флюгеру показывал скорость выше 40 м/сек. От сотрясения дома сыпалась штукатурка. Железная крыша гремела, издавая звуки, похожие на работу тысячи текстильных станков. Порвались наружные электропровода, жилой дом остался без света.

¹ Передано по радио.

Ветродвигатель стонал под тяжестью вистра. Лопнул ремень у динамомашин, полетели шпонки от махового колеса. Значительное разрушение было на радио-маяке: порвалось более 20 антенн.

Ко дню выборов в Верховный Совет все повреждения нами были исправлены. В зимние месяцы этот ветер несколько раз повторялся, наделав зимовщикам много хлопот. По силе и количеству ветров мыс Желания может конкурировать с любой арктической зимовкой.

В связи с воздушной экспедицией Шевелева и зимовкой поблизости нескольких кораблей, резко возросла работа радиостанции. В среднем за месяц перерабатывается 800 000 слов, что значительно превышает переработку прошлого года. В 1938 году план приема-передачи установлен в 1 миллион слов.

Гидрометеорологи и аэрологи также провели полярную ночь в напряженной работе, так как условия для нее были неблагоприятны вследствие больших ветров. При выпуске радиозондов у них иногда лопались оболочки, отсутствовали сигналы, шквалистые ветры обрывали змей и т. д. В дальнейшем эта работа наладилась.

12 декабря на мысе Желания состоялись выборы в Верховный Совет Союза. В наш избирательный участок входили промышленники и строители с косы Серебрянникова, зимовщики из Русской Гавани и бухты Благополучия. Выборы прошли с большим подъемом.

С самого начала зимовки мы выработали правила внутреннего распорядка, которые предусматривали строгую последовательность работы, отдыха, сна и учебы. Это нам помогло справиться с программой работы во время полярной ночи.

Большое удовольствие зимовщикам доставляет баня. Она вносит некоторое разнообразие в ритмическую жизнь станции. Баню мы топим раз в десять дней. Для ее топки используем плавник, который собираем на берегу Карского и

Баренцова моря после каждого шторма.

За время полярной ночи у нас не было ни одного серьезного заболевания среди зимовщиков. Из-за отсутствия лечебной практики наш врач выезжал даже на другую зимовку.

После года работы этим летом выезжают на материк два зимовщика, трое выезжают по окончании договора, четверо просят перевести их на другие зимовки.

При прежней программе работ, а по некоторым разделам даже расширенной, штат зимовки при новой смене был сокращен почти на одну треть. Это значительно увеличило нагрузку каждого зимовщика. Почти нет времени заниматься охотой; всего мы убили двух медведей. Для приманки песцов у нас не было мяса, поэтому промысел песца был неудачным.

Мы долго не могли наладить прием широкого вещания, теперь он налажен, за исключением дней с магнитными бурями. Мы слушаем передачи из Москвы, с Диксона; хорошо слышим Новосибирск. Это вносит разнообразие в нашу жизнь и дает зарядку к работе.

Мы живем на самой северной точке Новой Земли, но вместе со всей страной чувствуем, как наша родина под руководством великого Сталина идет гигантскими шагами к лучшей жизни, сметая с пути всех троцкистско-бухаринских шпионов и убийц.

Начальник станции

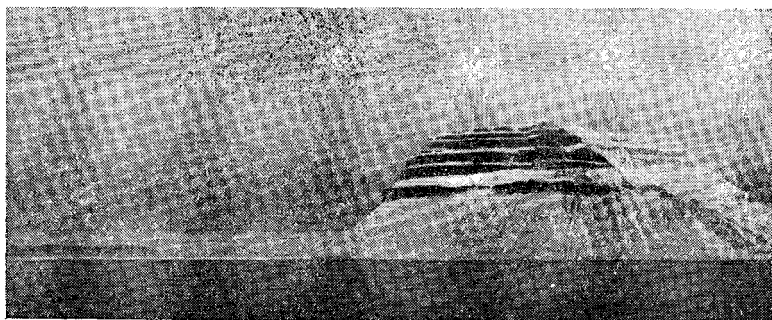
А. Савельев

Бухта Тихая¹

В прошлом году жизнь и работа на полярной станции бухта Тихая проходили необычно из-за позднего прихода судов, когда полярная ночь уже вступила в свои права. Солнце уже не показывалось на горизонте, и весь архипелаг Земли Франца-Иосифа выглядел

¹ Передано по радио.

**Земля Георга
в архипелаге
Франца-Иосифа**

мрачно. Совсем по-другому выглядит эта земля сейчас, когда наступил полярный день и лучи солнца, переливаясь всеми цветами радуги, играют на обнаженных скалах, на куполах спускающихся глетчеров и на айсбергах, разбросанных в бухте. Скала, Рубини выделяется своим величием и обилием оттенков. Тишину на ней нарушают сотни тысяч голосов птичьего базара. Часами можно любоваться этими северными красотами.

...Наступила уже зима, когда суда «Русанов», «Рошаль» и «Пролетарий» с грузами для Рудольфа и Тихой подошли к нашей станции. Нельзя было и думать о доставке всех грузов на Рудольф. «Русанов», воспользовавшись временной благоприятной обстановкой, перебросил на Рудольф только самое необходимое, а все остальные грузы, более тысячи тонн, были выгружены в Тихой. Разгрузка проходила с большими трудностями; подчас ее приходилось совсем прекращать, когда бухту забивало мелкобитым льдом и суда несколько раз переводили с одного места на другое. Отсутствие складских помещений для такого количества грузов потребовало немедленной постройки складов. Зимовщики, летный состав и команды судов в течение октября, ноября и декабря разгружали и убрали грузы.

Штат станции был утвержден в 16 человек. Но сразу же после окончания выгрузки выяснилась необходимость разместить на станции 50 человек, в состав которых входили: основные зимовщики Тихой, Рудольфа, экипажи самолетов. Чтобы разместить всех, пришлось занять все научные лаборатории, библиотеку и до отказа загрузить жилые помещения, пока строители не выстроят нового дома, тоже предназначавшегося для постройки на Рудольфе.

Строительство дома закончили 30 ноября, когда на станции осталось тридцать три человека, так как самолеты улетели на Рудольф. К этому времени решился вопрос о зимовке судов, пришлось взять на станцию еще 54 пассажира. 1 декабря на станции было размещено 87 человек.

В восьмикомнатный новый дом вселили 48 человек, остальные были размещены в старых постройках.

Непредвиденная зимовка судов, которых находилось свыше 200 человек, потребовала тщательного подсчета продовольственных запасов. Для овощей было расширено овощехранилище и приспособлен старый скотный двор. Благодаря хорошему хранению мы до сих пор питаемся свежими овощами.

Для обеспечения всех свежим мясом необходимо было увеличить стадо сви-

ней, доведя его до 50 голов, и установить определенный режим расходования. Из девяти завезенных коров оставили только двух молочных, а остальных также пустили на мясо.

С самого начала работы нашей смены мы занялись подготовкой к отлету самолетов «Н-169» и «Н-213», которые находились на верхнем аэродроме, на куполе ледника, в 5 км от станции. Много нужно потратить труда, чтобы огромную металлическую птицу освободить от снега, когда она занесена почти до самых крыльев. Снег в Арктике лежит очень плотно, его нужно сначала пилить пилой, а затем куски, напоминающие сахар, относить в сторону, прорезая таким образом туннели для лыж, глубиной в 3 м и длиной до 10 м. Эту работу нужно было проделывать каждый раз, когда самолеты готовились к полетам, а из-за плохой погоды эти полеты часто откладывались.

Большую помощь во всех тяжелых работах на станции оказывает трактор «Сталинец». Им переброшено около сотни тонн груза на аэродром: бензин, масло, дрова, запасные части к самолетам и стройматериалы для дома, выстроенного на аэродроме. Благодаря этому дому теперь люди всегда могут переночевать в теплом помещении, если их на аэродроме застигнет пурга или ветер.

Больших трудов нам стоило также создание постоянной тракторной дороги на аэродром, так как она проходит по глетчеру, с которого трактор легко мог сорваться. Теперь мы в любую погоду пользуемся этой дорогой.

Кроме аэродрома на куполе, существует еще аэродром непосредственно возле станции в бухте. Начиная с ноября и на протяжении почти всей полярной ночи с него проводились регулярные тренировочные полеты и рейсы на Рудольф и обратно. Наши летчики, особенно товарищи Мазурук и Козлов, даже ночью показывали свое умение управлять самолетом, выделяя фигуры высшего пилотажа.

* * *

Научно-исследовательская работа на полярной станции ведется по метеорологии, аэрологии, магнитологии, актинометрии, по изучению распространения радиоволн и атмосферного электричества. Все научные работы проводятся в специально оборудованных павильонах и лабораториях. Люди, проводящие эти работы, высококвалифицированные специалисты, относящиеся с большой любовью к своему делу, выполнявшие уже ряд сверхплановых работ. Метеорологи Третьяков и Орасова, кроме наблюдений по программе, обслуживают все запросы

авиации, проводя для этого ежечасные наблюдения. Аэрологи Бушев и Царев ведут работу по расширенной программе, ежедневно выпуская радиозонды или шары-тилоты.

Магнитологический павильон на нашей станции является образцовым павильоном в Арктике. Он организован и оборудован т. Николаевским, который в течение трех лет проводил в нем наблюдения и собирается в этом году вновь приехать для продолжения работы. Герой Советского Союза т. Федоров, после окончания университета, начал свою научную работу в Арктике, проводя наблюдения в этом павильоне в 1932 году.

Сейчас в нем работает молодой специалист-магнитолог т. Ляхов.

Изучение распространения радиоволн было начато в бухте Тихой в 1932 году. Сейчас оно ведется по более расширенной программе инженером Архангельским совместно с группой молодых специалистов. Они проводят исследование верхних слоев атмосферы, зондируя их радиоволнами. Работы эти необходимы для выяснения причин непрохождения радиоволн и для обеспечения нормальной радиосвязи в высоких широтах.

Лаборатория Архангельского снабжена необходимой измерительной, приемной и передающей аппаратурой, а также большим количеством установленных по специально разработанным проектам антенн.

В этом году геофизиком Герасименко проводятся интересные наблюдения за состоянием атмосферного электричества в высоких широтах. Кроме общего изу-

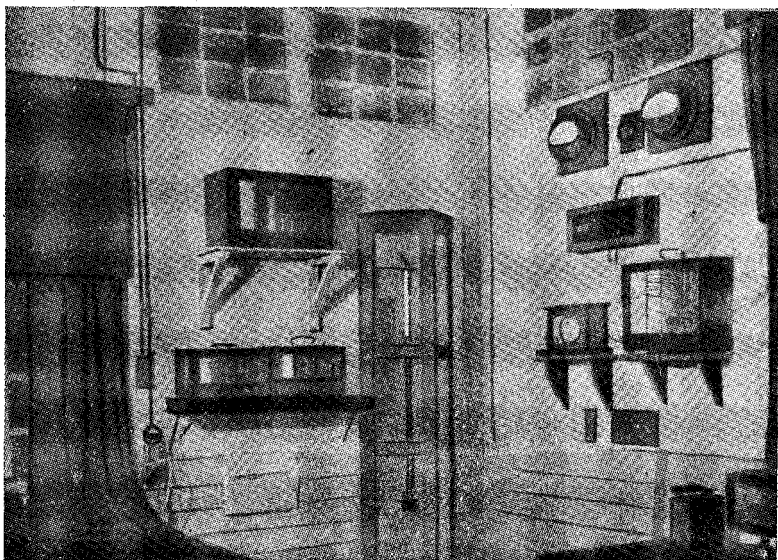
чения, т. Герасименко сделана попытка разрешить ряд практических вопросов—обледенение, ход электрического поля во время полярных сияний и т. д. Зимовщики в шутку называют его «чародеем», так как он почти безошибочно, на основании своих наблюдений, предсказывает наступление пурги. Благодаря увеличению в атмосфере зарядов электричества его очень точные приборы заранее обнаруживают различные изменения погоды.

Полярная станция бухта Тихая является самой культурной станцией в Арктике как по количеству построек, так и по обеспеченности оборудованием.

В 1929 году здесь была построена первая научно-исследовательская станция Арктического института. В 1932 году начальником станции И. Д. Папаниным станция была превращена в научную обсерваторию; построены специальные павильоны, ангар для самолетов и т. д. Об этой зимовке у товарищей, бывших тогда в Тихой, остались самые отрядные воспоминания. Совершенно другую картину на этой станции застала наша смена: все здания запущены, радиостанция в безобразном состоянии, не было соблюдено элементарных правил пожарной безопасности, передатчики, щиты, моторы и все антенное устройство были в аварийном положении. В лучшем состоянии был только рейдовый передатчик, собранный Кренкелем зимой 1929 года, на котором проходил обмен с Рудольфом и Желанием.

Только благодаря большому количеству специалистов, оставшихся здесь на вынужденную зимовку, мы смогли про-

Метеорологический кабинет на полярной станции мыс Выходной

вести полную реконструкцию радиостанции Тихой. В строительных работах большую помощь оказали бригада строителей, группа работников Стальмоста и проектно-монтажного треста. Все здания приводятся в порядок как снаружи, так и внутри.

Партийно-общественными организациями среди зимовщиков развернута культурная и политмассовая работа. Все события, происходящие на Большой земле, находят яркий отклик среди нашего коллектива.

Каждую пятидневку на станции и на кораблях показываются звуковые кинокартины, имеющиеся в большом выборе. Организован самый северный театр, который уже показал семь постановок. Духовой оркестр «гукер» и джаз-оркестр парохода «Русанов» несколько раз выступали на наших концертах.

Шахматы, шашки и бильярд пользуются большой популярностью, проводятся турниры и соревнования.

Проведен ряд докладов, лекций и бесед на политические и научные темы, ведутся занятия в политкружках.

С наступлением полярного дня любимыми занятиями в часы досуга стали охота, лыжные прогулки и катание с гор. Медведи близко к нашей станции почти не подходят, убили мы только двух, один из которых утонул. В полярную ночь поймали модельными ловушками более десяти песцов; сейчас охотимся на птиц, мясо которых идет в пищу.

Начальник станции

И. Копусов

Мыс Выходной¹

Полярная ночь на нашей станции прошла очень быстро. В этот период шла напряженная работа по всем отраслям хозяйства и науки.

Ввиду позднего рейса парохода станция плохо снабжена топливом, техническим оборудованием и основными продуктами. По вине командования парохода «Аркос» весь наш груз вместо Выходного выгружен в начале ноября 1937 года на Матшаре, откуда зимовщики перевезли в первую очередь топливо и продукты питания. У станции нет своих плавсредств, а катер островного хозяйства после двух рейсов потерпел аварию. Оставшиеся грузы возим теперь по льду на собаках. Расстояние от места выгрузки до нашей станции — 15 км.

Несмотря на трудности, работа шла нормально, производственный план выполняется.

Наше предложение: в текущую навигацию упорядочить вопрос со сменой

зимовщиков, с подвозом всего снабжения, не допуская затяжки этой операции до конца октября, так как в этот период начинаются ежедневные штормы, пароходы не могут выгружаться и увозят грузы в другие пункты, ценные грузы портятся от мороза и т. д.

Политинформацию слушаем регулярно и всегда находимся в курсе всех событий, происходящих в нашей стране и за рубежом.

На повторную зимовку остается почти весь коллектив.

Готовимся к образцовому обслуживанию предстоящих перелетов и морской навигации.

Старший по зимовке *Б. Базулин*

Остров Уединения¹

Долгая четырехмесячная ночь на полярной станции острова Уединения давно уже осталась позади. Наступили ясные, солнечные дни. Все здоровы, бодр.

Жизнь на станции идет полным ходом. Все работы по плану выполняются в срок. Радиостанция работает без перебоев.

Станция снабжена научными приборами, техническим оборудованием и материалами. В следующую зиму работать можем без пополнений; ждем лишь доставки недостающих частей для ветродвигателя.

Скот и собаки перезимовали хорошо. Корма до навигации им хватит.

Питание зимовщиков сытное. Но жаль, что нет медведей, так как свежее мясо уже на исходе. За все время убили только одного медведя.

Мы находимся в курсе всех событий на материке; четыре раза в день слушаем радиоизвестия непосредственно из Москвы. Слышимость прекрасная. Знаем все основные события по Советскому Союзу и за границей. По вечерам обмениваемся мнениями по поводу слышанного. Работают кружок по истории партии, шахматный кружок и спортивный. Ежемесячно выходит стенная газета.

В доме имеется большая кают-компания, в которой стоит длинный обеденный стол, прекрасный рояль, патефон, гармоника, струнные инструменты, богатая библиотека, спортивные принадлежности. Тут же оборудован уголок отдыха.

За зиму мы произвели внутреннюю отделку всех жилых помещений и лабораторий. В комнатах стало тепло и уютно.

Угля нам хватит до навигации.

Готовимся к составлению отчетности и обслуживанию навигации.

Начальник станции *П. Маккаев*

¹ Передано по радио.

¹ Передано по радио.

ВЕТРОДВИГАТЕЛИ В АРКТИКЕ

На Диксоне¹

Ветроэлектростановка, состоящая из двигателя «Д-12» Херсонского завода сельхозмашин и генератора постоянного тока в 12 киловатт, была смонтирована на Диксоне в октябре 1937 года. В ноябре и декабре ветроустановка работала с неполной нагрузкой из-за неправильного размера шкива генератора, который не развивал предельного количества оборотов. После изготовления нового шкива правильных размеров, окончательной регулировки ветрового колеса, устранения дефектов, допущенных на заводе при изготовлении линекса, ветродвигатель стал работать хорошо. В январе — феврале ветродвигатель работал бесперебойно.

Работа ветродвигателя с 12 ноября по февраль характеризуется следующими данными:

Месяцы	Количество часов работы	Среднее напряжение в вольтах	Количество выработанной электроэнергии в ампер-часах
Ноябрь . .	137	120	3905
Декабрь . .	77	120	2925
Январь . .	103	145	4165
Февраль .	100	—	4200

Всего за эти месяцы выработано 15 195 ампер-часов, или 2127 киловатт-часов. Месячный расход постоянного тока передающего пункта, где установлен ветродвигатель, выражается в 5000 ампер-часов; таким образом ветродвигатель на 80% удовлетворяет эту потребность и значительно разгружает дизеля.

Получаемая от ветродвигателя электроэнергия обходится значительно дешевле, чем от двигателя внутреннего сгорания, но о полном экономическом эффекте за такой короткий срок работы говорить еще нельзя.

За время нашей работы с ветродвигателем в нем обнаружены следующие недостатки: нет тормозного приспособления, наличие которого совершенно необходимо в случаях обрыва ремня. Даже при слабом ветре невозможно осмотреть или отрегулировать ветровое колесо, так как оно все время вращается и тормозить его нечем.

Большие неудобства связаны с пуском и остановкой двигателя сверху. Сам кон-

структор этого двигателя вряд ли согласился бы при пурге со скоростью ветра в 20—25 м/сек подниматься на головку фермы, высотой в 15 м, а нам, по его вине, приходится это выполнять.

Очень жидкой и ненадежной сделана тяговая система управления стабилизатором поворотных лопастей. Не предусмотрена возможность замены тяги, не снимая поворотного крыла; это лишает возможности производить ремонт при ветре. Такой случай у нас был, и нам пришлось ждать теплой безветренной погоды.

Линекс заводской конструкции совершенно непригоден — грузы на рычаге не держатся, и от малейшего сотрясения ремня рычаги на морозе ломаются.

Шкив генератора оказался большего размера, чем необходимо. Двигатель не был снабжен набором необходимых инструментов и запасных частей.

Начальник станции *И. Безродных*

На мысе Желания¹

Ветродвигатель «Д-12» установлен на мысе Желания в 1935 году в 150 метрах от жилого дома и в 100 метрах от радиорубки, где находится силовая батарея.

Ветряк мыса Желания является одним из первых, установленных на зимовках. В сооружении его фундамента имеются некоторые недочеты, которые не имели бы значения при равномерных ветрах силой в 10—20 м/сек. Фундамент нужно было сделать массивнее и глубже заложить в вечную мерзлоту, учитывая ветры, дующие иногда со скоростью свыше 40 м/сек.

Наш ветряк при сильных, порывистых ветрах допускает вибрацию главного вала. Чем ветер сильнее, тем вибрация становится заметнее. Эта вибрация еще усиливается из-за недостаточно прочной конструкции нижнего редуктора. Много заботы и беспокойства доставляет нам ветряк при ураганных ветрах.²

К заводским конструктивным недостаткам нашего ветродвигателя относится

¹ Передано по радио.

² Как нам сообщает начальник технической группы учета УПС В. Сидоров, необходимо тщательно следить за вертикальной трансмиссией, чтобы она не садилась своей тяжестью на нижнюю малую коническую шестерню, отчего получается заклинивание зубьев шестерни, а в результате образуется вибрация, которая зависит от величины мощности.

Редакция.

¹ Передано по радио.

и его хвостовой щит, который следовало бы сделать немного меньше и из более прочного железа, в соответствии с балансированием крыльев. Через год после установки хвостовой щит был сорван ветром. Эту аварию ликвидировали путем постройки деревянного хвостового щита, окованного железом.

В будущем, при заказе ветряков для зимовок, целесообразно было бы всю конструкцию башни делать ниже (вместо 12 м—10 м), не уменьшая ее динамических ветровых возможностей для работы. В качестве эксперимента нужно попробовать несколько расширить лопасти крыльев, придав им иной наклон. Это дало бы экономии в металле, облегчение при транспортировке, установке и удобство при работе.

В целях профилактики от несчастных случаев крылья ветряка лучше было бы повернуть по горизонтали или сделать вал верхней головки на 60—70 см длиннее, чтобы механику (при вращении крыльев) можно было бы подниматься на верхнюю площадку для регулировки, смазки и проверки работы, не рискуя быть сшибленным крыльями при порывистых и часто меняющих направления ветрах.

Запуск ветряка и его остановку мы производили с земли, продолжив трос, идущий от хвоста к тормозной тяге и действующий на тормозную колодку. При окончательном выключении ветряка к тросу подвешиваются тяжести от 15 до 30 кг, в зависимости от силы ветра.

Возможность вращения крыльев в обратную сторону причиняет некоторые неудобства. Такие случаи у нас были, но не причинили особого вреда, так как развернуться крылья не успели. Чтобы это окончательно устранить, нужно попробовать устроить параллельный тормоз при обратном вращении крыльев, имеющих размах в 12 м. Рукоятки тормозов надо сделать не на вершине башни, а внутри домика, где установлен генератор.

В спецификацию ветродвигателей необходимо включить соответствующие приборы для установления скоростей ветра.

Одновременная работа ветряка и радиостанции сначала была невозможна, так как возникали какие-то помехи для работы последней, причины которых нам точно установить не удалось. Очевидно, проложенный на незначительной глубине в вечной мерзлоте кабель, идущий от динамо ветряка к силовой батарее, проходит близко от подателей противовеса и, к тому же, местами плохо изолирован.

Помогли нам в этом деле зимовщики острова Белого, которые при установке своего ветряка добились устранения помех. Мы экранировали конденсатор и динамомашину, приспособив для этого имевшиеся у нас конденсаторы.

Теперь у нас иногда возможна одновременная работа радиостанции и ветродвигателя. Это сократило количество пусков ветродвигателя в сутки, при большом коэффициенте полезного действия.

Ветроэлектростанции в условиях полярной зимовки являются передовой техникой, так как ветродвигатель имеет все преимущества перед двигателями различных систем. Ветряк прост в работе, уход за ним несложен, и, кроме того, он требует незначительного количества низкосортных смазочных материалов. При работе ветряка весь обслуживающий его персонал не должен все время находиться около механизмов, достаточно каждые полчаса производить наружный и внутренний осмотр. После остановки необходим детальный осмотр всего сооружения, как на вышке, так и в нижнем редукторе, проверка динамомашины и зарядного щита.

За последние 150 дней наш ветряк выработал 4082 киловатт-часа электроэнергии, или 98,4 процента всей энергии, нужной для работы радиостанции и культурно-бытовых целей. В среднем за день вырабатывалось 3,4 киловатт-часа, но производственные возможности ветряка значительно выше. Максимальная выработка была 12 февраля — 112 киловатт-часов; в этот день ветряк проработал 14 часов при двух пусках. В январе он проработал 266 часов 10 минут, за тот же период двигатель марки «Журал» работал всего 1 час 50 минут. При наших ветровых возможностях выработку ветряка можно было бы еще увеличить, но это не входит в нашу задачу, так как мы, наоборот, стараемся экономить электроэнергию, чтобы продлить эксплуатационные возможности ветродвигателя.

Нам, советским полярникам, созданы все условия для научно-исследовательской работы во всех областях, нам дана первоклассная техника, к которой относится и ветродвигатель, использующий неисчерпаемые ресурсы ветровой энергии. Он зажег лампочку Ильича, внес культуру в быт зимовок, разбросанных в необъятных просторах Арктики.

Начальник станции *А. Савельев*

Механик *Я. Грика*

Ал. ВОЛЬСКИЙ

МАКАРОВ И ЛЕДОКОЛ „ЕРМАК“

Первое выступление

1897 год был годом арктических сенсаций. Фритиоф Нансен после знаменитого дрейфа на «Фраме», окруженный ореолом славы, разъезжал по Европе и агитировал за создание «Международного института исследователей Арктики».

Готовилась шестая полярная экспедиция американца Пири на север Гренландии.

В Италии герцог Абрुццкий снаряжал роскошную яхту. Описывая дорогие убранства яхты, газеты подчеркивали, что герцогу будут сопутствовать четыре альпийских гида. Уж с ними герцог завоеует полюс!

В Америке некий журналист Уэльмен клялся достигнуть полюса на сибирских лайках.

Тем временем какой-то предприимчивый делец в Тюмени завел бойкую торговлю сибирскими лайками, признанными авторитетом Нансена.

Северный полюс стал предметом домыслов, прожектерских исканий и досужих разговоров в салонах Старого и Нового света.

Последние семьдесят лет Россия не занималась Севером. Открытые поморами старинные пути в сибирские реки были заброшены. Проницательный взгляд Петра I на северные берега, где необходимо «стать твердой ногой», был забыт.

Но вот в Петербург явился шведский профессор Норденшельд и заявил, что его судно прошло из Тромсе в Енисей через Югорский Шар и Карское море.

Почти одновременно английский капитан Виггинс, отправившийся на розыски австрийской экспедиции, сообщил, что он свободно плывал мимо Вайгача.

Это было полной неожиданностью. Карское море казалось запертым на все ледовые замки, и плавание в Ледовитом океане было признано практически невозможным. Правда, на Север звал беспокойный Сидоров, но от него отмахивались, как от назойливого шмеля.

Степан Осипович Макаров

Тогда Сидоров обратился к английским пароходчикам, и те, подбадриваемые Виггинсом, повели свои корабли из Лондона в бухту Находка на левый берег Оби.

В том же 1897 году английская фирма «Франсис Лайборн Поппам» заключила договор с пароходной компанией на Оби «Курбатов и Игнатов» о спуске летом из Тюмени в бухту Находка 100 000 пудов груза. Взамен «Курбатов и Игнатов» получают для доставки в Томск или Тюмень привезенные пароходами Поппам английские грузы, главным образом чай.

Фирма Поппам заготовила для Сибири ходкий товар — кирпичный чай, причем рассчитала, что провоз ящика чая через Одессу или Петербург обходится 21 руб. 75 коп., а через Архангельск, Карское море и Обь от 7 руб. до 7 руб. 20 коп. Высокая страховка, связанная с рискованным плаванием, покрывалась низкими пошлинами, которые правительство устанавливало для этого «гиблого» пути.

От компании «Курбатов и Игнатов» фирма «Поппам» желала получить для английского рынка сибирский хлеб.

Так, в общем, обстояло дело на Севере, когда в один из мартовских дней 1897 года в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича собрался так называемый петербургский «высший свет». Вступительное слово взывало к патриотическим чувствам указаниями на «священную миссию» России в деле исследований Северного Ледовитого океана, но этот призыв никого не тронул. Собрание ожидалось, когда к кафедре подошел вице-адмирал Степан Осипович Макаров.

Стройный, широкоплечий, с прямым и ясным взглядом, Макаров был овеян романтикой морей и океанов. Голос его был груб. Движения резки. Его речь характеризовали острая мысль, широкий многосторонний ум, смелость суждений.

Макаров завоевал популярность своими трудами талантливого самоучки. «Незнатного происхождения, без «связей», без академического образования — Макаров стал известным моряком, благодаря своим выдающимся способностям и неустойчивому труду. 21-го года он придумал подводный пластырь для поврежденных кораблей. Юношей, мичманом, Макаров изобретал, разрабатывал технические корабельные новшества, писал научные статьи, читал лекции в Кронштадте, Николаеве, Петербурге.

Стационар российского посольства «Колхида» обыкновенно бесполезно стоял в Босфоре у Буюк-дере. Но вот командиром назначен Макаров. Он снарядил лодку, самодельные инструменты, остерегаясь дипломатических осложнений, тихонько выплывал на середину Босфора, изучая течения, и открыл закон об обмене вод Черного и Средиземного морей, разбил лжеученую теорию «нижних течений» английского капитана Спрата.

Плавание на корвете «Витязь» вокруг света не сулило обогатить науку чем-либо неизвестным, новым, но Макаров и здесь занимался исследовательской работой. Вышедшая затем его книга «„Витязь“ и Тихий океан» приобрела громкую популярность.

Много энергии этот пытливый человек отдавал вопросу остойчивости и непотопляемости судов. Он выступал про-

тив «броненосных» идей, в защиту легкого, подвижного маневренного военного флота.

Будучи главным инспектором морской артиллерии, Макаров ввел в употребление бездымный порох Менделеева, снаряды с колпачками, патронные пушки, бсевые указатели и многое другое.

Но Макаров, оставаясь одним из лучших адмиралов русского флота, продолжал ревностно заниматься научными вопросами, и Академия наук смело могла бы сказать про него: «Наш адмирал».

Собрание во дворце великого князя Константина Константиновича было созвано по инициативе Макарова. Он говорил:

— Дело ледоколов зародилось у нас, в России. Впоследствии другие нации опередили нас, но, может быть, мы опять сумеем опередить их.

Макаров рассказал о Бритневе.

Было это в 1864 году. Кронштадт зимой обледевал. Жизнь замирала. В распутицу островной Кронштадт совершенно отрезало от материка.

По указаниям Бритнева, в 1864 году был перестроен буксирный пароход «Пайлот». Нос судна сделали отлогим, чтобы он мог легко взбегать на лед и продавливать его. Расчеты Бритнева оправдались. «Пайлот» ломал на рейде лед. Потом Бритнев перестроил таким образом буксир «Бой». Эти два парохода и держали сообщение между Кронштадтом и Ораниенбаумом осенью, пока не устанавливался надежный санный путь, и весной, когда езда по льду становилась опасной.

Суровой зимой 1871 года порт Гамбург заковало льдом. Фабриканты и пароходчики обратили свои взоры к Кронштадту. К Бритневу приехали немецкие инженеры поучиться ледокольному искусству. Бритнев отдал немцам чертежи ледокола. Гамбург построил свой ледоколы и с тех пор поддерживал навигацию в порту круглый год. За Гамбургом выстроил портовый ледокол Любек. Появились ледоколы и в Америке на замерзающем озере Мичиган.

А на родине ледоколов северные русские порты оставались запечатными на всю зиму. Дело Бритнева осталось небольшим местным делом Кронштадта.

Но рост капитализма в России вызвал оживленную деятельность в русских портах на Балтике. Расширялась внешняя торговля, усилилось плавание пароходов. И все это зимой замирало.

Так обстояло дело к тому времени, когда высокопоставленное общество собралось слушать доклад Макарова.

— Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столько, сколько Россия, — говорил Макаров. — Природа заковала

наши моря льдами, но техника дает теперь огромные средства, и надо признать, что в настоящее время ледяной покров не представляет более непреодолимого препятствия к судоходству.

Что предлагал Макаров? Не просто скопировать маленький «Пайлот» или мичиганский ледокол, а строить совершенно нового типа мощные ледоколы, чертежи которых были Макаровым приготовлены.

Для чего нужны такие мощные ледоколы?

— Открыть для навигации Петербург на зиму. Проложить путь по Ледовитому океану на Обь и Енисей.

Кроме того, Макаров заявил, что изучение Ледовитого океана, подчинение его практическим задачам должно быть национальным делом русских. Это значит, что русские исследователи должны идти в одном ряду с Нансеном, Андрэ, Пири на штурм Северного полюса.

— К Северному полюсу напролом!

Такова основная мысль доклада Макарова. Он предлагал построить два ледокола, которые, по его расчетам, смогут форсировать льды Полярного бассейна и в 12 дней от Шпицбергена достигнуть полюса. Чтобы обеспечить корабли топливом для обратного пути, придется брать с собой транспорт с углем.

Тут же, на основе данных плавания «Фрама» и «Жаннетты», Макаров доказывал, что морские льды слабее речных, пресноводных, что в Арктике нет ледяных гор, что ледяное поле поборимо, что три четверти Арктики покрыты льдами и одна четверть водой и где-то существует легендарная «великая полынья», которая облегчит плавание к полюсу.

— К Северному полюсу напролом!

На следующий день в газетах на последних страницах появились набранные петитом сообщения о собрании в Мраморном дворце и о докладе Макарова. Газеты совершенно не упоминали о полюсе, а говорили о чисто-практических целях применения макаровского ледокола.

Мысль о новом типе ледокола возникла у Макарова не случайно. Он не видел препятствий к сооружению судна с отлогими боками и носом, под которым, согласно американской практике, должен быть винт. Назначение этого носового винта — разрушать торосы. Каким образом? По некоторым наблюдениям торос у основания под водой рыхл, сцеплен непрочно. Когда работающий «вперед» носовой винт подсосет струю воды из-под тороса, основание его распадается. Если торос все-таки удержится, тогда нужно пустить винт

«назад», и вылетающая с силой струя (при трех работающих вперед кормовых винтах) должна потрясти и расшатать торос, остальное довершит отлогий нос корабля.

В проекте макаровского ледокола был ряд новшеств и усовершенствований, которые позволяли рассчитывать, что судно будет успешно бороться с арктическими льдами.

Когда Нансен собирался в свой дрейф через Полярный бассейн, Макаров послал ему письмо, в котором просил оставлять знаки всюду, где только можно, чтобы, в случае неудачи Нансена, легче было организовать его поиски.

«По моему мнению, уже в 1894 году следовало бы послать небольшой крепкий палубный баркас и провизию на Землю Франца-Иосифа. Если Нансен войдет во льды у Новосибирских островов, то его, вероятно, понесет к Земле Франца-Иосифа», писал Макаров.¹

Работа в военном флоте отвлекла Макарова от идеи мощного ледокола, да и внешние обстоятельства не способствовали выступлению с этой идеей в те годы. И вот Макаров придал ей чисто коммерческое направление, стремясь таким путем ее осуществить.

Хотя в петербургских кругах и носились самые фантастические слухи о макаровском ледоколе и его идее «похода к полюсу напролом», печать проявляла умеренность.

Морское министерство, признавая за ледоколом неоспоримую ценность, ответило категорическим отказом в ассигновании средств на его постройку.

Дело попало к министру финансов Витте. Адмирал Макаров был для Витте лицом авторитетным. Дело казалось явно выгодным и оправдывающим затраты. Конъюнктура складывалась так, что потребность в ледоколе, по крайней мере для портов Балтики, не вызывала сомнений. А что касается полюса, то с этим «пождут».

Витте предложил Макарову пойти летом через Карское море на Енисей, чтобы убедиться в правильности своих выводов и экономически обосновать постройку ледокола. Однако морское министерство для этого плавания отказалось предоставить судно Макарову.

Тогда Макаров взял отпуск и поехал в Вардэ, где рассчитывал подождать прихода судов фирмы «Поппам» и с ними двинуться через Карское море.

В Стокгольме он заехал к Норденшельду, изложил ему свои планы по-

¹ С. Макаров, «Ермак» во льдах, стр. 45.

стройки ледокола и получил полное одобрение.

Потом Макаров плывал из Гаммерфеста в Адвент-бай с Свердрупом, бывшим капитаном «Фрама». Свердруп также одобрил соображения насчет конструкции ледокола.

Макаров беседовал с китобоями, тюленебоями, полярными капитанами и моряками и убеждался в правильности своих выводов.

На одном из пароходов «Поппама» Макаров пересек Баренцево и Карское море. Поднялся вверх по Енисею.

Осенью 1897 года Макаров вернулся в Петербург, подкрепленный в своих доводах. Тогда была образована при министерстве финансов техническая комиссия, в которую вошел и Дмитрий Иванович Менделеев.

К участию в строительстве ледокола комиссия пригласила несколько иностранных фирм. Объявили конкурс.

В декабре 1897 года одобренные Макаровым чертежи были отправлены в Эльсвик близ Ньюкаста на завод Армстронга, которому был дан заказ на постройку ледокола.

„Ермак“ идет к Кронштадту

В меру своих служебных возможностей Макаров часто бывал в Ньюкасте на заводе Армстронга. Он входил во все детали постройки судна и вводил ряд усовершенствований.

Англичане проявили живейший интерес к постройке ледокола и его идее. Макаров был приглашен в Эдинбург, где прочел несколько лекций. Ученые Великобритании отнеслись к высказываниям Макарова со всей серьезностью.

О ледоколе появились серьезные благоприятные статьи и заметки в толстых научных журналах.

Повторилась менделеевская история. Менделеев, как известно, также получил признание впервые в Англии, а не в России.

28 сентября 1898 года жена капитана Васильева, по старому английскому обычаю, разбила бутылку шампанского о форштевень медленно сползающего со ступеней ледокола и тут же назвала его «Ермак». Макаров в то время был в Кронштадте и по телеграфу приветствовал спуск ледокола...

Утром 21 февраля 1899 года адмирал приказал командиру судна Васильеву поднять сигнал об отходе.

В полдень ледокол дал отходные гудки.

Корабль шел с одним кормовым винтом, Макаров предусмотрительно давал возможность команде осваиваться с иностранными машинами.

Вечером 28 февраля, на меридиане Ревеля, с мостика заметили кромку льда. Судно остановили. Решили переночевать: мало ли какие сюрпризы может преподнести ночь. Рано утром следующего дня Макаров взял управление кораблем в свои руки.

Со скоростью 7 узлов судно врезалось во льды. Корпус слегка вздрагивал. Раздался треск ломающегося льда. Громкие льдины выскакивали из-под обводов и, как бы ораженные, ложились недвижимо на ледяное поле. За кормой чернела гладко прорезанная дорога, мелкие льдины словно кипели под кормой.

На траверзе острова Гогланда ход ледокола стал медленно затухать до тех пор, пока судно не остановилось. Здесь было очень плотное ледяное поле.

Тогда Макаров приказал накачать воду в носовую часть, чтобы раздвинуть лед. Это было сделано. Потом воду перекачали в корму и нос освободили.

На подступах к Кронштадту у Толбухина маяка судно приняло лоцмана.

«Мне первый раз случилось видеть, что лоцман подъезжает вплотную к борту на лошади», записал в судовом журнале Макаров.¹

Переночевав у маяка, 4 марта «Ермак» на виду у Кронштадта пошел к рейду, сокрушая плотно устоявшиеся льды. Солдаты гарнизона, матросы, обыватели на саях, буэрах, пешком бежали навстречу ледоколу.

Кронштадт поднял сигнал: «Поздравляю с успешным приходом».

«Ермак» ответил: «Благодарю».

У входных бочек с борта ледокола раздался салют в 21 выстрел. Кронштадт ответил тем же.

В 2 часа, словно по чистой воде войдя в гавань, ледокол ошвартовался рядом с броненосцем «Полтава».

4 марта 1899 года Российское телеграфное агентство известило мир:

«Кронштадт, 4 марта. Сегодня ледокол «Ермак» в 2 часа дня свободно вошел в гавань. Длина ледокола 305 фут., водоизмещение 8000 тонн, сила машин — 6000. Ледокол встретил сплошной лед от Ревеля и шел по 8 узлов в час».

Поскольку «Ермак» может давать выход к открытому морю зимнему Кронштадту, он представлял собой грозную единицу.

Приветствия Макарову неслись со всех концов.

Предприимчивые фотографы тысячами экземпляров распространяли снимки ледокола. Всем хотелось посмотреть, что это за корабль.

¹ С. Макаров, «Ермак» во льдах, стр. 179.

Одной из петербургских газет было напечатано «Письмо в редакцию».

«Ледокол «Ермак» подошел к Кронштадту, — говорят мне две телеграммы: от адмирала Макарова — с «Ермака» и от адмирала Кознакова из Кронштадта. Обе отмечены 3-м марта и седьмым часом вечера. Победа эта «Ермака» над льдами первая. Дождемся, бог даст, и еще более осязательных, никого не обижающих, а славу Макарову и России дающих.

Д. Менделеев

3 марта».

Еще не закончилась разгрузка взятого из Ньюкастля угля, как «Ермак» получил телеграмму Ревельского биржевого комитета, просившего Макарова помочь одиннадцати коммерческим пароходам, затертым льдами.

Макаров повел ледокол к Ревелю. Он подошел к бедствующим пароходам, форсируя тяжелые набивные льды. «Ермак» вывел их к Ревелю. Пароходы, следуя по оставляемому ледоколом каналу, часто застревали, в особенности на резких углах поворотов.

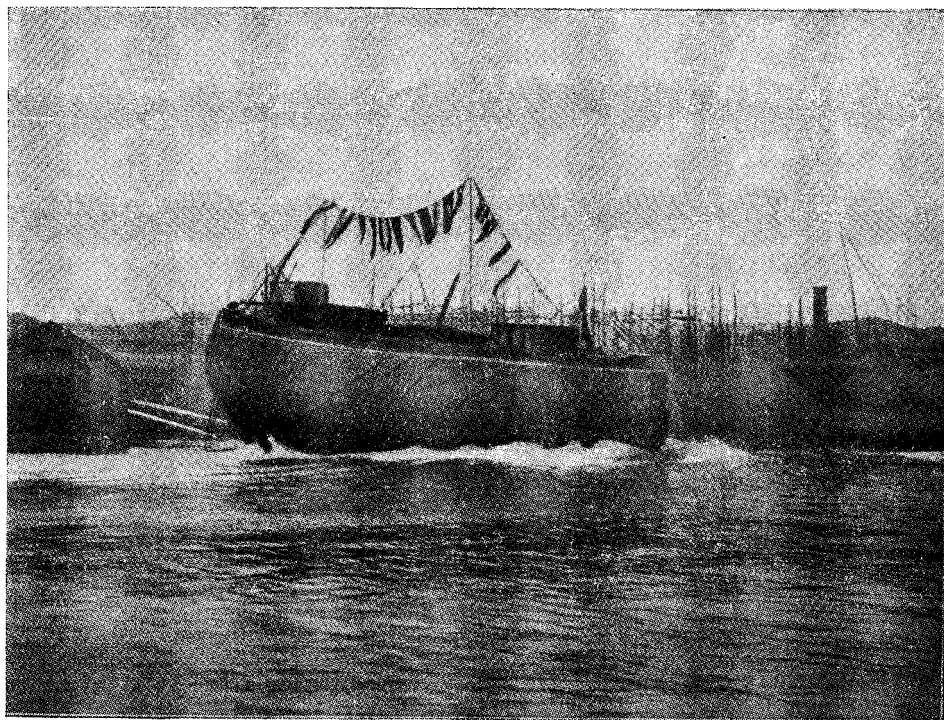
11 марта на заседании Петербургской думы обсуждался вопрос о встрече «Ермака».

Председатель «Северной комиссии» Глуховский предложил думе чествовать Макарова торжественным раутом от города. Он говорил о «новой эре», наступившей для петербургской торговли с приходом «Ермака», о «победе человека над природой» и о прочих красивых вещах. Генерал Дурново нашел чествование Макарова раутом все же чрезмерным. Гласный Шульц внес компромиссное предложение: ввиду великого поста чествовать Макарова молебном и поднести ему хлеб-соль.

На том и порешили.

День 7 апреля был для Петербурга действительно историческим днем. «Ермак» вошел в Морской канал наперекор слухам о том, что ледокол якобы не сможет, из-за своей глубокой осадки, пройти по каналу. Да и сам Макаров побаивался в узком фарватере попасть на мель.

Все обошлось благополучно. «Ермак» гордо подвигался к Николаевскому мосту. Его монументальный корпус, уже испытывший льды Финского залива, легко крушил некрепкий лед Невы.

Спуск ледокола „Ермак“ в доках Ньюкастля
28 сентября 1898 года

Макаров сошел на берег.

На приветствия он неизменно отвечал:

— Ледокол еще ничего не сделал.

Изо дня в день газеты пестрили заметками о «Ермаке» и Макарове. Ни одно российское судно не вызывало такого всеобщего внимания. Между тем, в Петербурге появились слухи о том, что Макаров получил разрешение осуществить свою давнюю мечту — пойти к Северному полюсу напролом.

В мае 1899 года петербургская печать заговорила о том, что «Ермак» идет к Северному полюсу.

Макаров резко отстранил всякие попытки превратить опытное плавание ледокола в помпезное шествие к полюсу. Он боялся дискредитации своей идеи. Ледокол оправдал его теоретические доводы во льдах Финского залива, но как он себя поведет в полярных льдах, еще неизвестно.

Возня печати, споры и кривотолки в различных кругах Петербурга заставили Макарова обратиться в министерство финансов — в ведении которого находился ледокол — с официальным письмом о целях плавания «Ермака» в Арктику. Приводим это письмо:

«Предприятие Норденшельда не было столь рискованно, как может быть плавание «Ермака» к Берингову проливу, даже под сибирским берегом. Он отправился Северо-восточным проходом на мелководящем судне, которое может идти под самым берегом, избрав прибрежный путь, пользуясь тем, что тяжелые льды садятся на мель и потому не доходят до берега. Неблагоприятный исход его экспедиции мог быть лишь тот, что он был бы где-нибудь остановлен льдами на несколько лет, и даже в таком случае ему не угрожала катастрофа. Весь северный берег Сибири населен; Норденшельд имел собак, и, следовательно, была возможность войти в сношения с местными жителями и получать от них помощь своему малочисленному личному составу. Зазимовав во льдах, неподалеку от Берингова пролива, он действительно вошел в сношения с чукчами и не был отрезан от сообщения с остальным миром...

В совершенно иных условиях находится «Ермак». По своему углублению он не годится для прибрежного плавания, где открытая вода, идти же льдами лучше вдаль от берега, где нажим льда не столь значителен...

Если бы Норденшельд бросил свое маленькое судно и сошел на берег, то его встретили бы как героя, если же я брошу «Ермак», то меня за это не поблагодарят. Людей, сошедших на берег в числе 20 человек, можно приютить и

прокормить, но труднее сделать то же относительно 110 человек...

По всем вышеизложенным причинам «Ермаку» следует идти в северные широты с таким расчетом, чтобы оставалась полная возможность вернуться назад тем же путем, и я полагаю придерживаться именно этого правила...

Вот причины, по которым я считаю маловероятным, чтобы «Ермак», отправляясь один, без другого ледокола, мог прямо пройти в Тихий океан. Для этого надо, чтобы полярные льды не представляли никакого сопротивления, тогда как по моим расчетам, на основании которых проектировался «Ермак», полярные льды представляют значительное сопротивление, и будет неудивительно, если один ледокол, не справится с задачей, которую я предназначил для двух».¹

Какой маршрут наметил Макаров?

В конце мая «Ермак» выходит с полным запасом угля из Ньюкастля в Екатерининскую гавань. В начале июня он направляется отсюда в Карское море пробовать льды и проводить английские коммерческие пароходы к устью Оби. Затем ледокол проследует к устью Енисея, установит знаки на острове Белом и низменных берегах Карского моря.

Это плавание должно было проверить как ледокол, так и ледовитость Карского моря для определения сроков навигации.

В то время Академия наук снаряжала экспедицию на Шпицберген. Эта экспедиция должна была совместно со шведами заняться измерением градуса меридиана.

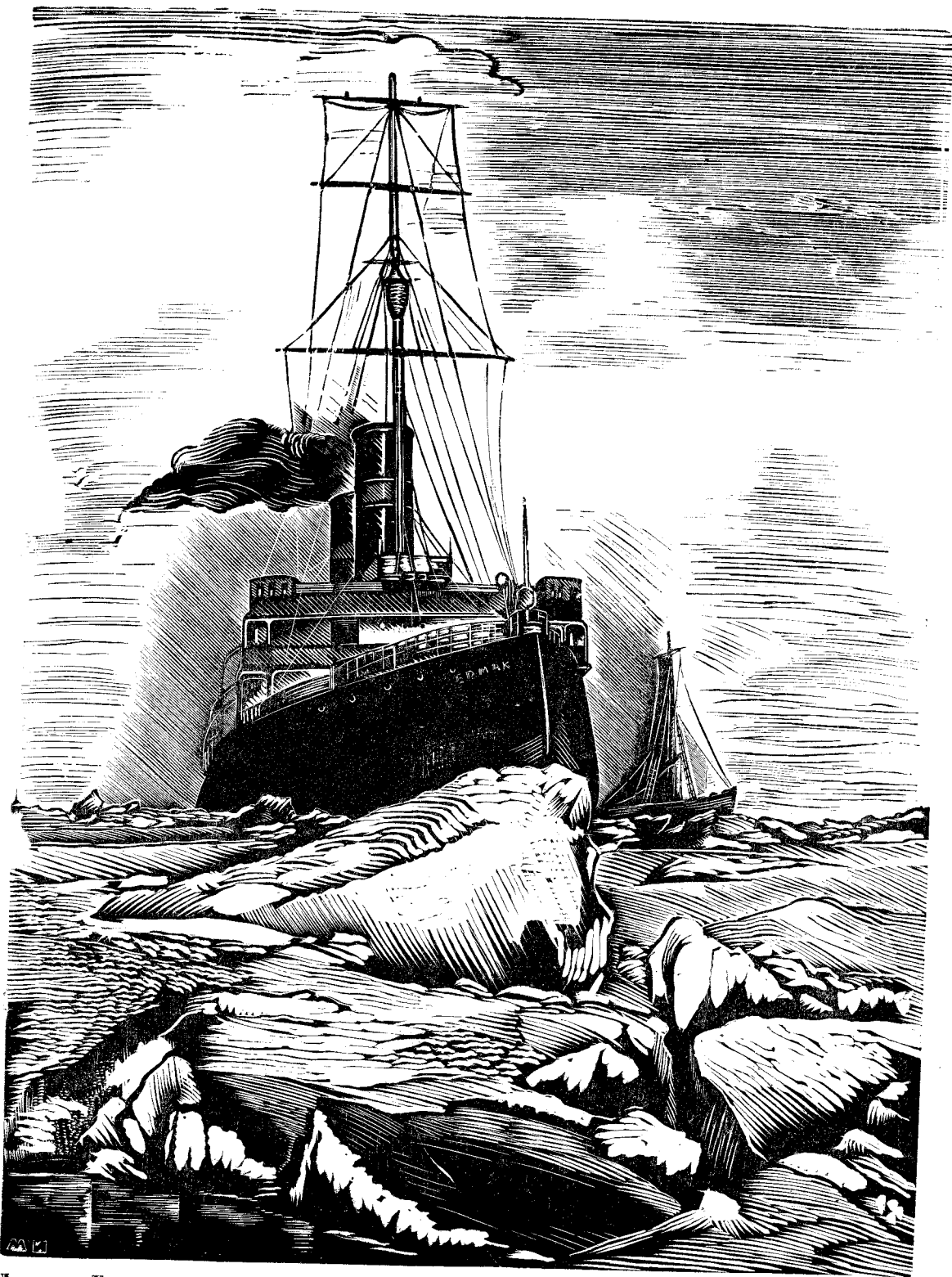
Макарову предложили включить в свой маршрут доставку «градусной экспедиции» из Тромсе в Стур-фиорд, обычно забытый льдами.

Когда «Ермак» в назначенное время пришел в Тромсе, там градусной экспедиции не оказалось, она запоздала. Люцман-норвежец Ольсен, принятый на борт в Тромсе, категорически заявил, что из-за подводных камней, положение которых не исследовано, Стур-фиорд будет недоступен для «Ермака». Макаров тогда телеграфировал в Петербург, что в Стур-фиорд не пойдет.

Сборы «Ермака» в полярное плавание были торопливы.

Чиновники из министерства финансов крохоборчески срезали из ассигнованных средств, и если бы не авторитет Макарова, его изобретательность и предприимчивость, экспедиция выглядела бы так же жалко, как и все русские экспедиции, снаряженные на «высочайше дарованные средства».

¹ С. Макаров, «Ермак» во льдах, стр. 229.

Ледокол „Ермак“ во льдах

Гравюра на дереве М. Иноземцевой

Снаряжение и паек для команды были далеко не полярные, а сугубо «солдатские». Но бытовая устроенность экспедиции была вне всякого сравнения с прежними экспедициями. Макаров спланировал внутреннее расположение бытовых и служебных помещений так, что они для того времени казались роскошными. Особое внимание обращалось им на организацию базы для научных работ. На ледоколе имела даже фотолаборатория, так как Макаров придавал большое значение фотосъемкам для научной работы. В Ньюкасте он закупил несколько фотоаппаратов. Что же касается чисто научной вооруженности, то на ледоколе имелись все существовавшие в те времена приборы для изучения льдов, течений, гидрологии, астрономических определений и т. д.

По настоянию Макарова, министерство финансов зафрахтовало небольшое вспомогательное судно «Virgo». Опыты с радио, в те времена, только начинались, Макарову же нужно было иметь связь с Большой землей. Только этой задаче служил «Virgo».

Макаров взял на борт ледокола несколько научных работников.

Из-за малочисленности научной части экспедиции, роли и обязанности между участниками ее были распределены так, что врач совмещал свои обязанности с работами по биологии, топограф с гидрологическими работами.

Отказавшись от операции с градушной экспедицией, Макаров немедленно снялся из Тромсе и пошел в Адвент-бай. Этот курс и вызвал бешеные нападки на него петербургских кретинов.

Зачем, в самом деле, Макаров внезапно изменил маршрут плавания «Ермака»? Ведь он должен был идти на Восток через Югорский Шар в Карское море, а направился на север к Шпицбергену? Главная причина — это практическая проверка ледокола в настоящих льдах. Макаров выбрал самый трудный путь к северу от Шпицбергена, в Гренландском проливе, где еще Нансен наблюдал огромное скопление тяжелых льдов. В случае удачи на этом участке можно было бы направить ледокол и в Карское море.

Плавание к Тромсе и дальше в Адвент-бай ничем особенным не было примечательно. Выдержав девятибалльный шторм, Макаров с удовольствием отметил хорошую остойчивость судна.

Начиная с Тромсе Макаров в определенных пунктах закладывал станции.

За 78 параллелью в предчувствии близкой встречи со льдами вахты усилили.

8 июня в 5 часов утра командир Васильев разбудил Макарова.

— Лед. Машины застопорены. Стоим кормой против ветра.

Изморозь. В молочном тумане льды кажутся размытыми.

Все высыпали на палубу. Прикидывали на-глаз крепость льдов. Оглядывали судно, словно спрашивая у него: хватит ли сил?

Макаров дал малый ход и повернул ледокол вдоль кромки льда. Самым тихим ходом ледокол, поднимая буруны, осторожно коснулся кромки, словно нацеливаясь. Льды расступались медленно, как шлюзовые ворота, и пропускали ледокол. Те, что становились поперек его пути, легко трескались и разламывались.

Ледокол врезался в громадные поля, постепенно увеличивая ход.

Через $\frac{3}{4}$ мили судно остановили. Решили заложить станцию. Осмотреться. Приготовиться к новому натиску.

В полдень двинулись опять вперед и хорошо пошли, но удары были сильные. Было ясно, что для винта полярный лед не по зубам, да и не нужен ледоколу носовой винт.

Ночью Васильев развернул во льдах ледокол и взял курс на юг. Макаров решил идти в доки, подкрепить судно и снова двинуться во льды.

Двенадцатизуловым ходом «Ермак» шел прямо к Ньюкасту без захода в Адвент-бай и Тромсе. И в то время, как он ошвартовывался у доков Армстронга, в Петербурге поднялся вой.

Стая газетных шавок, сорвавшись с цепи, кинулась на Макарова. Делалось это, конечно, вежливо и деликатно, потому что Макаров был одним из крупнейших моряков, к которому с уважением относились за границей.

Началось с письма руководителя «градушной экспедиции» Чернышева, который прислал в «Правительственный вестник» оскорбительное письмо, сообщавшее, что Макаров, якобы, беспричинно отказался доставить экспедицию в Стур-фиорд.

По указке биржевых комитетов зашевелились пароходовладельцы, которых Макаров вызволил из беды под Ревелем. Они подали иск на Макарова, обвиняя его в том, что шедшие вслед за «Ермаком» коммерческие пароходы получили повреждения. Доводы пароходчиков были прямо смехотворные: «зачем шел на выручку; если бы не приходил, может быть изменился бы ветер, и пароходы вышли бы на чистую воду».

Мелкие повреждения некоторые пароходы действительно получили. Один из стареньких пароходов, затертый льдами, на виду у Макарова, когда он спешил к нему на помощь, пошел ко дну. Макаров заявил, что капитан намеренно потопил судно для получения страховых.

Юркий репортер «Петербургской газеты» добился свидания с Менделеевым. Великий ученый горько переживал разномолвку с Макаровым, которого он уважал, но и не мог простить ему отклонение своего плана. Что предлагал Менделеев? Провести коммерческие пароходы на Обь и Енисей, вернуться в Ньюкастль, взять двухмесячный запас угля и прямо оттуда двинуться через Северный полюс к Берингову проливу. Репортер назойливо допытывался, действительно ли Менделеев считает плавание «Ермака» безнадежным предприятием:

«Нет, нет, не спрашивайте. Не скажу. Имейте в виду следующее. Я с адмиралом Макаровым не ссорился, я просто увидел, что при таких обстоятельствах, при такой обстановке серьезного дела не может быть — и ушел».

Газетка «Свет» выступила с заявлением:

«Никто не предполагал, что «Ермак» пойдет к Северному полюсу, чтобы бороться с его льдами. Если бы даже и можно было побороть льды северной шапки земного шара, то какая в том практическая польза?»...

Черносотенное «Новое время» вторило ей:

«Неудача «Ермака», который должен был отступить при встрече со льдами Ледовитого океана, немного озаботила сибирское купечество и лиц, заинтересованных в его опытах со льдами. Успехи его в Балтийском море, около Кронштадта, Риги и уверения и брошюры почтенного вице-адмирала Макарова, доказывающие, что это полуторамиллионное судно может помочь в трудные годы Северному морскому пути, таким образом рушились».

Это лето в Арктике было очень тяжелое. Льды загромождали Югорский Шар, и английские корабли, следовавшие с грузами в бухту Находка, вынуждены были вернуться. Перед фирмой «Поппам» стала дилемма: либо везти груз чая для Сибири обратно в Китай вокруг света, либо объявить себя несостоятельной. Фирма предпочла последнее. Биржа чернила Макарова, считая его виновником банкротства английской фирмы.

Между тем, «Ермак», подкрепленный в доках Ньюкастля, со снятым передним винтом, уже снова полным ходом шел на Север. Зайдя в Адвент-бай, он принял от «Virgo» почту, и Макаров прочел в отечественных газетах бранные статьи о «Ермаке».

Это не остановило его. Он передал капитану «Virgo» мареограф, научил, как им пользоваться, и распорядился установить на Шпицбергене в условленном месте «вековую марку» с надписью

«Ермак». Затем Макаров опять двинулся во льды.

В тяжелых сплошных льдах «Ермак» прошел 234 мили. Непрерывно велась научная работа. Были собраны ценные материалы. Но в нескольких минутах от крайней точки дрейфа «Фрама» ледокол с разбега ударил в перешеек особенно крепких льдов. Главная сила удара пришлась по левой скуле. Корабль ударялся со всей силы о льдины. Наконец он остановился. Спустившийся в носовой трюм механик донес, что ниже ледового пояса в левой части пробоина. Немедленно были задраены отсеки. Двигаться дальше и форсировать льды «Ермак» уже не мог.

Пока механики откачивали помпой воду, подводили пластырь и устанавливали распорки, Макаров принялся за изучение причин пробоины. Он нашел ее — единственная по корпусу вертикальная линия была в том месте, где выходил носовой винт. Эта линия приняла целиком на себя сильный удар и не выдержала.

Над Арктикой быстро спускалась осень. «Ермак» благополучно выбрался изо льдов и пошел на юг, в доки Ньюкастля.

Макаров решил целиком переделать нос корабля, который должен не только давить льды, но и свободно раздвигать их. Передний винт Макаров решил снять совсем.

В тот день, когда Макаров, ничего не утаивая, по телеграфу отчитывался о своем плавании в полярных льдах, к хору газет присоединилась Петербургская городская дума. Шли дебаты, ставился вопрос: на каком основании Макаров изменил маршрут своего плавания на «Ермаке»?

Едва Макаров прибыл в Кронштадт, как к нему явился специальный корреспондент газеты «Россия». Произошел такой разговор:

— Плавание «Ермака» в Ледовитый океан вызвало страстные споры и обвинения. Вас обвиняют, что вы отказались провести суда шпицбергенской экспедиции в Стур-фиорд и, взяв на себя снабжение экспедиции углем, не исполнили этого, так как там оказался очень плотный лед?

— Меня обвиняют не только в том, что я не помог шпицбергенской экспедиции, но и в том, что я не провел коммерческих судов в Карское море. Кроме того, некоторым хотелось, чтобы я отвез художника Блинова в Маточкин Шар, чтобы я прошел вдоль берегов Ледовитого океана до Берингова пролива, а другие настаивали, чтобы я шел прямо к Северному полюсу. Одному ледоколу исполнить все это решительно невозможно. Поставку же угля я не мог брать

на себя. Делу придан оттенок совершенно неправильный.

— Говорят, ледокол так слабо построен, что он не мог выдержать ударов о более твердый лед?

— Не ледокол слабо построен, а лед чересчур крепко выстроен. И, вопреки общепринятому мнению, морской лед оказался труднее одолить, чем пресноводный.

— Полагаете ли вы возможным устранить недостаток ледокола и бороться дальше с полярными льдами?

— Вполне. Когда я высказывал мысль о возможности прокладывать силою машины путь через Ледовитый океан, большинство сомнительно качало головой. Говорили, что в Ледовитом океане корабль, как бы силен он ни был, будет так же бессилён, как муха, попавшая в сметану. Но мы прошли 234 мили в сплошных льдах.

Второе и последнее плавание Макарова в Ледовитый океан

Пока «Ермак» стоял в доке в Ньюкастле, петербургская пресса, устав от усердной брани, замолкла. Но осенью ледокол опять появился в Финском заливе, и разговоры о нем возобновились.

Зима 1900 года была неожиданно ранняя, биржи засыпали Макарова тревожными телеграммами с просьбой выручить застрявшие коммерческие пароходы. «Ермак» спокойно резал льды и делал свое дело. Тут произошло событие, заставившее Петербург снова проникнуться симпатией к ледоколу, признать в нем незаменимую силу.

В бурную снежную ночь выбросился броненосец «Генерал-адмирал Апраксин». Он крепко сел на камни у острова Гогланда, получив значительные пробойны. Зимой в окружении льдов броненосец мог бы считаться в безопасности, но ледоход неминуемо должен был раздавить его, либо увлечь с собой и потопить.

В Петербурге началось обычное «брожение умов». Выдвигались самые нелепые варианты спасения броненосца. Но кому-то пришла в голову простая мысль — обратиться за помощью к «Ермаку». И вот ледокол поступает в непосредственное ведение морского министерства. Так как дело запахло орденами, Макаров назначается главным командиром Кронштадта, а операции по спасению броненосца «Ермаком» поручаются адмиралу Рождественскому — будущему геро-руководителю эскадры, потопленной в Цусимском бою.

То была операция, которой еще не знала история мореплавания. По тяжелому январскому льду «Ермак» ходил из

Кронштадта к Гогланду и обратно, словно пароход местного сообщения летом. Ледокол доставил на остров разборные дома для экипажа аварийного броненосца, уголь, провиант, спасательные инструменты. Его встречали на Гогланде как корабль-освободитель.

26 января произошло еще два примечательных события. Остров Котка получил с Гогланда первую радиogramму русского изобретателя радио Попова. Эта радиogramма была о том, что передний камень из-под «Апраксина» удален. «Ермак» ушел в 4 часа за рыбаками, унесенными на льдине от острова Лавенсари.

Двадцать семь ревельских рыбаков грелись и обсушивались в кубриках «Ермака», когда раздался тревожный свисток. Все высыпали на палубу. Впереди стоял зажатый льдами крейсер «Адмирал Нахимов». На мачтах крейсера появился сигнал: «Можете ли провести меня через лед?»

Командир Васильев ответил: «Да».

Ледокол поравнялся с крейсером. Вести его сквозь льды — большой риск, тем более, что крейсер шире ледокола.

Васильев положил руль направо и полным ходом врезался в ледяное поле. За ним по каналу двинулся крейсер.

Командир крейсера сообщил в Петербург об этом случае и о блестящей работе ледокола. Тем не менее пресса опять распространила вокруг себя пустоту недомыслия. Командир крейсера слов не мог подобрать для благодарностей Васильеву и его ледоколу, а пресса обвиняла того и другого в том, что у крейсера в нескольких местах оказалась поврежденной медная и деревянная обшивка. Опять упреки строителю ледокола.

Всю зиму «Ермак», несмотря на тяжелые льды в Финском заливе, держал правильное сообщение с Гогландом, доставлял уголь и необходимые материалы на «Апраксин», на котором денно и нощно велись работы по раздроблению мелкими взрывами громадного камня, вошедшего на 15 футов внутрь корабля. Затем пробоина была заделана, после чего «Ермак» сквозь лед отвел «Апраксина» в безопасную бухту.

Макаров, погруженный в ответственные служебные заботы, находил время и для «Ермака». Этот корабль был его любимым детищем.

— Тут я отдыхаю. Тут я счастлив, — говорил он командиру Васильеву, всходя по трапу только что прибывшего из тяжелого рейса ледокола.

Ни Академия наук, ни Географическое общество не соизволили заслушать доклад Макарова о его первом плавании к северу от Шпицбергена. Всячески рекламируя работу «градусной экспеди-

ции», умышленно замалчивали громадный научный материал, добытый Макаровым.

Тогда Макаров устроил лекцию о плавании «Ермака» в Кронштадтском морском офицерском собрании. Лекцию читал командир ледокола Васильев.

Между тем фирма Армстронг по чертежам Макарова переделывала нос «Ермака».

В феврале 1901 года «Ермак», реконструировав носовую часть, пробился через льды и стал в Кронштадтской гавани. Макаров, прошедший его испытание, остался доволен.

Из Риги посыпались телеграммы от биржевого комитета:

— Застряли пароходы.

Макаров дал распоряжение Васильеву идти на выручку пароходов, одновременно телеграфировал Рижскому комитету:

«Во избежание недоразумений, я прошу обратить внимание заинтересованных лиц, что «Ермак» не берет на себя ответственности за какие-либо повреждения, которые могут понести проводимые через льды пароходы».

Сорок коммерческих пароходов освободил из льдов и провел в Ригу в течение февраля и марта «Ермак». Это заставило Петербург снова заговорить благожелательно о корабле. В мае появились слухи о сборах «Ермака» на Северный полюс.

На ледоколе действительно шли приготовления. В каюте командира появилась карта Ледовитого океана. Макаров собрал команду и задал ей вопрос: «Кто желает идти в экспедицию?»

Согласились все.

Чтобы прекратить неверные слухи об этой экспедиции, Макаров дал интервью. Он сам отказался от первоначальной своей идеи «к Северному полюсу напролом», но остается сторонником активной борьбы с полярным льдом для научных и практических целей. Вот для этого он и направляется в Арктику. Это будет проверка перестроенному ледоколу и научная экспедиция.

11 июня в 7 часов вечера Кронштадт проводил своего адмирала в арктическое плавание. «Ермак» уже был к тому времени в Тромсе. Он переправил «градусную экспедицию», продолжавшую свои работы, в Стур-фиорд и ждал Макарова.

Догнав ледокол в Тромсе, Макаров послал директору Главной физической обсерватории Рыкачеву письмо об окончательном маршруте экспедиции:

«Льды нынешний год слабы, — писал Макаров, — и повидимому все обещает добрый успех. Я ухожу из Тромсе к Нордкапу, оттуда к полуострову Адмиралтейства на Новой Земле. Этим кур-

сом до северной границы Гольфстрема; чтобы очертить ее положение... На полуострове Адмиралтейства оставим первое известие о себе — шест с надписью «Ермак», под шестом депо с провизией и письмо. Затем пойдем вдоль Новой Земли до мыса Ледяного. Если описать берега не отнимет много времени и угля, обогну Новую Землю до Маточкина Шара, где, повидимому, встречу Борисова или оставлю ему письмо у мыса Выходного. В противном случае от северных берегов Новой Земли пойду прямо к Диксону. Хочу решить, возможно ли этим путем плавать летом, как утверждал Варнек. Глубоководные исследования на этой линии дадут материалы для суждения о Карском море. На Диксоне поищу следы Толля, оставлю письмо и депо с провизией. Отсюда на остров Уединения, тоже оставлю депо и письмо. Если удастся, обойду Землю Франца-Иосифа с севера и возьму курс на истинный норд, пока льды и запасы угля позволят. Хочу на этом же пути осмотреть землю, которую видели в прошлое плавание... Если все будет успешно, то от острова Уединения направлюсь южным берегом Земли Франца-Иосифа, оставлю на мысе Флора депо и письмо. Если выберемся из льдов рано и угля хватит — пойдем на запад от Шпицбергена, изучим глубины Гренландского течения и профиль дна.

Каждые 50 миль я буду бросать за борт бутылки с письмом на ваше имя. Если встречу суда, буду передавать о себе известия».

Прошло несколько месяцев спокойного плавания «Ермака» в Арктике. Никаких официальных сообщений Петербургу Макаров не присылал. Но вот на горизонте появился дым «Ермака», и в Петербурге поползли слухи о его неудачном возвращении. Едва отдали якорь в Кронштадте, как к Макарову подлетел репортер из «Нового времени».

На следующий день газета оповестила Россию о том, что якобы Макаров заявил:

«Науке придется подождать с результатами экспедиции. Торговля же и теперь может получить категорический ответ — она должна забыть о водном пути на Севере, благо великий сибирский рельсовый путь к ее услугам».

Словом, Витте больше не намерен был субсидировать экспедиции «Ермака». Макаров это понял и не стал протестовать против лживых измышлений «Нового времени», борьба была бы бесполезна.

Как же в действительности обстояло дело со вторичным плаванием «Ермака»?

Первоначальный маршрут Макарова изменился из-за тяжелых ледовых усло-

вий. Макаров зашел в Варде, видимо, для того, чтобы точнее ориентироваться в обстановке. Затем направился к Новой Земле. Тут встретил старые набивные льды. Борьба была ожесточенной, но укрепленный ледокол выдержал ее. Встречались большие торосы. «Ермак» разрушал их и двигался вперед. Тяжелые льды не останавливали научных работ — была произведена опись берегов Новой Земли, во многих местах исправлены карты. Затем 5 рейсов было сделано от Новой Земли к Земле Франца-Иосифа. Когда льды пришли в движение, ледокол направился дальше на север от Земли Франца-Иосифа, но время уже было позднее, запасы угля на исходе — пришлось возвратиться.

525 банок живых организмов собрала экспедиция. Было сделано много других научных наблюдений. Борясь с более тяжелыми льдами, чем в первое плавание, ледокол не получил ни одного повреждения. Но Петербург отнесся ко всем этим несомненным достижениям равнодушно.

15 ноября Менделеев подал докладную записку Витте. В ней, излагая свои давние споры с Макаровым, он просил разрешения идти на ледоколе к Северному полюсу.¹

«Вы достаточно знаете меня, — писал Менделеев, — как естественный исследователь, чуждого мечтательности. Вы исходатайствовали у государя императора средства на постройку «Ермака» и на 3 экспедиции адмирала Макарова, а теперь приняли ледокол в свое заведывание. Ведь он, спасший от гибели 5-миллионный броненосец «Генерал-адмирал Апраксин», в сущности уже окупился, а потому не откажите еще раз попытать на «Ермаке» то, что давно занимает умы пытливых людей всего света. Ведь мною руководит лишь надежда на конце жизни еще послужить на славу науки и на пользу России в таком предприятии, где приобретенный опыт в жизни и в науке найдет полное применение».

Директор департамента мануфактуры торговли министерства финансов В. И. Ковалевский вернул докладную записку Менделееву с резолюцией:

«Не считая себя вправе, глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, ни оставить

эту записку у себя, ни тем более оставить в делах министерства».

* * *

Макаров погиб через два с половиной месяца после того, как его послали в Порт-Артур. Приняв командование, он быстро превратил сборище укрывшихся в гавани кораблей в стройную боевую эскадру, вдохнул в экипажи кораблей живую струю, личным примером приучил их к активным действиям и заслужил полное их доверие.

Но победить продажных генералов, шпионов, изменников, отсталость и косность царской России было невозможно.

Уезжая из Кронштадта, Макаров послал в Академию наук на имя Рыкачева новую работу по гидрологии с картами и письмом:

«Работа окончена, но еще бы раз ее следовало прочесть, между тем меня посылают срочно, и кто знает, что готовит судьба».

Это было последнее слово любимой науке отважного мореплавателя и пытливого исследователя. Вместе с Макаровым пошел на броненосце «Петропавловск» ко дну первый командир русского ледокола Васильев.

На Неве, против памятника Крузенштерну, в тот день стоял «Ермак», дымя своими высокими оранжевыми трубами. Он только что форсировал льды и пришел открывать Петербургский порт. В знак траура он приспустил флаг.

Это было 30 марта 1904 года.

Несколько позже морское министерство послало на убой вслед за адмиралом Макаровым и ледокол «Ермак». Вместе с армией Балтийской эскадры ледокол должен был следовать в Тихий океан в качестве буксира и минного тральщика. Он уже двинулся к Цусиме, но еще до позорного расстрела императорским флотом гульских рыбаков его вернули обратно в Кронштадт.

И «Ермак» сохранился до наших дней. Ему, родоначальнику русского ледокольного флота, доведется еще быть участником героических походов советских полярников, где флагманом выступит могучий, оснащенный самой передовой социалистической техникой, новый ледокол «Иосиф Сталин».

История «Ермака» в советское время заслуживает специальной статьи.

¹ Д. И. Менделеев, Докладная записка, Архив Ленинградского университета.

Т. КАРАБАЕВА

ПРОБЛЕМА ПИТАНИЯ В АРКТИКЕ

Московский Институт инженеров общественного питания — это учебное заведение, которое в своих лабораторных работах добилось больших научных результатов.

В светлой технологической лаборатории выстроился ряд газовых плит. По бокам плит стоят письменные столы с мраморными досками, — это рабочие места студентов. На каждом столе — точные весы. Сверкает красной медью ряд вакуум-аппаратов, в которых готовятся концентраты.

Здесь же в лаборатории выставка муляжей различных кушаний. Это сде-

лано с той целью, чтобы студенты могли видеть, как нужно с внешней стороны оформлять те или иные кушанья.

Институт инженеров общественного питания завоевал себе авторитет среди полярников своими концентратами, вкусными и питательными полярными пайками.

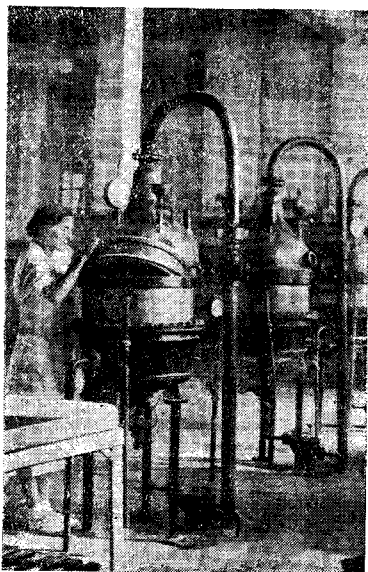
Институт этот не промышленное предприятие, а учебное заведение, которое своими лабораторными работами вырабатало необходимые для Севера концентраты. Брикетты щей и борща из свежих овощей, горохового супа, мясные и рыбные котлеты в порошке, витаминные сухари, бисквиты, конфеты и т. д. — все это изготавливается в институте.

Витамин «С» при доступе кислорода и при сильном подогревании пропадает. Например, в сушеных овощах, которые сушатся на воздухе или в обычных печах, витамин «С» исчезает; то же происходит при нормальной варке овощей. Поэтому институт производит свои брикетты и концентраты в вакуум-аппаратах, где воздух сильно разрежен и процесс кипения воды происходит при значительно пониженной против обычного температуре. При таком способе приготовления витамин «С» целиком сохраняется. Все продукты, заготавливаемые для Севера, институт витаминизирует.

Институт применяет для получения витамина «С» пчелиную хлебину, то есть пыльцу, которую пчелы приносят с цветов. Она содержит большой процент этого витамина и к тому же очень стойкого.

Витаминность в черной смородине оказалась даже выше, чем у лимона. Институт нашел новый способ изготовления варенья из черной смородины (консервирование ее в сыром виде), при котором витамин абсолютно не пропадает.

На Севере, особенно в районе Красноярска, очень много черной смородины,

Сушка концентратов в вакуум-аппаратах Института инженеров общественного питания

нужно только наладить ее сбор и массовое изготовление этого варенья, которое свободно можно будет снабдить весь Крайний Север.

С этой целью институт решил послать летом 1938 года специальную бригаду в район Красноярска, чтобы обследовать запасы смородины и выяснить, есть ли возможность создать там специальный совхоз.

Продукты, приготовляемые институтом для северных экспедиций, и в частности для станции «Северный полюс», заслужили полное одобрение полярников. В институте имеются отзывы гг. Папанина, Водопьянова, Молокова и других.

В Москве уже 7 лет работает другой научный институт — народного питания. Основные темы его исследований посвящены физиологии питания.

Проблеме питания в Арктике институт уделяет большое внимание.

Им были разработаны нормы питания для экспедиций, едущих на Север. За последние годы институт проверил их на практике и уточнил.

На 1938 год в план работ института включена новая тема — нормы и режим питания для людей, длительное время живущих в Арктике.

Для изучения на месте всех условий и показателей, которые дадут возможность разработать эти нормы, институт посылает бригаду, которая войдет в состав комплексной экспедиции на север Чукотки.

Бригада пробудет там целый год для наблюдений и в полярный день, и в полярную ночь. Выяснив влияние на человеческий организм природных условий Крайнего Севера, а также изучив питание коренного населения, бригада сможет установить наиболее рациональное питание.

Витаминный отдел Института народного питания выработал концентраты и препараты витамина «С», который предохраняет человеческий организм от заболеваний цингой. Теперь этими препаратами обогащаются конфеты, сухари и другие пищевые изделия, которые легко можно перевозить на дальние расстояния, так как они очень транспортабельны и не портятся от времени.

Н. ГЕОРГИЕВСКИЙ

БОРЬБА СО СНЕЖНЫМИ ЗАНОСАМИ В АРКТИКЕ

На сугробы снега между строениями полярных станций и на сильные заносы до сих пор смотрят как на неизбежное зло или как на полярную экзотику. Поэтому сугробам не придают особого значения и не изучают их.

Наш Крайний Север с каждым годом все больше и больше осваивается. В недалеком будущем на побережье Ледовитого океана возникнут большие поселения, хозяйства, плановая работа которых потребует ежедневных перемещений значительных материальных и людских масс. Тогда сугробы превратятся в большое зло, в препятствие, с которыми придется бороться, принимать меры к их уничтожению и предотвращать их возникновение. Если дорога, по которой пойдут не только собаки упряжки, но и автомашины, будет заноситься снегом, то возникнут перерывы сообщения. Вопрос защиты от заносов будет стоять ежегодно в течение пяти месяцев в году.

Поэтому теперь же нужно начать изучение метелей и методов ограждения отдельных строений и целых поселков от снежных заносов. Следует при этом использовать многолетний опыт Комиссариата путей сообщения и при нескольких полярных станциях организовать

специальные группы «снегоборьбы», которые будут вести работу по программе исследовательских снегозаносных станций НКПС.

Нужно разработать вопрос и о наиболее рациональной планировке поселков, так как сугробы всегда образуются в строгой зависимости от расположения домов и направления метелевых ветров.

Изучение этого вопроса можно начать в аэродинамической лаборатории. Искусственные заносы моделей поселка могут дать ценные указания относительно общего плана строительства и наиболее выгодных интервалов между зданиями, о зависимости интервалов от высоты зданий и т. д. Лабораторная работа над планом строительства облегчит устройство дополнительных защит от снега.

* * *

Во время зимовки на мысе Шмидта мною проводились работы в этой области. Зима 1934/35 года была малоснежная, но сильные пурги образовали значительные сугробы около строений полярных станций.

На рис. 1 дан план расположения сугробов вокруг строений на 18 декабря

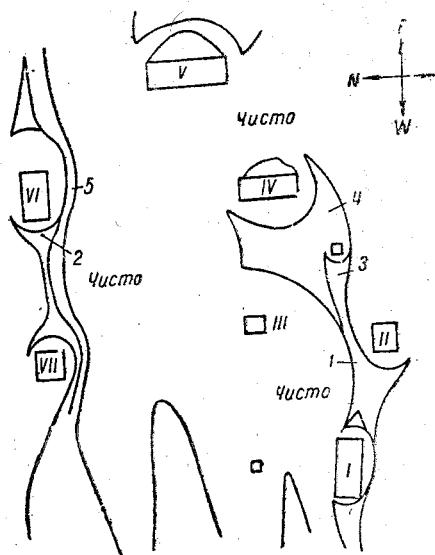

Схема расположения сугробов на полярной станции мыс Шмидта 18 декабря 1934 года

1934 года. В следующие месяцы сугробы, не нарушая своего расположения, расширялись и в конце концов покрыли почти всю территорию станции. Только дом III остался на чистом месте. Высота сугробов существенно не изменялась, в среднем она была от 1,5 до 3 м.

В эту же зиму у начатого постройкой ангара для самолетов вертикальные бруссы, поставленные в качестве основы, собрали возле себя сугроб высотой в 4—5 м, хотя они хорошо обдувались ветром.

Зима 1936/37 года была значительно более снежной. Поселок полярной станции сохранился почти без изменений, за исключением дома II, который был снесен, и его место оставалось незанятым.

Сугробы и в эту зиму расположились точно по схеме 1934—1935 годов, только из-за отсутствия дома II сугроб I пошел непосредственно по направлению к дому IV. Дом III попрежнему оставался незанесенным, хотя снежные массы придвинулись к нему, особенно с запада.

Входы во все наши дома обращены были на юг и сильно заносились снегом; северные же стены домов оставались незанесенными. Поэтому в этом районе правильнее выходы делать на север, — из сеней, пристроенных заподлицо со стеною дома.

Вокруг отдельно стоящих зданий не накапливаются снежные отложения, как

среди поселка, но и у них с подветренной стороны образуется сугроб, вплотную прилегающий к стене. Сугроб закупоривал у нас вход на актинометрическую вышку, и наблюдатели зачастую проникали на нее с крыши.

Мыс Шмидта находится в районе, где влажность воздуха и количество осадков небольшие. Поэтому и заносы здесь не так велики, как на других станциях. Например, в бухте Провидения сугробы бывают выше домов.

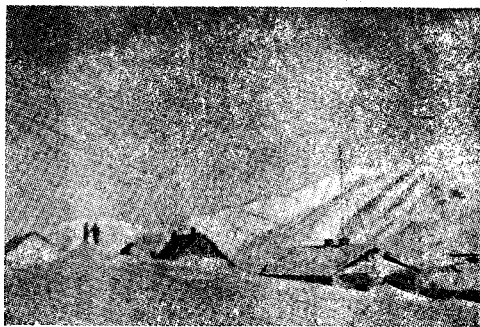
Если на самой станции мыс Шмидта сугробы в 1—2—5 м не вызывают особых неприятностей, то такие же сугробы у ангара очень мешали работе. Зимой 1936/37 года снег упорно заносил ворота ангара, и их систематически приходилось откапывать.

Борьба со снегом у ангара привела некоторых зимовщиков к мысли, что заносы ворот происходят от неправильного расположения всей постройки и если бы ангар был ориентирован на 5—10 градусов иначе, снег не задерживался бы и проносился дальше.

Высказывались и другие предположения, что заносы ворот ангара объясняются слишком большой длиной сооружения, вызывающей затухание ветра, идущего вдоль ангара. На месте затухания ветра, то есть у последней трети здания, и происходит занос.

Вопрос расположения ангара в условиях Арктики следует изучать при помощи модели ангара и аэродинамической трубы, которые установят точное расположение относительно метелевых ветров, укажут наибольшую длину здания, обеспечивающую его от заносов, и выяснят потребность в дополнительных защитах, предохраняющих аэродромы от сугробов вокруг строений.

К сугробам и заносам нельзя относиться безразлично, их нужно изучать и учиться бороться с ними.

Сугробы около построек в бухте Провидения

НЕЗАДУВАЕМЫЙ ФОНАРЬ „ПУРГА“

Бюро изобретений Главсевморпути одобрило для Арктики и Крайнего Севера изобретение т. Георгиевского — незадуваемый фонарь «Пурга». Этот фонарь гораздо удобнее и рациональнее, чем общепринятый фонарь «Летучая мышь». Испытания его на мысе Шмидта показали, что он гарантирует горение свечи при ветрах силой в 30—40 м/сек.

Устройство этого фонаря очень простое, зимовщики даже сами могут его

сделать из белой жести, по прилагаемым чертежам.

Фонарь делается квадратной формы (1); в рамку его плотно вставляется стекло и промазывается замазкой. Верхняя часть, горловина фонаря (2) — круглая. Диаметр ее немного меньше, чем ширина самого фонаря; через эту горловину опускают источник света внутрь фонаря. На чертеже показан фонарь со свечой, вставленной в подсвечник, прикрепленный к дну коробки (10). Размеры коробки должны быть несколько меньше отверстия горловины. Коробка удерживается в фонаре благодаря кольцу (9), напаянному на дно фонаря. Свеча вводится в фонарь при помощи ручки (12). Фонарь закрывается крышкой (3), плотно надвигаемой на горловину. На крышке имеются многочисленные отверстия, показанные на плане (рис. № 2), через которые выходит горячий газ. Эти вытяжные отверстия защищены сверху диском (4), связанным с крышкой ножками (5). Диаметр диска равен диаметру крышки. Свежий воздух поступает в фонарь через 4 небольших отверстия в дне фонаря (6). Эти отверстия защищаются пластинкой (7), по форме и по размерам соответствующей дну фонаря; пластинка также укреплена на ножках (8). Благодаря защите отверстий сверху и снизу ветер не может попадать в фонарь и задувать свет, он лишь скользит над отверстиями. Защитные пластинки (4 и 7) отстоят от защищаемых ими отверстий примерно на 7—10 мм.

Фонарь «Пурга» хорошо горит на ветру. В комнате же, при наклонной крышке, тяга фонаря недостаточна.

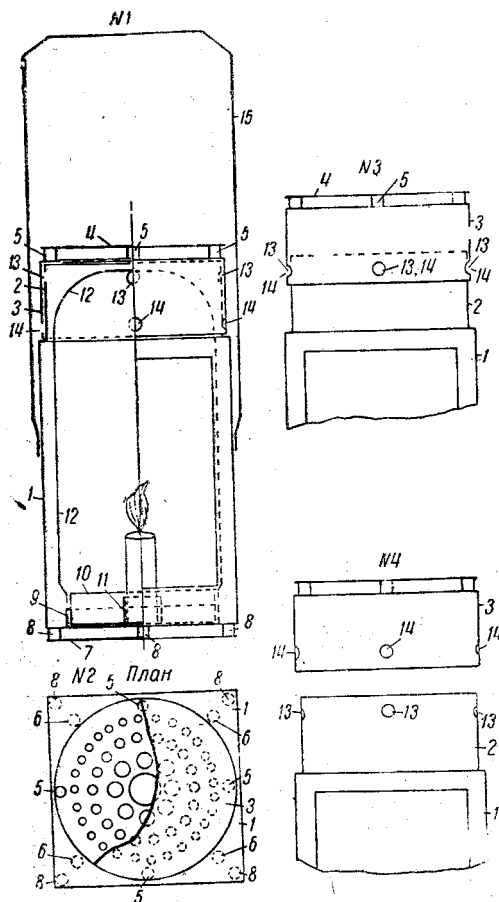
Чтобы пользоваться фонарем и в помещении, устроены дополнительные вытяжные отверстия (13) в верхней части горловины. Такие же отверстия имеются и в нижней части крышки фонаря (14).

При совмещении этих отверстий (13 и 14), как показано на рис. № 3, фонарь горит и в помещении.

На рис. № 4 показаны фонарь и крышка отдельно.

Для свечи размер фонаря достаточен 8×8×12 см, высота горловины — 4 см. Он может быть сделан любой формы и приспособлен также для керосиновой лампы.

Фонарь «Пурга» вполне пригоден для освещения приборов при метеонаблюдениях и при других работах на открытом воздухе.

Вертикальный разрез, план и детали незадуваемого фонаря системы Георгиевского

РАДИОСВЯЗЬ САМОЛЕТА

Зимуя в 1935 году на мысе Уэлен, наблюдая работу авиаотряда т. Павленко (мыс Шмидта), мы пришли к выводу, что существующая радиосвязь самолета с землей далеко не обеспечивает безопасности полетов даже в ближайшую ледовую разведку, не говоря уже о дальних полетах.

Возьмем такой пример. Луч радиомаяка острова Рудольфа, давая возможность ориентироваться при полете по прямой, теряет всякое значение в том случае, когда самолету необходимо уклониться в сторону для обхода циклона либо по другим причинам.

Радиопеленгирование с самолета тоже не дает должного эффекта: как правило, радиодевияция пеленгатора не устраняется, особенно на самолете, загруженном разными металлическими частями, которые увеличивают радиодевияцию, а следовательно и ошибки в пеленгации. Кроме того, радиопеленгация по одной радиостанции не дает возможности определить место вынужденной посадки самолета.

Определение места вынужденной посадки секстаном эффективно только тогда, когда отсутствуют туман и облачность и когда данные передаются по радио, т. е. когда радиостанция работает. Если же при вынужденной посадке радиостанция поломалась, то место посадки самолета для нас остается неизвестным.

Ниже я приведу несколько случаев вынужденных посадок, имевших место на Чукотке и на Ямальском полуострове. Эти случаи вынужденных посадок, анализ их последствий побудил автора в 1936 году на страницах журнала „Советская Арктика“ (№ 9) поставить вопрос об организации радиослужбы на Севере, если не обеспечивающей полностью безопасность полетов, то во всяком случае дающей возможность определить место вынужденной посадки.

В 1935 году при полете в ледовую разведку летчика Сургучева (из отряда Павленко, на мысе Шмидта) совершена вынужденная посадка на лед в Чукотском море. Полеты по розыску не дали результатов, экипаж после 42-дневного отсутствия считали погибшим. Оказалось, однако, что экипаж добрался до берега на мыс Биалингса.

Второй случай с летчиком Масленниковым из того же отряда. При полете из бухты Провидения в Анадырь самолет, сбившись с пути после блуждания в тумане,

совершил вынужденную посадку. Радиосвязь хотя и была установлена, но место посадки определить было нельзя, пилот не мог указать, где он сидит. Розыски велись и с воздуха и на нартах в течение 13 дней. Запас продовольствия кончился. Только благодаря т. Водопьянову Масленников был разыскан.

Летчик Прокопов, вылетев в ледовую разведку побережья от Уэлена до мыса Шмидта, заблудился и сделал вынужденную посадку на лед в Чукотском море вблизи селения Колучино; только близость берега помогла ему определиться.

Если эти случаи обошлись без жертв, то только потому, что полеты в ледовую разведку совершались вблизи берегов. Вполне естественно, что и сама ледовая разведка на близких расстояниях не давала должного эффекта караванам судов, ищущим чистую воду для своего успешного продвижения.

На основании личного опыта работы в радиоразведке я предлагаю: к существующим радиостанциям некоторых зимовок придать пеленгаторные радиостанции с тем, чтобы вовремя полета всегда держать самолет на двух пеленгах и в случае вынужденной посадки знать точно место его посадки.

Чем объяснить, что столь важная сторона радиотехники плохо была использована во время таких важных полетов, как, например, полет Леваневского из СССР в Америку через Северный полюс?

Управление полярной авиации Главсевморпути недооценивает значения береговых пеленгаторных радиостанций. К организации радиослужбы отношения явно пренебрежительное. Управление полярной авиации имеет в своем распоряжении лучшие пеленгаторные радиостанции, но они находятся в бездействующем состоянии.

Партия и правительство оказывают системе Главсевморпути огромную помощь и поддержку. Это обязывает нас ко многому. Пора уже работу полярной авиации, особенно на существующих северных линиях, поднять на высшую ступень. Управление полярной авиации Главсевморпути и радиослужба должны, наконец, принять решительные меры для организации четкого радиообслуживания на Севере — такой работы радио, которая бы исключала возможность повторения несчастных случаев.

Л. ФИЛАТОВ

ГАЗЕТА, ОТОРВАННАЯ ОТ ЖИЗНИ

В обстановке огромного подъема политической активности масс, нерушимого политического и морального единства советского народа, исключительной преданности партии Ленина—Сталина, великому вождю товарищу Сталину, проходили выборы Верховного Совета СССР.

Многому научилась, много накопила нового опыта в избирательную кампанию наша советская печать. Тысячи новых людей вне редакционного актива из рабочих, колхозников, интеллигенции тесно связались с печатью. Новые люди, до того не принимавшие участия в печати, выступали на страницах газет как агитаторы, беззаветно преданные партии Ленина—Сталина.

Избирательная кампания показала, как велики повсюду резервы народного актива, откуда следует черпать газетам рабселькоровские кадры, кадры работников печати.

Каждая редакция обязана была закрепить и расширить достижения печати в избирательную кампанию, еще теснее связать свою газету с массами.

Этого не сделала газета Обдорского политотдела «Ударник Арктики». «Ударник Арктики», к сожалению, является одной из отсталых газет.

Редактор газеты т. Фролов и заместитель его т. Хантазеев сдали газету на откуп двум-трем своим сотрудникам: все январские и февральские (до 21 февраля) номера пестрят статейками и заметками одних и тех же авторов: «В. Март», «В. М.», «М. М.», «Мих. Энгер».

Многие номера почти целиком сделаны ими. 12 января, например, «В. М.» расписался по всем страницам. Он пишет о комсомоле, работе лесозаводов, завозе товаров на Север. В последующих номерах тот же «В. Март» и «В. М.» повествует об аэроклубе, подготовке к юбилею РККА, успехах охотника Канеева и т. д.

В жарком соревновании по писанине с В. Мартом участвует Мих. Энгер. Последний забывает соперника пространностью своих творений. Не удовлетворяясь отдельными статьями, Мих. Энгер «дает» целые полосы (10 февраля).

Нередко В. Март и Мих. Энгер выступают на страницах газеты в окружении подписей: «Р. С.», «В-ий», «С. Х.», «К.», «П.», «Мих. Энг.» и проч.

Авторы повторяются, штампуют. 10 февраля Мих. Энгер пишет:

«...руководитель Белогорстроя т. Евсеев, который зарылся в бумагах, не выходит из кабинета».

15 февраля опять:

«Евсеев опустил руки, потерял интерес к работе завода... не выходит из своего кабинета».

О руководителе Белогорстроя т. Евсееве за один месяц в газете опубликовано шесть статей и заметок.

15 февраля Евсеев упоминается сразу в трех заметках. Тут он не только «не выходит из кабинета», но и не экономит электроэнергию, у него, оказывается, «круглые сутки горели на квартире три лампочки».

18 января сообщается, что «Строительство идет самотеком и нач. строительства т. Евсеев на работе не бывает».

21 февраля Мих. Энгер «показывает» Евсеева в роли «перестраховщика». В статейке «Антигосударственная практика перестраховщика Евсеева» рассказывается, что подчиненные ему работники умышленно занизили сортность строительного леса. И сам, мол, руководитель таков. На собраниях рабочих и совещаниях Омтеруправления Евсеев кричал о низком качестве леса, и им «внедрялась мысль, что в этом и лежит причина плохой работы завода».

По определению Мих. Энгера, это «темная махинация руководителей Белогорстроя»... «перестраховщика Евсеева».

Публикуемые газетой материалы имеют весьма относительную действительность. По всем обвинениям, выдвинутым против Евсеева, редакция не имеет ни одного ответа о принятых мерах.

Вообще бездейственность публикуемых материалов — «стиль» работы газеты. За два месяца опубликовано лишь четыре ответа, причем два из них по заметкам «Плоды вредительской деятельности» и «Дела Сыскова» даже «в основном» не подтверждают правильности опубликованных фактов.

Оторванная от масс, не видящая дальше своего носа, газета неизбежно допускает грубейшие ошибки.

Историческое постановление Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков» было опубликовано в «Ударнике Арктики» 20 января.

Постановление Пленума является боевой программой действий для всех партийных организаций, вооружившей партию новым острым оружием в борьбе с врагами народа.

А как использовала это оружие газета «Ударник Арктики»?

Опубликовав постановление, газета молчала 13 дней. За это время не напечатано не только никаких откликов местных парторганизаций, не перепечатано даже ни одной информации ТАССа о ходе изучения и выполнения постановления Пленума.

3 февраля газета, наконец, написала передовую и, видимо, почувствовав свой промах, на первой же странице под большим клишированным заголовком «Партийная жизнь» дает отчет о собрании парторганизации Омтеруправления.

В отчете приводится выдержка из выступления начальника политотдела т. Сабылина, в которой ясно говорится:

«...Мы допускали исключение коммунистов из рядов партии без детального изучения оснований для исключения. Такие ошибки были допущены в парторганизациях Омтеруправления, авиалинии, судоверфи, лесной конторы. Нашим формально-бюрократическим отношением к коммунистам воспользовались враги народа, клеветники и карьеристы-коммунисты».

Оказывается, были ошибки в ряде партийных организаций, враги народа, клеветники и карьеристы провокаторы дискредитировали большевистские кадры, а газета молчит. В отчете сообщается, что выступило на собрании 12 товарищей, но что они говорили, кого из клеветников разоблачили, какие ошибки исправлялись на собрании — газета за-

малчивает. Этим отчетом и общей передовой заканчивается, по существу не начатая, пропаганда исторического постановления.

Незавидная роль обдорской газеты и в развитии стахановского движения на тобольских предприятиях и в тундре.

8 января газета печатает передовую «Шире ряды ударников и стахановцев». Газета жалуется на всех руководителей тобольских предприятий — начальника лесозавода, начальника строительства, стройконторы, гаража, которые считают якобы зазорным помогать стахановскому движению, обвиняет партийные, профсоюзные, комсомольские организации в том, что они «не лицом, а спиной» повернулись к стахановскому движению».

Об этом, — говорится в передовой, — достаточно убедительно рассказывают сами рабочие многих предприятий.

Нет никакого сомнения, что сами рабочие, стахановцы куда убедительнее, лучше рассказали бы о действительном состоянии стахановского движения, но голоса их со страниц «Ударника Арктики» не слышно. Хотя передовая и утверждает, что об этом достаточно убедительно рассказывают сами рабочие многих предприятий, в газете нет ни одного слова стахановцев.

Через месяц, 6 февраля, редакция еще раз вспоминает о существовании стахановцев. Не вспомнить было нельзя, так как 2 февраля состоялся слет стахановцев тобольских предприятий Омтеруправления. Конечно, редакция о предстоящем слете знала и раньше, но не удосужилась подготовиться к нему. Ко дню слета не дала ни передовой, ни высказываний, ни предложений стахановцев.

Слет прошел незаметно. Напечатано три коротеньких выступления тт. Мамаева, Решетникова, Масловского, общее, никого ничем не обязывающее постановление слета, редакция сочла свои обязанности конченными.

В работе «Ударника Арктики» полнейший самотек, никаких признаков редакционных планов. Даже такие номера как новогодний номер составляются из случайных материалов.

Вместо показа жизни трудящихся, подъема культуры и зажиточности народов Севера газета весь местный материал на четвертой полосе новогоднего номера представляет под такими крикливыми заголовками: «Кто виновники?», «Вакула и Стрельных разваливают автохозяйство Омтеруправления», «Кому доверили охрану завода?»

Странное увлечение показом лишь только одних недостатков заметно почти в каждом номере. Под плохим клишированным заголовком «Нам пишут» редакция старательно собирает все отрицательное:

«Враг на торгпункте Щучья», «Результаты преступного недомыслия», «Позорные итоги», «Плоды вредительской деятельности», «Проделки Берестенева», «Что скрывает Шайнский за громкими речами?» и тому подобное.

И ничего светлого, ничего положительного.

Газета оторвана от масс, не организуется вокруг себя актива, не имеет раб-

коров, тундровых корреспондентов. А людей способных, честных, передовых, желающих участвовать в газете, сколько угодно и где угодно, стоит только их поискать, привлечь, помогать, учить.

Редакция обдорской газеты и политотдел должны немедленно исправить ошибки «Ударника Арктики» и сделать газету подлинно политотдельской, большевистской.

М. ДЕРЖАВИН

ТЕАТРЫ В АРКТИКЕ

I

— Бывало, в царские времена, приезжает актер в заброшенный провинциальный город. Нужна ему комната, и ходит он из дома в дом, из квартиры в квартиру, и куда ни пойдет, осмотрят его подозрительно с ног до головы и скажут: «Нет, батенька, не сдаем». О нас думали так: «Ты актер, знаем мы тебя, ты, чего доброго, уедешь, за квартиру не заплатишь». Если известный артист или артистка — полбеды, а рядовому, скромному труженику сцены трудно приходилось. Сколько унижений, сколько моральных шлепков переживал он. А сейчас, куда мы ни едем, нас ждут с нетерпением, мы почетные гости.

Как бы в ответ на эти слова одного из участников гастрольных поездок Малого театра в Арктику национальная молодежь далекого Заполярья, Игарских курсов подготовки националов в пушной техникум, говорит:

— Очень понравилась нам игра артистов. Беда как хорошо играют, настоящую жизнь показывают. Мы очень просим вас, товарищи артисты, пойти к нам в тундру, на станок Хатанга, пусть наша молодежь, наши старики и старухи посмотрят вас. Пока в тундре у нас нет театров, и мы очень благодарны за то, что к нам на Север послали артистов. Хорошо жить в нашей свободной стране, где нет купцов и господ, оставшихся только в пьесах да сказках.

Театры в Арктике, на Крайнем Севере — это замечательная страница в истории освоения Севера. В каких условиях они работают, что они несут с собой, являясь там и тут в отдаленных северных окраинах нашей страны — все это в ярких, доступных для массового читателя красках показано в изданной книге «Театры в Арктике».¹

...Остров Диксона. У сигнальной вышки на берегу бухты оживление. Полярники впервые на этом далеком арктическом острове видят афишу Заполярного театра Политуправления Главсевморпути. Афиша оповещает зимовщиков о репертуаре театра — «Тартюф» Мольера, «Шестеро любимых» и др. Тем временем идет подготовка к спектаклям. Надо «одеть сцену», устроить светоаппаратуру, создать условия для зрителя, — зрительный зал и сцену и все это — в скромной по размерам и удобствам кают-компании зимовщиков. Изобретательные участники Заполярного театра, чтобы восполнить скудную подачу электроэнергии рацией Диксона, собирают у зимовщиков зеркала и устраивают «своеобразный агрегат из зеркал», преломляющий солнечные лучи и усиливающий свет на сцене.

Начинается спектакль. Кто его смотрит? Кто неумолчно аплодирует в зрительном зале, выражая благодарность за заботу о живом человеке? «Нашими зрителями, — пишут участники Заполярного театра, — были зимовщики Диксона, эпроновцы, команды ледоколов «Ермак» и «Русанов» и пароходов «Сталин», «Молотов», «Сажко», «Ванцетти», «Десна», «Анадырь», «Сталинград», были среди наших зрителей и работники факторий, и рыбаки, и сотрудники научных экспедиций. Дни, проведенные на Диксоне, остались в памяти как замечательные дни напряженной творческой работы».

...Дудинка. Давно уже не был здесь Семен Прокофьевич Потапов — охотник Плахинской тундры. За перевыполнение пушнозаготовительного плана он получил премию. И вот теперь он приехал в Дудинку справиться об обнове. Надо купить печь, швейную машину, велосипед, сукна, шелку, бисер, часы, ружье и еще всякой всячины.

Дудинку не узнать. Она обновилась, обстроилась. Да тут еще подоспела новость. Группа артистов Государственного Ордена Ленина Академического Боль-

¹ Издательство Главсевморпути, Л., 1937, тираж 10 000 экз., 264 стр., цена 8 р.

шого театра Союза ССР выступает с концертами. Как же не разволноваться от такого события. И Семен Прокофьевич вместе с другими людьми тундры, ненцами, сахами, эвенками, спешит послушать столичных артистов.

Впечатление от концерта огромное. Зрители взволнованы, обрадованы. Они горячо благодарят артистов Большого театра. Зовут к себе в тундру.

— Куда как понравился мне ваш концерт. Нам бы ваши песни на нашем языке петь.

— У нас в тундре много артистов: поют, танцуют, а скрипки в глаза не видели. Приезжайте к нам, хорошо угостим: лучшей оленьиной, лучшей рыбой, а вы научите нас играть.

...Игарка. Много солнца. Цветы, флаги, знамена. Город восторженно встречает артистов Государственного Ордена Ленина Академического Малого театра. С большим успехом проходит первый спектакль «На бойком месте».

Малый театр быстро завоевал авторитет среди жителей Игарки. Весть о пребывании здесь московских артистов мгновенно облетела Заполярный район. Узнали об этом и иностранные моряки. Они пришли в театр на спектакль «Любовь Яровая». После спектакля между моряками иностранных судов и советскими артистами завязывается оживленная беседа.

— Мы, — говорят они, — никак не ожидали, что в Арктике увидим знаменитый русский театр.

На следующий день иностранцы встретились с артистами Малого театра в Интернациональном клубе.

«Наша беседа зашла далеко за полночь, — пишет участница гастролей С. Чекина. — В этот вечер и мы выслушали много рассказов. Особенно запомнился рассказ английского кочегара о голоде и безработице. С каким волнением говорил он о миллионах безработных, о том, как мечтал увидеть Советский Союз. С какой ненавистью говорил он о том, что империалисты тотвятся к новой войне. «Красное знамя — сказал он, прощаясь, — наше знамя, оно и нам принесет победу».

«Среди команды иностранных судов немало негров. Рабочие Севенстроа пригласили их в гости. После товарищеского ужина они пели и танцевали, забывая о своей тяжелой жизни, о своем бесправии. «Мы едим за одним столом, — говорили гости, — мы поем, танцуем, смеемся, и вы называете нас товарищами. С малых лет ни разу мы не бывали так счастливы, как сегодня». И когда самый старый игарец подвел одного из негров к портрету Сталина и сказал: «Вот кто принес нам счастливую и радостную

жизнь», — гул аплодисментов прокатился по залу».

...Остров Врангеля. Далекий арктический клочок советской земли. Здесь полярная станция, зимовщики, национальное население — эскимосы, занимающиеся промыслом. За десять лет советизации острова он основательно обжит, обследован, изучен. Находясь далеко во льдах Восточносибирского моря, зимовщики острова Врангеля самоотверженно несут почетную вахту своей родины.

Зимовщики и этого далекого клочка суши не чувствуют оторванности от своей родины. Зимовщиков посетила группа Московской Государственной консерватории и дала здесь ряд концертов.

Проведенные концерты вызвали большое одобрение со стороны эскимосов и их русских товарищей.

— Хорошо, что к нам послали артистов, — говорит помощник начальника острова Врангеля, выдвигенец эскимос Таян. — Радостно и весело провели мы праздник. Хорошо бы организовать школу для воспитания национальных кадров работников искусства. Спасибо товарищу Сталину за заботы о нас.

В это время на острове был Герой Советского Союза т. Молоков. Он отметил:

— Замечательный концерт, который вы дали на острове Врангеля, — одно из самых отрядных зрелищ, которое я видел за все время своей семилетней работы в Арктике.

Остров Диксона, Дудинка, Игарка, остров Врангеля — это только малая доля посещенных московскими артистами пунктов Арктики и Крайнего Севера. Мы здесь воспроизвели из книги лишь небольшую часть всей проделанной работы в Арктике представителями перодовой театральной культуры.

II

В книге «Театры в Арктике» собраны очерки ряда авторов — участников гастролей. Первый раздел «Два театральных рейса» написан членами бригады Заполярного театра Главсевморпути В. Карелиным и Д. Черневским. Второй раздел «Тридцать дней за полярным кругом», о гастролях Государственного Академического Большого театра, написан Г. Шахнаровичем. Третий раздел «Поездка, которая никогда не забудется» представлен очерками участницы гастролей Государственного Академического Малого театра С. Чекиной. Авторами четвертого раздела «Четыре месяца в Арктике» являются участники гастро-

лей. Московской Государственной консерватории С. Рудницкая и А. Дьяков.

Все эти разделы книги объединены одной идеей: авторы ее стремились рассказать читателю о своей весьма значительной и плодотворной работе по культурному обслуживанию Севера, показать, как выросло национальное население Крайнего Севера в своих культурных запросах, в своем народном творчестве, показать Заполярье сегодняшних дней, его хозяйственный и культурный рост.

В целом книга оправдывает себя, она читается с интересом.

Наиболее ярко и с большим мастерством написаны очерки С. Чекиной — «Поездка, которая никогда не забудется». Ее очерки отличаются идейной насыщенностью, продуманным, правдивым отображением действительности, критическим взглядом при оценке того или иного явления, стремлением показать Заполярье как оно есть. Ценно то, что С. Чекина, в отличие от других авторов этой книги, наиболее разносторонне ведет свое повествование о проделанной работе, о виденном, о пережитом.

Читатель с большим интересом прочтет главы об Игарке, о ее людях, о ее росте — о всем том, что окружало артистов в этом замечательном заполярном «Новгороде». Здесь отображены и сам город, и основа хозяйственной деятельности — карская экспедиция, и встречи с людьми... Не забыты и дети Игарки.

«Две тысячи игарских школьников, — пишет автор, — это армия зазорных, жизнерадостных талантливых ребятшек... Среди школьников много отличников учебы, много юных артистов, художников, поэтов и деткоров газеты «Пионер Заполярья». Это они имели оживленную, полную творческой радости переписку с Алексеем Максимовичем Горьким, с Ромэн Ролланом». Очерки С. Чекиной рассказывают о том, как учатся дети Игарки, как проводят досуг, как живут в своеобразных условиях Заполярья, как они растут творчески. Приведенное в книге стихотворение ученика четвертого класса, четырнадцатилетнего отличника учебы Степы Перевало «Весна в Игарке» ярко отражает жизненный тонус игарских ребят:

Вы пришли, желанная весна,
Здравствуйте, вы что-то запоздали?
Май к концу, а мы еще вчера
По сугробам с лыжами ныряли.

А сегодня — лыжи в уголок.
Снег ползет от солнечной атаки,
Здесь ручьи, а там — уже поток,
Ель вздымает к солнцу ветви-лапки.

Мох зеленый, рыжий и седой
В кучках-кочках скромно распушился,
Косогор, что к солнцу над рекой,
Сбросив снег, в траву принарядился.

Птицы хоровод заводят по утрам,
Воробьи щебечут деловито,
И гусиный первый караван
Нам привет от юга прокурлыкал.

Солнце бродит сторожем кругом,
День — длиннее песни эскимоса.
Енисей, беснуясь подо льдом,
Силится разрушить власть торосов...

Не плохо описаны в книге и поездки Заполярного и Большого театров. Несколько слабее поданы дневники С. Рудницкой и А. Дьякова — «Четыре месяца в Арктике». Авторы дневников в ряде мест показали работу Государственной консерватории в Арктике схематично, примерно в таком стиле: «Слушали лекцию по астрономии», «В пять часов утра прибыли на мыс Шмидта», «В полдень прошли мыс Шалаурова» и т. д.

В целом же книга, объединенная одной темой, вполне оправдывает свой выход в свет. Учитывая слабые стороны одних очерков и сильные стороны других, Издательство вполне правильно сделало, объединив их в одной книге. Один автор дополняет другого. От этого книга в целом значительно выигрывает и исчерпывающе разрешает поставленную задачу.

Правда, в книге есть и существенные недостатки, она не лишена и ошибок.

Редактор книги О. Я. Кучеров проделал большой труд над подготовкой рукописей к печати. Зная, как зарождалась эта книга, нельзя не приветствовать Издательство в проявлении инициативы. Тем не менее ошибки, допущенные в книге, непростительны.

Заключаются они в оценке освоения Арктики. На стр. 6, в предисловии «от Издательства» отмечается, что участники гастролей рассказывают не только о своих поездках, но и о строительстве на Севере и «замечательных героях, освоивших Советскую Арктику» (разрядка моя. — М. Д.).

Бесспорно, в Арктике проделана огромная работа. Но значит ли это, что Арктика уже освоена? Нет, не значит. Наоборот, предстоит еще много работы по освоению Северного морского пути — центрального и главного звена в нашей работе на Севере.

«Мы можем смело утверждать, — говорит О. Ю. Шмидт, — что Северный морской путь прочно проложен. Но было бы легкомысленно думать, что путь окончательно освоен. Мы все еще испы-

тываем ежегодно большие трудности в проводке кораблей через льды. Мы еще недостаточно знаем целый ряд участков пути. Наши ледовые прогнозы еще очень не совершенны...»¹

Навигация 1937 года на северных морях также подтверждает это со всей очевидностью. И, несмотря на это, Издательство Главсевморпути выступает с утверждением, что Арктика уже «освоена».

Ошибка эта не случайно допущена в книге. Она повторяется неоднократно и в других местах.

На стр. 103 мы читаем:

«Мы должны выступить с лучшими произведениями искусства перед славными полярниками, освоившими Советскую Арктику (разрядка моя.— М. Д.).»

На стр. 146:

«...увидеть Арктику и показать спектакли... героям, освоившим Советский Север, было так заманчиво и увлекательно...» (разрядка моя.— М. Д.).

Не доставляет большого труда увидеть из сопоставления этих выдержек, что шапкозакидательские, зазнайские

¹ См. статью «Север к двадцатилетию Октябрьской революции», опубликованную в № 11 «Советской Арктики» за 1937 г.

утверждения принадлежат не авторам очерков, они вписаны в текст самой редакцией Издательства.

О чем говорят эти ошибки? Откуда они идут?

В нашей системе долгое время «ходила» вредная «теория» о том, что «Арктика освоена окончательно». Ныне разоблаченные враги народа всячески пытались «протолкнуть» эту вредную «теорию» в сознание полярников, чтобы осуществить свои коварные замыслы и остановить дальнейшее освоение Арктики в угоду германо-японским фашистам. Уроки морской навигации 1937 года показывают, что эта «теория» ревностно проводилась врагами народа на практике. Дошло дело до того, что считалось зазорным иметь на судах «зимовочный запас». Даже своевременная доставка в порты угля была нарушена.

Не приходится и доказывать, какой огромный вред принесли самоуспокоенность, зазнайство и самовосхваление, имевшие место, а кое-где имеющиеся и сейчас в нашей системе. К сожалению, Издательство не поняло этого и допустило большую ошибку.

Остается пожелать Издательству больше работать над качеством книг и более активно взяться за восполнение пробела в издании книг «Полярной библиотеки».

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 2 «Советской Арктики» за 1938 год в статье за подписью И. «Извлечь уроки» т. Мартисову ошибочно приписана вредительская деятельность, а т. Прищепа охарактеризован как разоблаченный и исключенный из партии. Как сообщил нам исполнивший обязанности начальника Архангельского подотдела Севморпути т. Логунов, данные товарищи ошибочно были исключены из партии, в рядах партии они

восстановлены и реабилитированы. Признавая свою ошибку в помещении непроверенных и незаслуженно компрометирующих тт. Мартисова и Прищепа сведений, редакция сообщает, что автором статьи является инструктор Политуправления И. Трофимов.

Материал по этому вопросу редакцией передан для разбора в парторганизацию Главсевморпути.

Редакционная коллегия

Адрес редакции: Москва, улица Коминтерна, 4/7. Тел. 4-35-95.

Технический редактор Ю. А. Таубер

Сдано в набор 17 апреля 1938 г.

Бум. 70 × 108 см. 7 печ. л.

Уполн. Главлита № Б-45469

3½ бум. л.

Заказ № 1383.

11 уч.-авт. л.

Изд. № 41

Подписано к печати 29 мая 1938

120 000 тип. зн. в бум.

Тираж 10 000 экз.

Типография «Коминтерн», Ленинград, Красная ул., д. 1.